

89

19.

U 295
205

801-14
2788

353.15
1.89

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

Н. А. Ухачь-Огоровичъ.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Купченко, Пушкінская ул., домъ № 4.
1911.

ВОЕННАЯ

ПСИХОЛОГИЯ

2824-45

переплет

2007057641

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	I.
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	
Ученіе о Мірозданіи	1
ГЛАВА ВТОРАЯ.	
Душа	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	
Душевная дѣятельность	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.	
Органы душевной дѣятельности	52
ГЛАВА ПЯТАЯ.	
Психофизика	69
ГЛАВА ШЕСТАЯ.	
Темпераментъ и характеръ	116
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.	
Психологія толпы и арміи	165
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.	
Воинская дисциплина	192
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.	
Воинская доблесть	204
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.	
Психологія военного хозяйства	224

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ области военнаго искусства три четверти успѣха зависятъ отъ моральныхъ силъ, и только одна четвертая часть—отъ матеріальныхъ средствъ борьбы. Означенное соотношеніе показываетъ, что моральный отдѣлъ военнаго искусства надлежитъ изучать прежде всего и болѣе всего. Отдѣломъ этимъ вѣдаетъ Военная психологія.

Въ первой половинѣ предлагаемой книги даются свѣдѣнія изъ общей психологіи; свѣдѣнія эти составляютъ фундаментъ для изученія душевныхъ явленій въ военномъ дѣлѣ. Во второй половинѣ книги изслѣдованы главнѣйшіе военные вопросы, съ точки зрѣнія Военной психологіи.

Для большей наглядности, въ концѣ книги приложены два рисунка и одинъ чертежъ, поясняющіе текстъ.

Авторъ.

1 Августа 1911 г.

Кіевъ.

Опечатка. На стр. 64, въ строкѣ 19-й, напечатано—„благоразумныхъ стремленій“; слѣдуетъ читать—„благородныхъ стремленій“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ученіе о Мірозданіи.

Все наше Мірозданіе слагается изъ бесконечно малыхъ частицъ—атомовъ и электроновъ, обладающихъ чрезвычайной энергіей. Дабы получить организмъ высшаго порядка, требуется указанныя частицы соединить во-едино и механически, и духовно.

Изъ цѣлаго ряда наукъ,—біологіи, медицины, психологіи, философіи и др. извѣстно, что одно соединеніе атомовъ, хотя и обладающихъ собственной жизнью, не даетъ еще организму такъ сказать общей жизни и способности разумно дѣйствовать. Необходима еще таинственная, непостижимая Одухотворяющая Сила, которая ставитъ атомы во взаимную сознательную зависимость, соединяетъ энергію отдѣльныхъ частицъ въ одинъ общій духъ жизни. Только тогда, сотканный изъ бесконечно малыхъ величинъ, организмъ получаетъ способность дѣйствовать: физически—благодаря матеріи, изъ которой онъ созданъ; духовно—благодаря духу жизни.

Народы всѣхъ странъ и эпохъ, подъ Одухотворяющей Силой понимали Творца Вселенной.

Во всѣ времена философы пытались понять существо Бога. Однако мыслители пришли къ заключенію, что человеку не дана возможность проникнуть въ эту величайшую тайну умомъ, но доступно вѣрить въ Бога нашими чув-

ствами. Величіе и всемогущество Бога мы наблюдаемъ въ міровыхъ явленіяхъ; мы сознаемъ, что безконечное пространство, вѣчность и матерія, изъ которой созданъ весь видимый міръ, съ его изумительными законами, не могли явиться сами собою, а могли быть только сотворены Все-могущей Силой.

Люди всѣхъ вѣковъ и странъ, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія вѣрили въ бытіе Верховнаго Существа, правящаго міромъ; поклонялись этому Существо; воздавали извѣстное чествованіе, приносили жертвы, стремились найти въ немъ опору для своей жизни. Подобные факты могутъ быть объяснены только тѣмъ, что при сотвореніи міра, въ человѣка была вложена вѣра въ Божество; эта вѣра соединяетъ человѣка съ Творцомъ Вселенной, что и выражается въ религіи и религиозныхъ обрядахъ. Только вѣра въ Бога даетъ возможность понять міръ, а пониманіе міра составляетъ основу здраваго мышленія.

Обратимся къ исторіи.

Прежде всего возникаетъ вопросъ — былъ ли религіозенъ доисторическій человѣкъ? Письменныхъ документовъ конечно не имѣется, но сохранились доказательства вещественныя, а именно. На югѣ Франціи, въ Ориньякской пещерѣ, а также во многихъ другихъ мѣстахъ, открыты, въ глубинѣ земли, погребальныя склепы, устройство которыхъ относится къ доисторическимъ временамъ. Существованіе склеповъ, въ родѣ кладбища, указываетъ на существованіе религиозныхъ обрядовъ, а эти послѣдніе — на существованіе религіи, что возможно только при вѣрованіи въ Божество.

Отъ самой глубокой древности исторической эпохи уцѣлѣли отрывки легендъ и народныхъ преданій, изъ коихъ видно, что религія была распространена среди людей. Слово религія означаетъ союзъ человѣка съ Богомъ. Изложенное выше показываетъ, что этотъ союзъ существовалъ съ перваго же дня жизни перваго человѣка.

Первобытный человѣкъ, дикарь, неодолимый духомъ сомнѣнія, вызваннаго цивилизаціей, всецѣло отдавался тому міровоззрѣнію, какое было заложено въ его душу при сотвореніи. Какое же это міровоззрѣніе?

Религія дикаря выясняетъ самый существенный вопросъ, а именно, вопросъ о происхожденіи понятія о Богѣ.

Нуждаясь въ пищу и теплѣ, дикарь вполне определенно чувствовалъ свою полнѣйшую зависимость отъ стихійныхъ силъ природы. Но наблюдая внѣшній міръ, первобытный человѣкъ видѣлъ, что пища и тепло имѣютъ своимъ источникомъ видимое солнце. Движеніе этого свѣтила указывало, что оно — существо живое, а слѣдовательно обладаетъ такими же чувствами, какими обладаетъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, дикарь внутренне сознавалъ, это видно изъ религиозныхъ обрядовъ, что видимое существо надѣлено колоссальной силой, подъ воздѣйствіемъ которой все совершается планомѣрно, неуклонно. Видя все это, дикарь естественно проникался сознаніемъ бытія Высшаго *матеріальнаго* существа, отъ котораго зависитъ все земное и которое поэтому надлежитъ боготворить.

Однако жизнь въ своей семьѣ и племени убѣждала дикаря о существованіи явленій иного порядка. Преданность семьѣ и племени, подчиненіе старшимъ и соблюденіе обычаевъ — награждалось общимъ благополучіемъ. Такимъ образомъ дикарь убѣждался и сознавалъ, что матеріальныя блага являются прямымъ слѣдствіемъ духовныхъ побужденій, духовной силы. Невольно эта послѣдняя получила значеніе *духовнаго* божества, охраняющаго и покровительствующаго племени. вмѣстѣ съ тѣмъ дикарь видѣлъ, что все матеріальное, въ предѣлахъ ежедневныхъ потребностей человѣка, подчиняется духу, который представлялся въ образѣ безплотнаго отца племени. Такое сознаніе было перенесено на всю природу, и тогда все видимое, включая небесныя свѣтила, были подчинены этому Духу. Величіе Духа выражалось въ томъ, что Онъ наполнялъ собою все земное —

воды, горы, лѣса и проч.; всѣ предметы стали одушевленными, одаренными жизнью. Только создавши себѣ представленіе о Великомъ Духѣ, которому было подчинено все видимое и невидимое, — первобытный человекъ понялъ Мірозданіе; нашелъ свое личное душевное спокойствіе въ религиозныхъ обрядахъ; сталъ обращаться къ безплотному Духу съ молитвою и началъ приносить ему дары.

Исторія религіи убѣждаетъ, что въ разные эпохи человекъ боготворилъ небесныя свѣтила, неодушевленные предметы, звѣрей, физическія силы природы, и проч.; что онъ боготворилъ предковъ и поклонялся имъ. Все это конечно такъ, и все это иначе не могло быть, разъ только человекъ сознавалъ, что Великій Духъ—всюду Сущій. Только при такомъ условіи Нилъ и Гангъ получили значеніе священныхъ рѣкъ; горы, рощи, ущелья могли получить значеніе священныхъ мѣстъ. Въ данномъ случаѣ сдѣлана уступка матеріальной природѣ, согласно коей человекъ стремится воплотить свои вѣрованія въ вещественные образы. Однако такое воплощеніе доказываетъ желаніе человека сильнѣе дѣйствовать на свой собственный внутренній міръ; возбуждать религиозное чувство видомъ олицетвореннаго божества. Подобное олицетвореніе составляетъ, повторяю, уступку матеріальной природѣ человека. Только весьма немногія, свѣше одаренныя натуры могутъ созерцать Божество умозрительно, своими духовными силами, а не внѣшними органами зрѣнія и слуха.

Итакъ, Духъ всюду Сущій и Единый—вотъ общее основаніе, на коемъ развились потомъ отдѣльныя, національныя религіи разныхъ народовъ.

Историкъ Плутархъ, жившій въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. пишетъ: „Посмотрите на лицо земли: вы найдете города безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ чиновначалія; увидите людей безъ жилищъ; незнающихъ употребленія монетъ; не имѣющихъ понятія объ изящныхъ искусствахъ; но вы не найдете ни одного человѣческаго обще-

ства безъ вѣры въ Божество, ни одного города, въ которомъ не было бы никакого святилища, не были бы въ обычаѣ никакія молитвы, жертвы, клятвы“....

Изложенное показываетъ, что вѣра въ Бога и религія составляютъ *врожденную, психическую потребность человека*, а не измышленіе ума. Умъ, какъ творческая сила, даетъ только внѣшнія формы духовному содержанію религіи; но и творческая сила ума беретъ начало въ томъ же самомъ источникѣ всѣхъ духовныхъ силъ, имя которому Богъ.

Явилось христіанство и завершило союзъ человека съ Богомъ. По ученію Христа, Богъ—небесный Отецъ; люди—его дѣти. Эта необычайно простая и столь же глубокая постановка вопроса создала самое совершенное основаніе для опредѣленія и развитія христіанской религіи. Отношеніе между Богомъ и человекомъ становятся исключительно нравственными, чуждыми страха и рабскаго поклоненія. Изъ обширной области нравственныхъ побужденій, первое и главное мѣсто заняли—безграничная любовь и довѣріе къ своему Отцу. Любовь и довѣріе коренятся въ сердцѣ каждаго человека, а потому каждый человекъ можетъ быть христіаниномъ, независимо рода, племени, состоянія. Такимъ образомъ христіанство—это религія внутренняго вдохновенія; это самый совершенный духовный союзъ, воплощенный въ живой личности своего божественнаго Основателя.

Но вотъ бѣжали года; за ними шли столѣтія; совершенствовался умъ человека, внося во всѣ области, въ томъ числѣ и религиозную,—анализъ, критику, недовѣріе. Постигая явленія природы своимъ умомъ, человекъ пришелъ къ убѣжденію, что именно умъ—основа всего сущаго. На такомъ умовомъ основаніи созрѣла теорія, согласно коей Мірозданіе явилось вслѣдствіе естественнаго развитія, безъ участія Высшей духовной силы. Появился дарвинизмъ, объясняющій развитіе и преобразование живыхъ организмовъ естественнымъ подборомъ; окрѣпла старая теорія вѣчнаго движенія атомовъ и электроновъ, каковое движеніе или эволюція матеріи составляетъ причину Мірозданія.

Такъ какъ вѣра въ Бога относится къ области чувствъ, а умовыя теоріи—къ области познанія, то сопоставлять два ученія, построенныя на совершенно разныхъ основаніяхъ—безполезно. Вотъ почему, первоначально обратимся къ уму столь же сильному и авторитетному, какъ и тотъ, который создалъ теорію естественнаго подбора и эволюціи.

Англійскій философъ Бэконъ Веруламскій, 1561—1626 г., основатель современнаго эмпиризма, или теоріи познанія путемъ опыта, говоритъ, что Богъ познается именно изъ природы, и что серьезное изученіе естественныхъ наукъ приводитъ къ религіи, а не къ безбожью.

Величайшій математикъ и астрономъ Кеплеръ, 1571—1630 г., свое сочиненіе о гармоніи міровъ заключаетъ слѣдующими словами: „Благодарю Тебя Создатель и Богъ, что Ты даровалъ мнѣ эту радость о твореніи Твоемъ, это восхищеніе дѣлами рукъ Твоихъ. Я открылъ величіе дѣлъ Твоихъ людямъ, насколько могъ мой конечный умъ постигнуть Твою безконечность. Если я сказалъ что нибудь недостойное Тебя, то прости милостиво“.

Геніальный математикъ и физикъ, открывшій законъ тяготѣнія, Ньютонъ. 1643—1727 г., произнося имя Бога, обнажалъ голову. На гробницѣ Ньютона имѣется надпись: „онъ прославлялъ въ своей философіи величіе всемогущаго Бога, а своею жизнію представлялъ евангельскую простоту“.

Наконецъ англійскій философъ XIX столѣтія, Гербертъ Спенсеръ, авторъ наиболѣе обоснованныхъ трудовъ по выясненію общихъ вопросовъ мірозданія, въ частности—эволюціи, въ 1903 г., заявилъ: „какъ возникло вещество и какъ началось его движеніе—остается въ настоящее время совершенно необъяснимымъ, на почвѣ естествознанія. Необходимо поэтому остановиться на мысли о существованіи Высшей силы, какъ Высшей причины всего сущаго и движущагося“.

Итакъ умы, столь же великіе, какъ и отрицающіе Бога, опредѣленно заявляютъ, что именно знанія приводятъ къ

религіи, и что изученіе именно природы убѣждаетъ чело-вѣка въ существованіи Творца Вселенной.

Вѣра въ Бога основана на чувствахъ и самосознаніи. Но если обратиться къ холодному уму, то получатся слѣдующіе выводы, подтверждающіе голосъ самосознанія, а именно—

а) Безконечно малые атомы и электроны, изъ коихъ состоитъ Мірозданіе, не могли явиться сами собою изъ ничего, а могли быть только сотворены; иного объясненія не существуетъ.

б) Атомы и электроны обладаютъ колоссальнымъ движеніемъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ колебаній въ секунду; такое движеніе не могло возникнуть само собою, а могло получить начало только отъ Всемогущей Силы.

в) Физико-химическіе законы и процессы, открытые и наблюдаемые въ Мірозданіи, не могли установиться сами собою, безъ Творческой Силы.

г) Законы природы совершенно безстрастны и абсолютно равнодушны къ духовнымъ запросамъ чело-вѣка. Если такъ, то гдѣ же источникъ духовныхъ силъ, существованіе которыхъ признаетъ самый убѣжденный атеистъ? Умъ, чувства, воля, совѣсть—все это такіе духовные двигатели, наличие которыхъ не возбуждаетъ сомнѣнія. Изумительный, непостижимый переходъ отъ физико-химическихъ процес-совъ, въ головѣ чело-вѣка, къ духовному пониманію явленій внѣшняго міра—можетъ совершаться не иначе, какъ подъ воздѣйствіемъ Одухотворяющей Силы, Сила эта служитъ безграничнымъ и самымъ совершеннымъ источникомъ ду-ховной дѣятельности чело-вѣка.

д) Наконецъ, миллиарды жившихъ и живущихъ людей даютъ утвердительный, вполне опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, имѣющій первостепенное значеніе для чело-вѣче-ства. Немыслимо допустить, чтобы чувства миллиардовъ сердець ошибались и давали неправильное рѣшеніе вопроса о Божествѣ, на протяженіи десяти тысячъ лѣтъ истори-ческой эпохи. Въ частности, философы всѣхъ эпохъ и на-

родовъ неизмѣнно признавали, что Богъ—это абсолютный разумъ Вселенной, абсолютная истина, благо и красота, начало всего идеальнаго, Творецъ всего сущаго Такъ напр. уже въ IV вѣкѣ до Р. Хр. греческій философъ Ксенофанъ вполне опредѣленно училъ о единомъ Богѣ, какъ реальномъ существѣ всѣхъ вещей.

д) Въ виду изложеннаго, отрицаніе Бога несомнѣнно доказываетъ, что такое отрицаніе или атеизмъ составляетъ явленіе въ высокой степени ненормальное; составляетъ особую форму душевной болѣзни. Поэтому умъ атеиста, по основному вопросу о Мірозданіи, стоитъ гораздо ниже ума первобытнаго человѣка, который всѣмъ сердцемъ и всей душой сознавалъ бытіе Творца Вселенной; который признавалъ, что все сотворилъ, всѣмъ управляетъ Всемогущій и Всеблагій Богъ—всюду Сущій и Единый!

Считаю необходимымъ изложить современное положеніе вопроса о происхожденіи человѣка.

По ученію Библии, всѣ безъ исключенія организмы, въ томъ числѣ и человѣкъ, созданы Богомъ; каждый организмъ, при сотвореніи, получилъ свое опредѣленное строеніе.

Въ отвѣтъ на ученіе Библии были выдвинуты двѣ гипотезы: первая—о самопроизвольномъ зарожденіи живыхъ существъ; вторая—о перерожденіи видовъ.

По мнѣнію первой гипотезы, живые существа появились сами собой, отъ дѣйствія физико-химическихъ процессовъ. Опыты французскаго ученаго Пастера показали, что кажущееся самопроизвольное зарожденіе составляетъ только дальнѣйшее развитіе зародышей, которые находятся въ водѣ, воздухѣ и химическихъ растворахъ; первоначальное же появленіе зародышей совершенно необъяснимо. Если уничтожить въ водѣ, воздухѣ или растворахъ всѣ зародыши микроорганизмовъ, то органическая жизнь въ очищенной средѣ самопроизвольно не возобновляется. Послѣ указанныхъ опы-

товъ Пастера и англичанина Тиндаля, теорія о самопроизвольномъ зарожденіи потеряла всякое довѣріе. Даже главный сторонникъ первой гипотезы Дарвинъ, послѣ провѣрки изслѣдованій, высказалъ, — „на настоящей своей точкѣ, наука не благопріятствуетъ мнѣнію, что живыя существа въ настоящее время происходятъ самопроизвольно“. Но, не желая отказаться отъ своей гипотезы, поклонники ея заявляютъ, что въ исторіи земли былъ такой единственный моментъ, когда подъ дѣйствіемъ какихъ то необычайныхъ, но все-таки естественныхъ силъ—появилась органическая матерія, обладающая жизнью. Непонятная, сверхъ естественная и необычайная сила—не можетъ служить основаніемъ ученія, претендующаго на научную достовѣрность, добытую разумомъ.

Несостоятельность первой гипотезы уничтожаетъ всѣ послѣдующіе выводы изъ таковой, къ числу коихъ относится гипотеза о перерожденіи видовъ. Тѣмъ не менѣе и вторая гипотеза была подвергнута научной критикѣ. Въ результатѣ оказалось слѣдующее.

Вторая гипотеза—перерожденіе, трансформация или эволюція видовъ, отрицаетъ участіе творческаго акта въ дѣлѣ появленія на землѣ человѣка, и объясняетъ происхожденіе его путемъ естественнаго преобразованія низкихъ формъ животной жизни въ высшія.

Въ отвѣтъ на это палеонтологія, наука о вымершихъ животныхъ, говоритъ, что въ древнѣйшихъ геологическихъ пластахъ, въ коихъ впервые встрѣчаются слѣды органической жизни, найдены всевозможные виды растительнаго и животнаго царства, что доказываетъ одновременное появленіе тѣхъ и другихъ на землѣ, чего не должно быть при послѣдовательномъ перерожденіи одного вида въ другой.

Затѣмъ, искусственное разведеніе несуществовавшихъ ранѣе породъ, напр. лошадей, собакъ, растений, не доказываетъ преобразованія видовъ, потому во первыхъ—что такія преобразованія касаются только второстепенныхъ свойствъ организма и только въ предѣлахъ вида; измѣненная лошадь

остаётся все таки лошадию; но возможность произвести изъ цвѣтка—верблюда недоказана. Во вторыхъ, искусственно выращенныя особенности недолговѣчны и скоро или возвращаются въ первоначальное состояніе, или новый видъ вымираетъ. Слѣдовательно, естественные законы не только не содѣйствуютъ перерожденію, но стремятся таковое остановить и сохранить устойчивость прежнихъ видовъ. Конечно, условія жизни оказываютъ огромное вліяніе на усовершенствованіе, но таковое возможно, повторяю, только въ предѣлахъ одного вида.

Наконецъ, *исторія* не отмѣтила появленія ни одного новаго вида; напротивъ, найденныя въ египетскихъ гробницахъ пшеничныя зерна, весьма древняго происхожденія, будучи посѣяны—произвели такую же пшеницу, какая и нынѣ растетъ въ Египтѣ. Такова сила устойчивости вида.

Относительно человѣка, вторая гипотеза заявляетъ, что человѣкъ произошелъ благодаря перерожденію обезьяновидной формы въ человѣческую. Однако научныя изслѣдованія въ этомъ направленіи дали такіе результаты: нѣтъ ни одной обезьяны, которую можно было бы сравнить съ человѣкомъ, хотя бы приблизительно, въ духовномъ отношеніи; различіе между высшею обезьяной и низшимъ дикаремъ—огромное; связующее звено между человѣкомъ и обезьяной до сихъ поръ еще не открыто. Слѣдовательно, между человѣкомъ и обезьяной существовала и нынѣ существуетъ пропасть, совершенно непроходимая, а потому недопускающая перерожденія.

Въ подтвержденіе второй гипотезы, приводится сообщеніе, что первобытный человѣкъ, якобы составлявшій переходную ступень отъ обезьяны къ человѣку, существенно отличался отъ человѣка современнаго. По означенному вопросу, Вирховъ, авторитетъ котораго признанъ всѣми культурными странами, говоритъ: „Немного болѣе десяти лѣтъ тому назадъ,—писано въ 1887 году,—когда нашли одинъ черепъ въ торфѣ, въ болотистыхъ застояхъ или въ

древнихъ пещерахъ, то думали видѣть въ немъ нѣкоторыя особенныя черты, свидѣтельствующія о дикомъ, не вполне развитомъ состояніи. На этомъ основаніи хотѣли дать ему обезьянскій видъ. Но все это, послѣ разысканій все болѣе и болѣе разсѣивалось. Древніе троглодиты*), обитатели палеолита, люди торфа, представляютъ изъ себя общество вполне почтенное. Они имѣютъ голову такой величины, что большинство лицъ теперь живущихъ почитали бы для себя за счастье имѣть подобную. Вообще, мы должны дѣйствительно признать, что ни одинъ изъ ископаемыхъ типовъ не представляетъ черты, указывающей на низшее развитіе. И даже, если мы сравнимъ сумму человѣческихъ ископаемыхъ, извѣстныхъ до настоящаго времени, то мы можемъ смѣло утверждать, что между теперь живущими людьми существуетъ гораздо большее число индивидуумовъ относительно низшихъ, (уродовъ) чѣмъ между ископаемыми, о которыхъ идетъ вопросъ. Наконецъ, до сихъ поръ еще не нашли ни одного ископаемаго обезьянскаго или человѣко-обезьянскаго черепа, который бы дѣйствительно принадлежалъ какому либо человѣку“.

Что же касается доисторическихъ людей, представленіе о которыхъ даетъ палеонтологія съ доисторической археологіей, то всѣ данныя науки приводятъ къ тому, что люди съ самаго появленія своего на землѣ владѣли всѣми существенными принадлежностями духовно-тѣлесной природы, какія свойственны и современному человѣку; открываемые наукою древніе люди стояли къ животнымъ не ближе, чѣмъ въ настоящее время. Наиболѣе важнымъ показателемъ высоты духовнаго развитія людей разнаго времени и различныхъ расъ признается объемъ черепа: измѣряютъ въ миллиметрахъ высоту, ширину и длину череповъ, а затѣмъ сравниваютъ суммы трехъ этихъ измѣреній. Съ точки зрѣнія указаннаго критерія, самый древній человѣкъ не можетъ

*) Пещерные люди.

быть поставленъ ниже современнаго, что видно изъ такихъ данныхъ: черепъ каменнаго вѣка 462,8—475,5 м.м.; средняя мѣра черепа всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ—471,9 м. Слѣдовательно, черепъ современнаго человѣка составляетъ среднюю величину между черепами древнихъ людей. Ничего подобнаго немогло случиться при постепенномъ перерожденіи обезьяны въ человѣка.

Что же касается духовныхъ потребностей, коими человѣкъ главнымъ образомъ отличается отъ всѣхъ прочихъ живыхъ организмовъ, то въ этомъ отношеніи имѣются такія данныя—„изображенія мамонта, носорога и лошади на слоновыхъ костяхъ или на твердомъ сланцѣ, сдѣланныя нерѣдко съ поразительною вѣрностью природы, и найденныя во множествѣ именно изъ самага древняго, такъ называемаго палеолитическаго вѣка, прямо показываютъ, что люди этого вѣка владѣли рѣдкимъ художественнымъ талантомъ и умѣнемъ готовить орудія для искусства“.... „Лучшіе скульпторы нашего времени, говоритъ Давкинсъ, занимавшійся съ особеннымъ усердіемъ изслѣдованіемъ художественныхъ работъ перводревняго человѣчества, — „едва ли сдѣлали бы что либо изящнѣе этихъ работъ, если матеріаломъ имѣли камни и кости, а рѣзцомъ—простой кремневый камень“.

Все изложенное выше показываетъ, что попытки опровергнуть ученіе Библии о происхожденіи человѣка оказались явно несостоятельными, а потому мы должны вѣрить, что первый человѣкъ дѣйствительно сотворенъ Творцомъ Вселенной.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Душа.

Источникомъ духовныхъ силъ,—моральнаго или нравственнаго элемента,—служить душа. Исторія убѣждаетъ, что уже первобытный человѣкъ стремился понять психическія явленія, стремился къ отвѣту—что такое душа? На почвѣ такого стремленія работали и до настоящаго времени работаютъ величайшіе мыслители, пытаясь разъяснить по существу вопросъ, волнующій человѣчество.

Чѣмъ же вызывается такое упорное стремленіе?

Дѣло въ томъ, что опредѣленное рѣшеніе вопроса о душѣ создаетъ мировоззрѣніе, соотвѣтственно данному рѣшенію; налагаетъ печать на весь складъ идей, чувствъ, стремленій и дѣйствій человѣка. Слѣдовательно, рѣшеніе капитальнѣйшаго вопроса имѣетъ и духовное, и практическое значеніе. Такъ напр., отрицающіе душу человѣка очень скоро лишаются основанія для нравственной дѣятельности, опускаются до степени животнаго. Отрицая источникъ духовныхъ явленій, этимъ самымъ человѣкъ отрицаетъ Высшій разумъ Вселенной, а свой собственный умъ расходуетъ на повседневныя растительныя потребности. Въ такомъ состояніи человѣкъ становится чуждымъ культурѣ, теряетъ способность и возможность оставаться въ обществѣ людей, въ государствѣ. Непризнающаго существованіе души легко узнать по внѣшнему облику: невытѣтый, не-

чесаный, грязный, грубый въ обращеніи, на знающій элементарныхъ правилъ общежитія и нравственности—вотъ типъ человѣка, для котораго основу міровоззрѣнія составляетъ только матерія.

Прямую противоположность представляютъ мистики, съ ихъ таинственнымъ, загадочнымъ ученіемъ о существованіи сверхчувственного духа. Эта вторая крайность уноситъ человѣка въ область недостижимыхъ на землѣ идеаловъ, а вслѣдъ за симъ создается стремленіе отрѣшиться отъ всего земного—собственности, обязанностей, семьи, общества, законовъ, государства; создается якобы совершенное отреченіе отъ матеріи.

Вотъ до какихъ крайностей доводитъ вопросъ о душѣ. Неудивительно поэтому, что десятки столѣтій человѣчество упорно стремится къ рѣшенію вопроса, составляющаго фундаментъ земной жизни человѣка. Попытки въ означенномъ направленіи, дали четыре слѣдующихъ воззрѣнія на природу духа.

1) Теорія *материализма*. Первые же наблюденія надъ человѣкомъ показали, что организмъ его состоитъ изъ двухъ частей: тѣла или матеріи, и какой то непостижимой таинственной силы, которая одухотворяетъ тѣло, даетъ сознаніе. Такъ какъ совершенно отрѣшиться отъ матеріи умъ человѣка не могъ, и не могъ представить себѣ силы безъ матеріи, то была создана теорія, согласно коей душа тоже матеріальна. Однако признавалось, что атомы души необычайно нѣжны, невѣсомы, подвижны. Душу человѣка представляли въ видѣ облика, имѣющаго форму человѣческаго тѣла. При такихъ условіяхъ, душа чувствовала тоже самое, что чувствовалъ человѣкъ. Такое понятіе о душѣ сохранилось и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ бытовыхъ выраженіяхъ, напр., „душа болитъ“; „весело на душѣ“; „выйти изъ себя“; „дурное расположеніе духа“—что означало, якобы душа, вернувшись въ тѣло послѣ сна, размѣстилась неудобно, дурно, и проч. Если часть души уходила

изъ тѣла—человѣкъ засыпалъ или впадалъ въ обморокъ; если же вся душа и навсегда оставляло организмъ—человѣкъ умиралъ.

Выразителемъ теоріи матеріальной души былъ греческій философъ Демокритъ, жившій въ IV вѣкѣ до Р. Хр.

2) Теорія *идеализма*. По мнѣнію этой школы, душа абсолютно духовна, идеальна и находится за предѣлами нашихъ чувствъ. Поэтому понять душу своими чувствами человѣкъ не можетъ. Душа—это сила сверхчувственная, но, тѣмъ не менѣе, самостоятельно существующая. Приблизиться къ пониманію этой силы, къ пониманію души, по мнѣнію означенной школы, можно только умозрительно, сосредоточившись въ самомъ себѣ, уединившись отъ всего матеріальнаго. Согласно даннаго ученія, душа находится въ тѣлѣ въ формѣ идей. Поэтому все, что видитъ, слышитъ, чувствуетъ человѣкъ, составляетъ дѣятельность души, а не воздѣйствіе внѣшняго міра. Такъ напр., человѣкъ видитъ свѣтъ не потому, что солнце свѣтитъ, а потому, что въ сознаніи человѣка существуетъ идея свѣта.

Проповѣдниками идеальной души были греческіе философы, жившіе до Р. Хр.: Парменидъ—въ V столѣтіи, и особенно Платонъ—въ IV вѣкѣ.

Такимъ образомъ, уже въ глубокой древности было создано два ученія о душѣ, прямо противоположныхъ: матеріальное и идеальное. Крайность, слѣдовательно и неправильность этихъ двухъ ученій, стала постепенно выясняться, что привело къ третьей теоріи, указанной ниже, въ п. 3. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этой теоріи, необходимо выяснитъ, что собственно привело къ двумъ указаннымъ выше представленіямъ о душѣ.

Наблюдая явленія природы, человѣкъ убѣждался, что внѣшній міръ онъ постигаетъ посредствомъ органовъ зрѣнія, слуха, осязанія и проч. Органы эти вполне матеріальны, а потому могли воспринимать только матеріальное. Ничего иного не могло попасть въ сознаніе человѣка, за неимѣ-

ніемъ соотвѣтственныхъ путей. Такое воззрѣніе естественно привело къ теоріи о матеріализмѣ всего сущаго, въ томъ числѣ и души.

Идеалисты напротивъ,—признавали, что глаза, уши и другіе органы чувствъ не могутъ служить источникомъ истиннаго знанія, такъ какъ органы эти слишкомъ несовершенны, а потому даютъ недостоверныя ощущенія того, что въ дѣйствительности происходитъ во Вселенной. Поэтому явленія природы можно постигать только умомъ, чистой мыслью, не связанной матеріей.

Взаимная критика двухъ означенныхъ теорій привела къ слѣдующимъ выводамъ: матерія инертна, пассивна и сама по себѣ неспособна къ дѣйствию; между тѣмъ, дѣятельность челоука не подлежитъ сомнѣнію, что разрушаетъ теорію матеріализма. Тогда поклонники этой теоріи придумали такой выходъ—матерія непременно заключаетъ въ самой себѣ нѣкоторую силу, которая и двигаетъ атомы. Но что такое сила—такъ и осталось невыясненнымъ до настоящаго времени.

Теорія идеалистовъ настолько противорѣчила ежедневнымъ явленіямъ и наблюденіямъ, отрицать которыя немислимо, что идеализмъ вызвалъ даже насмѣшки. Такъ напр., нѣмцы предлагали вопросъ идеалисту-философу Фихте: признаетъ ли онъ существованіе своей собственной супруги или же мадамъ Фихте—только идея?!

Въ результатѣ, крайнія ученія не дали опредѣленнаго отвѣта что такое душа; появилась третья теорія.

3) Теорія *дуализма* или ученіе о двойственности бытія. Означенная теорія стремилась соединить два указанныхъ выше ученія—матеріализмъ и идеализмъ. Каждый челоукъ отлично понималъ, что матерія дѣйствительно существуетъ, и прежде все въ видѣ челоуческаго тѣла; съ другой же стороны немислимо было отрицать невидимую силу, которой подчинялась матерія. Стремясь примирить установленныя теоріи и явленія дѣйствительной жизни, философы создали

особую теорію дуализма, согласно коей матерія и духъ—существуютъ самостоятельно, независимо другъ отъ друга, параллельно другъ другу. Такимъ образомъ, по теоріи дуализма, матерія и духъ—два основныхъ, равновеликихъ и самостоятельныхъ начала природы. Духъ признавался за силу, но силу особую, за силу природы, а не силу божественную. При такомъ толкованіи, возникалъ новый вопросъ—какимъ образомъ безчувственная сила природы давала сознаніе, мышленіе, понятія объ идеализмѣ, словомъ, давала обширную область душевной дѣятельности. Критика дуализма указывала, что вновь созданная теорія не разъясняетъ самаго главнаго—какимъ образомъ сила природы переходитъ въ разумъ, постигаетъ то, чего челоукъ даже не видитъ, не слышитъ, не осязаетъ.

Теорія дуализма создана въ глубокой древности греческими философами; постепенно развиваясь, теорія эта въ наши дни получила наименованіе теоріи вѣчнаго движенія, эволюціи, *эволюціонизма*. Теорія эволюціи учитъ, что въ природѣ существуетъ матерія въ видѣ бесконечно малыхъ атомовъ, и существуетъ вѣчное, чрезвычайно энергичное движеніе, благодаря которому матерія соединяется и распространяется въ бесконечно разнообразныя формы и соотношенія.

Представителями дуализма въ древности считаются греческіе философы, жившіе въ V столѣтіи до Р. Хр.,—Анаксагоръ и Сократъ. Оба они стремились также дать отвѣтъ—откуда же взялось движеніе? Анаксагоръ училъ, что начало общему движенію далъ разумъ, который обладалъ самостоятельнымъ движеніемъ. Очевидно, такое объясненіе не могло удовлетворить современниковъ. Сократъ же, въ концѣ своей жизни, призналъ, что существуетъ во вселенной Духовная Сила, которая проявляется въ челоуческомъ разумѣ и сознаніи.

Въ нашу эпоху, теорія эволюціи наиболѣе развита и обоснована въ трудахъ англійскаго философа Герберта

Спенсера. Но и Спенсеръ призналъ, что вопросъ о происхожденіи матеріи и движенія не разрѣшимъ на почвѣ нашихъ познаній. Необходимо поэтому допустить существованіе Высшей Силы, какъ Первопричины всего сущаго.

Если суммировать изложенное, то получимъ слѣдующій выходъ.

Еще въ глубокой древности человѣкъ стремился понять, что такое душа, и давалъ посильныя разъясненія. Появились разныя школы, которыя у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи и до нашихъ дней, имѣли своихъ проповѣдниковъ-философовъ и своихъ вѣрующихъ.

Въ природѣ, дѣйствительно существуетъ матерія и сила, одухотворяющая матерію. Поэтому раздѣлить матерію и силу, возвести каждое изъ этихъ началъ на степень первенствующаго, какъ это дѣлаютъ матеріалисты и идеалисты, праздная попытка. Если же соединить два начала на равныхъ основаніяхъ, то и въ этомъ случаѣ нельзя получить рѣшенія вопроса о душѣ. Безвыходное положеніе понимали сами философы, и каждый изъ нихъ, проповѣдая свою *основную* теорію, дѣлалъ разныя уступки въ пользу теоріи противоположной. Благодаря сему, всѣ теоріи запутаны въ сильнѣйшей степени. Запутанность мысли даетъ неясность изложенія. И дѣйствительно, каждая теорія излагается въ такихъ условныхъ выраженіяхъ и символахъ, что даже спеціалисты съ трудомъ понимаютъ, въ чемъ дѣло. Что же касается не-спеціалистовъ, то они предпочитаютъ не тратить времени на чтеніе непонятныхъ разсужденій. Таковы послѣдствія постановки вопроса на почву исключительно *ума*. Исторія, слѣдовательно, убѣждаетъ, что холодный умъ, вооруженный даже современными открытіями и опытами въ области наукъ, сродныхъ философіи, не можетъ дать отвѣта—что такое душа?

Что же дѣлать? Необходимо обратиться къ религіи и поставить вопросъ на почву вѣры, на почву чувствъ.

4) Ученіе *религии* о душѣ. Вѣра въ душу, имѣющую самостоятельное существованіе въ человѣкѣ, составляетъ ре-

лигіозный догматъ или неоспоримую истину, которая при-суша даже дикому первобытному народу, стоявшему на самой низкой степени культурнаго развитія. Такое вѣрованіе подтверждалось наблюденіями. Человѣкъ ежедневно убѣждался, что кромѣ физическаго напряженія и видимой работы мускуловъ, внутри тѣла ощущается особое состояніе, которое невозможно было видѣть, слышать, осязать. Такъ, напр., радость, гнѣвъ, обида, стыдъ и тому подобныя явленія прекрасно сознавались, но не имѣли образа, формы; протяженія. Очевидно, источникомъ подобнаго состоянія служила какая то особая сила, имѣющая самостоятельное значеніе въ организмѣ. Ощущеніе въ себѣ самомъ такой силы привело человѣка къ сознанію собственнаго я, собственнаго духа, который и былъ источникомъ познаній, чувствъ, желаній. Совокупность же этихъ состояній и составляетъ душу.

Въ существованіи души первобытный человѣкъ убѣждался также изъ сновидѣній. Видѣть во снѣ отсутствующаго друга не могло быть объяснено иначе, какъ присутствіемъ въ данномъ мѣстѣ души близкаго человѣка. Такъ какъ въ сновидѣніяхъ являлись также родные, давно умершіе, то естественно было придти къ двумъ заключеніямъ; во первыхъ—что тѣло живетъ и дѣйствуетъ только благодаря душѣ; во вторыхъ—что душа бессмертна и продолжаетъ существовать послѣ смерти тѣла. Понятно, что вѣра въ бессмертіе души и свободное движеніе ея въ пространствѣ создала особое міровоззрѣніе о загробной жизни.

Подобное міровоззрѣніе у разныхъ народовъ получало различныя формы. Прежде всего человѣкъ почувствовалъ себя окруженнымъ душами умершихъ людей; затѣмъ возникло поклоненіе душамъ умершихъ предковъ, такъ какъ духъ усопшаго признавался хранителемъ семейныхъ традицій; наконецъ—создалось вѣрованіе, что душа возвращается въ тѣло, а потому тѣлу воздавались опредѣленныя почести и заботились о сохраненіи его послѣ смерти.

Библия учитъ, что человекъ сотворенъ Богомъ по Его образу и подобию (Быт. I, 23—25). Богоподобіе духа человеческого и есть та основа, на которой окончательно установилось ученіе о душѣ. „Образъ Божій заключенъ въ душѣ человека, который, имѣя родство съ Богомъ, какъ дыханіе Его, въ силу этого неудержимо стремится къ Нему“ (Григорій Богословъ). Обладая свойствами духовными и богоподобными, душа—безсмертна. И дѣйствительно, по ветхозавѣтному ученію, душа человеческая, по самой природѣ своей, есть начало не умирающее, и она должна возвратиться къ Богу, который далъ ее (Екл. 12, 7).

По ученію Новаго Завѣта, человекъ представляетъ храмъ Духа Святаго. Такое ученіе даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ—что такое душа, а именно: душа—это *божественная сила, вложенная въ человека при сотвореніи*. Только поэтому ощущеніе души испытывалъ уже первобытный человекъ, не отдавая себѣ отчета, какая именно сила таится въ немъ и проявляется въ безконечно разнообразныхъ явленіяхъ, столь непохожихъ на явленія физическія.

Въ человекѣ душа воплощается въ духовное „я“, которое слагается изъ ума или познанія, чувствъ, воли и совѣсти. Вотъ реальное представленіе души человека.

Невольно возникаетъ слѣдующій вопросъ—божественная сила не склонна ко злу; откуда же появилось зло въ родѣ человеческомъ? Подъ зломъ надо понимать нарушеніе человекомъ обязанностей въ отношеніи Божества и ближняго.

Человекъ состоитъ изъ души и тѣла, а потому воспринимаетъ впечатлѣнія и духовныя, и физическія. Дабы зло отсутствовало, необходимо, чтобы міръ духовный и міръ физическій въ человекѣ находились въ полной гармоніи, отдавая должное душѣ и тѣлу, не нарушая равновѣсія, не порабощая другъ друга. Но человекъ созданъ существомъ разумно-свободнымъ, а слѣдовательно можетъ въ опредѣ-

ленныхъ предѣлахъ поддерживать или нарушать гармонію тѣла и души. Духъ человека,— богоподобный и безсмертный, способенъ совершенствоваться безконечно и въ этомъ именно отношеніи надо понимать свободу духа. Тѣло же заключено въ очень небольшой кругъ, образуемый физическими законами, а потому человекъ пользуется весьма небольшой свободой въ пространствѣ и времени. Получается большая несоизмѣримость двухъ началъ, духовнаго и тѣлеснаго, и какъ слѣдствіе сего очень большая чуткость къ впечатлѣніямъ духовнымъ и физическимъ, нарушающимъ равновѣсіе въ человекѣ.

Первый человекъ былъ надѣленъ разумомъ, свободной волей и чувствами, что въ общемъ составляло превосходную почву для дальнѣйшаго совершенствованія. Дабы не помѣшать этому совершенствованію и не нарушать гармоніи души и тѣла, первый человекъ получилъ завѣтъ—не переходить указанного выше круга или рубежа, за которымъ начинается торжество тѣла и рабство духа.

Но,—во всѣхъ странахъ земного шара, у всѣхъ народовъ древняго и новаго времени, мы находимъ преданія, саги и миѣы о первоначальномъ счастливомъ состояніи первыхъ людей и послѣдовавшей затѣмъ утратѣ его вслѣдствіе грѣхопаденія. Наиболѣе правдивое и понятное сказаніе о состояніи перваго человека и грѣхопаденіи находится въ Библии. Преданія всѣхъ народовъ пяти частей свѣта не могутъ быть ложными, а потому вопросъ о первоначальномъ состояніи человека и его грѣхопаденіи надо считать вполне разрѣшеннымъ, не вызывающимъ сомнѣнія.

Внѣшняя сторона грѣхопаденія заключалась въ томъ, что человекъ перешелъ установленныя физическія границы, отдалъ предпочтеніе своей физической природѣ, въ ущербъ духовной, и этимъ нарушилъ гармонію съ большимъ вредомъ для своего тѣла. Внутренній же смыслъ грѣхопаденія тотъ, что, понадѣявшись на силу своего духа, человекъ попытался дать ему такую свободу, какая не отвѣчаетъ

земной жизни, а именно—попытался стать выше завѣта и законовъ, установленныхъ Творцомъ Вселенной. Очевидно, такая попытка должна была кончиться весьма печально, и прежде всего въ томъ отношеніи, что человѣкъ потерялъ свое душевное равновѣсіе души и тѣла, потерялъ спокойствіе, свое счастливое состояніе.

Прямымъ послѣдствіемъ такого разлада получилось торжество физической природы, или низшихъ чувствъ, въ угоду которымъ человѣкъ началъ нарушать свои обязанности къ Божеству и ближнему, что и составляетъ зло въ родѣ человѣческомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Душевная дѣятельность.

Источникомъ душевной дѣятельности служить душа человѣка. Подъ душевной дѣятельностью человѣка понимаются наши познанія, чувства, желанія, мысли, воспоминанія и т. п. Мы можемъ наблюдать всѣ эти явленія душевной жизни, изучать ихъ и затѣмъ пользоваться добытыми свѣдѣніями для практическихъ цѣлей. Наблюденія и изученія привели къ слѣдующимъ опредѣленнымъ даннымъ, составляющимъ, такъ сказать, основу психологіи.

а) Душа человѣка едина и недѣлима, но душевная дѣятельность проявляется въ очень разнообразныхъ и весьма сложныхъ формахъ.

б) Въ организмѣ человѣка физическое и духовное неотдѣлимо: въ дѣлахъ человѣческихъ не бываетъ духовнаго отдѣльно отъ физическаго. Иными словами—тѣлесныя и духовныя силы человѣка соединены между собою органически, неотдѣлимо. Такое состояніе и зависимость обѣихъ силъ въ древности выражали афоризмомъ: „въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа“. Состояніе двухъ означенныхъ силъ судя по наблюденіямъ въ военномъ дѣлѣ, таково: три четверти успѣха зависятъ отъ духовныхъ силъ или нравственнаго элемента, и только одна четверть зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ данной работы. Надо полагать, что и во всѣхъ прочихъ областяхъ человѣческой дѣятельности соотношеніе будетъ такое же.

в) Основные стороны души человека следующие: умъ, воля, чувства и совесть. Каждая сторона вѣдает своей особой дѣятельностью и проявляется въ своихъ специальныхъ формахъ.

г) Приборомъ, посредствомъ котораго проявляются душевныя движенія, служитъ наша нервная система. Приборъ этотъ, необыкновенной чуткости, находится въ постоянной готовности дѣйствовать по первому сигналу. Такимъ образомъ, нервы какъ бы соединяютъ въ одно цѣлое элементы физическій и духовный; матерію и сознание. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нервы служатъ проводникомъ всѣхъ движеній изъ области физической въ духовную, и обратно.

д) Душевные явленія,—радость, мужество, гнѣвъ и проч., не имѣютъ матеріальнаго состава, не имѣютъ матеріальныхъ частицъ; не имѣютъ также внѣшняго вида, не занимаютъ мѣста. Поэтому душевные явленія не могутъ быть восприняты зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ. Такихъ явленій нельзя видѣть, слышать, осязать.

ж) Данное душевное явленіе въ полной мѣрѣ понятно только тому человеку, въ коемъ оно совершается. Поэтому душевные явленія познаются путемъ внутренняго самонаблюдения и самосознанія.

з) Душевная дѣятельность можетъ выражаться словами, жестами, тѣлодвиженіями, а въ болѣзненномъ состояніи проявляются разнаго рода ненормальностями. Наблюдая внѣшнія проявленія душевной дѣятельности, можно составить нѣкоторое представленіе о душевномъ состояніи даннаго человека, хотя познать истину, познать по внѣшнимъ проявленіямъ то, что на самомъ дѣлѣ происходитъ въ душѣ другого человека,—невозможно. Специальные познанія и личный опытъ приближаютъ къ правильному рѣшенію вопроса; на этомъ основано леченіе душевно-больныхъ и экспертиза душевнаго состоянія человека.

Вотъ главные выводы, достигнутые психологіей.

Въ дальнѣйшемъ, излагается дѣятельность каждой стороны души, въ отдѣльности.

I. У м ъ.

Умъ—это *духовная сила, которая познаетъ предметы и явленія*. Первоначально человекъ воспринимаетъ впечатлѣнія при помощи пяти своихъ чувствъ; впечатлѣнія передаются въ головной мозгъ и здѣсь обрабатываются. Обработанныя впечатлѣнія даютъ намъ ясное представленіе или образъ чего либо. Напр., если глазъ нашъ увидитъ двѣ группы людей; оба эти зрительныя впечатлѣнія немедленно передаются въ мозгъ, здѣсь обрабатываются и даютъ отвѣтъ—что это такое и какія это группы? Во первыхъ, получается отвѣтъ, что это люди. Затѣмъ, если группа организована по военному—мы понимаемъ, что это войсковая часть—рота, эскадронъ, батарея и проч. Если группа состоитъ изъ обыкновенныхъ людей—мы говоримъ, что это толпа. Тоже самое, если ухо наше передастъ въ мозгъ какойнибудь шумъ. Воспринятое ухомъ впечатлѣніе, обрабатывается въ мозгу и даетъ отвѣтъ—какой это шумъ? Стрѣльба ли это изъ артиллерійскихъ орудій, удары грома, взрывъ бомбы, паденіе предмета, крики человека и т. п.

Умъ человека можетъ также создать образъ и никогда невидѣнный. Мы никогда не видѣли потопа. Но, имѣя представленіе о дождѣ, водѣ, землѣ, человекъ и пр., умъ можетъ соединить все это въ одну картину, которую глазъ непосредственно не наблюдалъ. Отсюда видно, что умъ можетъ вызвать представленіе о предметахъ или явленіяхъ изъ глубины человеческого духа и безъ внѣшнихъ впечатлѣній. Таковъ общій порядокъ духовной работы ума, этой духовной *познающей* силы. Какіе именно нервы участвуютъ въ этой работѣ, указано ниже.

Если умъ—духовная сила, то значить силу эту можно увеличивать соответственными упражненіями. Такъ, напр., впечатлѣніе, которое получаетъ человекъ сегодня, можетъ быть очень не яснымъ; но если это впечатлѣніе повторить, то оно обрисуетъ болѣе отчетливо, а при новомъ и новомъ

повтореніи—сдѣляется совершенно понятнымъ, такъ какъ повторенное впечатлѣніе будетъ обрабатываться все лучше и скорѣе. На такой особенности ума и основано его развитіе. Умственное развитіе состоитъ именно въ томъ, что умъ быстро, правильно и отчетливо обрисовываетъ полученные впечатлѣнія и немедленно даетъ отвѣты. Упражнять умъ можно посредствомъ личныхъ наблюденій надъ предметами и явленіями; бесѣдами; чтеніемъ книгъ. Если умъ будетъ обрабатывать однородныя впечатлѣнія, то естественно онъ будетъ развиваться въ специальномъ направленіи. Вотъ почему отдѣльныя области человѣческихъ знаній, а въ томъ числѣ и военное дѣло, можно довести до высокой степени совершенства; необходимо только развивать умъ въ желаемой области.

Умъ даетъ слѣдующія душевныя состоянія:

Мышленіе, размышленіе—это духовная работа ума средней силы; впечатлѣнія получаютъ и обрабатываются при обыкновенномъ напряженіи ума; мысли слѣдуютъ одна за другой послѣдовательно, спокойно и равномерно.

Увѣренность—такая работа ума, которая даетъ совершенно ясное представленіе о предметахъ или явленіи; отчетливая переработка полученныхъ впечатлѣній даетъ отчетливое пониманіе того, что совершается; увѣренно, т. е. отчетливо и ясно можетъ работать такой умъ, который путемъ упражненій развилъ способность быстро знакомиться съ впечатлѣніями и таковыя быстро перерабатывать; увѣренность вызываетъ жажду успѣха, отдастъ ясныя опредѣленныя приказанія, поднимаетъ энергію.

Сомнѣніе—это не ясная и не отчетливая обработка впечатлѣній; умъ не можетъ понять полученныхъ впечатлѣній, а потому не можетъ оцѣнить, какое значеніе имѣютъ эти впечатлѣнія. Колебаніе ума и составляетъ сомнѣніе. Это послѣднее является, главнымъ образомъ, въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не знаетъ своего дѣла и не привыкъ работать головой. Не отдавая самому себѣ яснаго отчета

въ чѣмъ дѣло, человѣкъ начинаетъ колебаться, впадаетъ въ сомнѣніе. Въ области военной, сомнѣніе—одно изъ самыхъ худшихъ и весьма опасныхъ душевныхъ состояній, которое приводитъ къ тому, что воинскій чинъ не знаетъ, на что рѣшиться, а потому ничего не предпринимаетъ или начинаетъ путать и другихъ сбивать съ толку. Сомнѣвающийся начальникъ избѣгаетъ распоряжаться лично, а старается возложить свои обязанности на другое лицо, а въ случаѣ невозможности—отдастъ темныя, неясныя распоряженія, отъ которыхъ потомъ легко отказаться, подъ предлогомъ, что подчиненный не понялъ. Единственнымъ средствомъ противъ сомнѣнія служитъ твердое знаніе своихъ обязанностей и пониманіе средствъ борьбы. Кто напр., твердо знаетъ основныя средства родовъ оружія; кто понимаетъ, что значитъ появленіе противника въ данномъ пунктѣ, тотъ не станетъ сомнѣваться и колебаться, какое именно средство и какимъ образомъ употребить его съ цѣлью добиться успѣха.

Память—это необыкновенно драгоценная особенность ума сохранять прежнія впечатлѣнія въ головѣ человѣка. Память—это своего рода кладовая, въ которой сохраняются впечатлѣнія, свѣдѣнія, образы и другія нужныя ему представленія, которыя умъ беретъ, когда потребуется. Такъ, напр., при атакѣ укрѣпленія, умъ получаетъ впечатлѣнія и таковыя сохраняетъ. При новой атакѣ память воскреситъ удачныя и неудачныя приемы атаки, а умъ—воспользуется первыми и будетъ остерегаться вторыхъ. Память служитъ основаніемъ опыта, а опытъ въ военномъ дѣлѣ имѣетъ преимущественное значеніе.

Это главнѣйшіе виды душевнаго состоянія на почвѣ ума. Къ этимъ видамъ примыкаетъ много разновидностей, какъ, напр.,—глубокая дума; разсѣянность; скука т. е. отсутствіе умственныхъ интересовъ; мечтательность—это размышленіе о несбыточныхъ желаніяхъ; недоумѣніе; подозрѣніе; догадка—это первый шагъ къ выходу изъ сомнѣнія; притворство; лицемѣріе и проч.

II. В о л я.

Воля—это такая духовная сила, которая выполняет требованія ума и чувствъ; которая *двигаетъ средства борьбы къ цѣли*. Воля, какъ и всякая сила, можетъ быть разнаго напряженія, разной величины. Воля очень большого напряженія, не знающая преградъ къ достиженію цѣли, называется большой, настойчивой, упорной волей. Исторія убѣждаетъ, что только такая именно воля дѣлаетъ человѣка великимъ. Въ военномъ дѣлѣ твердая воля заглушаетъ инстинктъ самосохраненія и очень тяжелыя впечатлѣнія въ бою; даетъ возможность преодолѣвать утомленіе, голодъ и другія невзгоды, неизбѣжныя на войнѣ. Кромѣ того, твердая воля составляетъ единственное средство подчинить себѣ младшихъ въ полной мѣрѣ и вести ихъ даже на вѣрную гибель. Безвольный человѣкъ не можетъ командовать другими съ надлежащей пользой для дѣла. Воля даетъ слѣдующіе виды душевнаго состоянія.

Вниманіе—это выжидательное состояніе воли; первое проявленіе волевыхъ духовныхъ силъ въ то время, когда умъ не закончилъ еще работы и не далъ опредѣленной задачи. Лишь только вниманіе возбуждено, немедленно начинаетъ работать соотвѣтственный органъ. Если, напр., начальникъ отдаетъ приказаніе, то вниманіе заставляетъ работать слуховые нервы, которые передаютъ слова въ мозгъ слушателя; вниманіе къ словамъ начальника должно быть настолько большое, чтобы другія слуховыя впечатлѣнія, — музыка, стрѣльба, шумъ отъ движенія и т. п., не могли уменьшить впечатлѣнія словъ начальника. Только при этомъ условіи, распоряженіе будетъ надлежаще понято. Если, напр., глазъ увидитъ противника, то немедленно вниманіе, какъ особая сила, сосредоточитъ всѣ зрительныя нервы на предметъ наблюденія, въ полной мѣрѣ настолько, что другіе ближайшіе предметы совершенно не попадаютъ въ поле зрѣнія.

Невнимательность—это ослабленное состояніе воли вслѣдствіе утомленія, головной боли или природнаго недостатка нервной системы. Невнимательность лишаетъ возможности сосредоточиться на одномъ предметѣ. Въ области военной, невнимательность вноситъ безпорядокъ, иногда очень большой и даже роковой для успѣха, если, напр., будутъ перепутаны распоряженія въ бою. Бываютъ люди отъ природы невнимательные; таковыхъ нельзя назначать на отвѣтственныя должности. Иногда невнимательность является слѣдствіемъ непосильной работы и переутомленія; польза дѣла требуетъ ставить исполнителя въ нормальныя условія работы.

Неакуратность—тоже одинъ изъ видовъ ослабленной воли; у человѣка нехватаетъ силъ довести дѣло до конца. Недостатокъ этотъ выражается тѣмъ, что работа не выполняется въ должной мѣрѣ и создается столь ужасное „кое-какъ“ и „авось“. Подобное отношеніе къ дѣлу въ нашу эпоху, можетъ дать гибельныя послѣдствія. Въ современной войнѣ, требуется очень точно рассчитать и приготовить средства борьбы, и малѣйшее „кое-какъ“ въ военномъ дѣлѣ можетъ поставить армию въ очень тяжелое, иногда — безвыходное положеніе.

Энергія—это напряженное состояніе нервной системы, необходимое для выполненія данной задачи. Лишь только получится опредѣленная задача, воля немедленно мобилизуетъ нервную систему и мышцы человѣка, а затѣмъ расходуетъ это напряженіе на соотвѣтственную работу. Напряженіе бываетъ разной силы, и отъ этого зависитъ большая или меньшая энергія исполнителя.

Настойчивость—это такое повышенное состояніе душевныхъ силъ, когда человѣкъ не смущается неудачами и твердо идетъ къ намѣченной цѣли. Въ военной области настойчивость составляетъ въ высокой степени цѣнное качество, неизмѣнно приводящее къ успѣху.

Самообладаніе—это способность человѣка подчинить самому себѣ свой умъ, свои чувства и даже страсти. Само-

обладание даетъ нервной системѣ равновѣсіе и спокойствіе, а это послѣднее позволяетъ разобратъся въ полученныхъ впечатлѣніяхъ, разсорттировать ихъ по дѣйствительной стоимости и затѣмъ принять рѣшеніе, отвѣчающее обстановкѣ. Изложенное показываетъ, что безъ самообладанія нельзя быть начальникомъ, такъ какъ, не владея собой, нельзя руководить работой подчиненныхъ.

Частная инициатива—это способность воли немедленно дѣйствовать по личному усмотрѣнію, на свою личную отвѣтственность. Въ нашу эпоху массовыхъ армій, когда движенія и бои происходятъ на огромныхъ пространствахъ, а обстановка мѣняется ежечасно,—только при помощи частной инициативы можно эксплуатировать средства борьбы въ полной мѣрѣ, на общую пользу. Отсутствие частной инициативы превращаетъ армию въ пассивный, малоподвижный и недѣятельный организмъ, который заранѣе обреченъ на неудачи. Но, дабы личная инициатива содѣйствовала общему успѣху, безусловно необходимо, чтобы частныя усилія не противорѣчили общей цѣли и общимъ распоряженіямъ, а затѣмъ направлялись къ одной и той же общей цѣли. Правильно рѣшить частный вопросъ можно только при совершенномъ пониманіи общей обстановки. Вотъ почему таковая всегда должна представляться совершенно отчетливо въ сознаніи частныхъ начальниковъ.

Храбрость—это короткое и необычайно сильное повышение дѣятельности нервной системы, направляющее всѣ физическія и духовныя силы человѣка къ достиженію намѣченной цѣли, хотя бы цѣною личной гибели. Для храбраго человѣка опасностей не существуетъ, ибо съ такими онъ не считается.

Мужество—это продолжительное и весьма сложное душевное состояніе, въ составъ котораго входятъ энергія, самообладаніе, настойчивость и храбрость; послѣдняя въ скрытомъ видѣ, до перваго толчка. Изъ приведеннаго опредѣленія видно, что мужество составляетъ самое драгоцѣн-

ное качество воинскаго чина; качество, которое создаетъ успѣхъ.

Трусость—совершенное отсутствіе воли и самообладанія: господство инстинкта жизни и самосохраненія. Во всѣ эпохи, у всѣхъ народовъ трусъ признавался за существо наиболее презрѣнное. И дѣйствительно, трусость—такое колоссальное зло, которое неизмѣнно приводитъ къ гибели. Трусость возможна не только на полѣ сраженія, но и въ административно-хозяйственной области. Въ такомъ видѣ трусость создаетъ огромныя затрудненія въ снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ для жизни и боя. Въ виду столь огромнаго значенія трусости, таковую необходимо искоренять всѣми средствами, главнымъ образомъ—развивая и укрѣпляя воинскій долгъ, чувство собственнаго достоинства, самообладаніе, а также угрожая очень тяжкимъ наказаніемъ.

Командованіе и подчиненіе—это соединеніе воли многихъ отдѣльныхъ лицъ въ одну общую и однородную волевою силу, каковая затѣмъ направляется къ единой цѣли. Командованіе и подчиненіе составляетъ основу всего мірозданія. Солнце командуетъ въ области нашей планетной системы; земля подчиняется солнцу и только потому можетъ существовать; въ государствѣ, верховная власть командуетъ сверху—подданные подчиняются снизу, и только при этихъ условіяхъ возможно человѣческое общежитіе: въ каждой воинской части, командуетъ начальникъ таковой, а всѣ подчиненные исполняютъ его распоряженія, и только на этой почвѣ формируется разумная боевая сила воинской части.

Къ области воли относятся также: упрямство, которое заключается въ стремленіи поставить по своему; аккуратность, исполнительность; *терпѣніе*—это выжидательное состояніе воли съ цѣлью перенести какую нибудь невзгуду или выждать удобный моментъ для перехода въ активной дѣятельности; нерѣшительность—это колебанія волевой

силы при выполнении данной задачи. Въ отношении нерѣшительности, военная психологія говоритъ—лучше рѣшиться на что нибудь, чѣмъ безконечно колебаться.

Развитіе и укрѣпленіе воли составляетъ главнѣйшій отдѣлъ Военной Педагогики.

III. Чувства.

Подъ чувствомъ надо понимать опредѣленное *состояніе души*. Выше выяснено, что умъ и воля—это духовныя силы; чувство же—это состояніе души. Чувства дѣлятся на двѣ группы: физическія или низшія, духовныя или высшія. Къ первымъ относятся боль, жажда, голодъ, утомленіе, слабость, вялость и вообще всякое физическое состояніе самага организма. Низшія чувства получаютъ вслѣдствіе дѣйствія на организмъ физическихъ причинъ, напр., удара, раны, избытка свѣта и т. п., или вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія нѣкоторыхъ нашихъ органовъ. Духовныя же чувства возбуждаются отвлеченными представленіями, напр., красота, злоба, любовь, истина, справедливость, правда, и т. п. Указанныя и тому подобныя отвлеченныя представленія вызываютъ высшее состояніе души, высшія чувства. Каждое чувство или даетъ пріятное впечатлѣніе и возбуждаетъ, или даетъ непріятное впечатлѣніе и угнетаетъ человѣка. При возбужденіи—сильнѣе работаетъ сердце, быстрѣе двигается кровь, энергичнѣе сокращаются мускулы; при угнетеніи—дѣятельность сердца понижается, движеніе крови замедляется, мускулы ослабѣваютъ. Такое вліяніе чувствъ на организмъ даетъ основаніе считать, что чувства относятся къ области *сердечный*, хотя въ дѣйствительности мѣстомъ зарожденія и обработки впечатлѣній, дающихъ чувства, служитъ все тотъ же головной мозгъ человѣка.

Далѣе рассмотрѣны только высшія духовныя чувства, которыя имѣютъ значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Прежде всего и важнѣе всего *воинскій долгъ*. По смыслу слова, долгъ—это тѣ обязанности и тѣ дѣйствія, которыя *должны* быть исполнены. Въ государствѣ существуетъ два вида долга—общій и спеціальный или професіональный. Общій долгъ слагается изъ обязанностей, которыя должны быть выполнены всѣми безъ исключенія подданными; обязанности эти указаны въ общихъ государственныхъ законахъ. Долгъ спеціальный или професіональный состоитъ изъ спеціальныхъ обязанностей данной службы или рода дѣятельности. Очевидно, каждая служба, имѣя свои спеціальныя задачи, налагаетъ на своихъ служащихъ свои особыя обязанности, свой професіональный долгъ. Спеціальныя воинскія обязанности или *воинскій долгъ* указаны въ воинскихъ законахъ. Но такъ какъ не всѣ обязанности равновелики, то желательно точно опредѣлить главнѣйшую, такъ сказать, первѣйшую воинскую обязанность, въ коей сосредоточено все содержаніе службы воинскаго чина. Такимъ опредѣленіемъ выразится вся сущность военнаго дѣла съ точки зрѣнія чувствъ, и этимъ будетъ точно установлено, въ чемъ именно заключается *воинскій долгъ*.

Главное назначеніе арміи заключается въ томъ, чтобы защищать свое государство отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но бываютъ войны, когда армія сражается не только въ своемъ государствѣ, но переноситъ оружіе въ чужія земли, ведетъ войну на территории другого государства: враждебнаго—съ которымъ воюетъ, или союзаго—съ которымъ въ союзѣ. Въ какой бы странѣ война ни велась, войска должны всегда помнить о своемъ государствѣ, о своихъ обязанностяхъ передъ отечествомъ, интересы котораго они защищаютъ. Дабы связать душу воина съ его государствомъ и постоянно напоминать объ обязанностяхъ передъ отечествомъ, установлено Знамя, установлена такая священная хоругвь, которая олицетворяетъ государство. Какъ и все на землѣ, государство существуетъ по всеблагости Творца Вселенной, а части

государства соединяются въ одно цѣлое Верховной властью. Вотъ почему Знамя выражаетъ все то священное, что составляетъ государство, а именно—Вѣру, Царя, Отечество. Подъ отечествомъ надо понимать свою верховную власть, свою армію, свой народъ, свою территорію и свои законы. И мы знаемъ, что хотя Знамя можетъ имѣть разную форму, но по существу оно изображаетъ именно ту Святыню, ради которой армія существуетъ и которую войска обязаны защищать, не щадя своей жизни. Если теперь сопоставить все изложенное, то на вопросъ, что такое воинскій долгъ, получится слѣдующій отвѣтъ: воинскій долгъ—это побѣда подъ знаменами своей арміи. Иными словами, воинскій долгъ заключается въ томъ, чтобы *побѣждать* подъ знаменами своей арміи вездѣ, гдѣ развѣваются эти знамена, олицетворяющія Вѣру, Царя и Отечество. Итакъ, съ точки зрѣнія военной психологіи, *воинскій долгъ—это чувство побѣды*; чувство торжества на всѣхъ поприщахъ, не только на полѣ сраженія, но и въ административно-хозяйственной области. Своевременно дать войскамъ средства для жизни и боя—долгъ столь же священный, какъ и побѣда съ оружіемъ въ рукахъ.

Духъ войскъ—это степень рѣшимости погибнуть съ честью. Чѣмъ эта рѣшимость больше, тѣмъ духъ войскъ выше, и обратно. Войска, которыя готовы погибнуть, но не подчиниться волѣ противника, обладаютъ боевымъ духомъ въ полной мѣрѣ. Отличный духъ войскъ обыкновенно выражается постоянной бодростью, весельемъ, исполнительностью, опрятностью. Надо, однако, твердо помнить, что между душой и тѣломъ существуетъ полнѣйшая зависимость. Вотъ почему надлежитъ принимать всѣ мѣры, чтобы войска не испытывали ненужныхъ лишений, дабы этимъ не подорвать духа войскъ, вслѣдствіе физическихъ причинъ—продолжительнаго голода, чрезвычайнаго утомленія и проч.

Честь военного мундира. Мундиръ составляетъ личное знамя воинскаго чина. Имѣя такое колоссальное значеніе,

мундиръ всегда и вездѣ напоминаетъ о воинскомъ долгѣ, о принадлежности къ единой арміи, надъ которой развѣвается высшая святыня, воинское знамя. Такимъ образомъ, между военнымъ мундиромъ и знаменемъ существуетъ духовная зависимость, которая и называется честью военного мундира. Отсюда ясно, почему воинскій чинъ обязанъ всемирно оберегать мундиръ отъ малѣйшаго моральнаго пятна и обязанъ защищать честь мундира всѣми законными средствами.

Взаимная выручка и воинская солидарность—это врожденное и развитое воспитаніемъ чувство человѣка помогать другимъ личными силами въ достиженіи общей цѣли. Чувство это вытекаетъ изъ единства духа и въ то же время даетъ моральное основаніе для командованія и подчиненія. Такъ какъ армія состоитъ изъ многихъ тысячъ воинскихъ чиновъ, то естественно, что взаимная выручка и солидарность проявляются въ очень разнообразныхъ формахъ. Главнокомандующій и Военный Министръ въ области *творчества*—работаютъ за всѣхъ; частные начальники—содѣйствуютъ Главнокомандующему и Военному Министру осуществить ихъ планы, и въ то же время работаютъ за своихъ подчиненныхъ, въ изысканіи и *примѣненіи* средствъ для выполненія задачи; подчиненные—дружно *выполняютъ* свои ближайшія задачи, каждый въ своей области, содѣйствуя общему успѣху, къ которому стремятся Главнокомандующій, Военный Министръ и всѣ частные начальники. Создается такимъ образомъ круговая работа: одинъ—за всѣхъ, и всѣ—за одного. Физическія силы и познанія отдѣльнаго человѣка во много разъ меньше того усилія, какое требуется для выполненія всѣхъ требованій военного искусства. Но если единичныя силы и познанія соединить чувствомъ взаимной выручки, то получится колоссальный двигатель, совершенно достаточный, дабы преодолѣть всѣ препятствія. Безъ чувства взаимной выручки, усилія участниковъ данной работы будутъ раздроблены и

каждое порознь усиліе погибнетъ отъ общаго противодѣйствія со стороны противника, крѣпко сплоченнаго чувствомъ единства. Такимъ образомъ, чувство взаимной выручки и воинской солидарности—*это чувство единства*; оно составляетъ фундаментъ для успѣшной работы не только многотысячной арміи, но даже двухъ воинскихъ чиновъ, идушихъ къ одной общей цѣли. Чувство единства укрѣпляется и развивается въ войскахъ традиціями, совмѣстной жизнью, формой одежды, однообразіемъ обученія и единствомъ конечной цѣли, къ которой армія стремится.

Воодушевленіе. По смыслу этого слова, значить—удвоить душевныя силы. Такое удвоеніе возможно на короткое время сильно дѣйствующими средствами. Къ числу послѣднихъ относится: обаяніе полководца, личный примѣръ, напоминаніе о долгѣ, находчивость начальника, остроумная шутка и т. п. Въ числѣ вѣрнѣйшихъ средствъ удвоить духовныя силы войскъ значится также военная музыка и боевыя пѣсни.

Увѣренность въ себя—это чувство превосходства надъ противникомъ; это чувство собственного достоинства. Увѣренность создается прежде всего высокимъ подъемомъ воинскаго духа и знаніемъ дѣла. Громадное значеніе увѣренности въ себя видно изъ того, что сраженіе считается проиграннымъ съ той минуты, когда полководецъ усомнится въ побѣдѣ, т. е. потеряетъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Утрата увѣренности обнаруживается прежде всего тѣмъ, что войска переходятъ къ оборонѣ. Но на этотъ случай надо помнить, что обороняясь—гибнуть, а во вторыхъ, что нѣтъ такого отчаяннаго положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти, однако, при условіи—сохранить увѣренность въ себя и присутствіе духа. Тогда навѣрное представится возможность воспользоваться малѣйшей ошибкой противника и перейти въ наступленіе.

Страхъ, ужасъ, паника—есть ожиданіе страданія, боли, неприятели. Чувство страха и послѣдующее увеличеніе

этого чувства—ужасъ и паника, вызывается инстинктомъ самосохраненія, жаждой спокойной и безопасной жизни. Страхъ относится къ тѣмъ чувствамъ, которыя угнетаютъ человѣка, а слѣдовательно понижаютъ работу ума и воли. Въ физиологическомъ отношеніи страхъ сильно нарушаетъ дѣятельность органовъ чувствъ. Такъ, напр., у человѣка, одержимаго страхомъ, зрачки расширяются, что препятствуетъ ясно видѣть; въ ушахъ поднимается шумъ, приводящій въ тревожное безпокойство нервы головного мозга; мускулы судорожно сокращаются и перестаютъ слушаться разума. Находясь въ такомъ безпомощномъ состояніи, человѣкъ стремится вырваться изъ обстановки, которая вызываетъ страхъ, стремится убѣжать и скрыться. Слѣдовательно, страхъ увеличиваетъ инстинктъ самосохраненія до такой степени, что человѣкъ теряетъ собственное достоинство, забываетъ долгъ и принимаетъ безотчетныя мѣры уйти отъ опасности. Но когда страхъ увеличится до такой степени, что нервы и мускулы совершенно перестаютъ слушаться,—наступаетъ оцѣпенѣніе, лишшающее человѣка даже инстинкта самосохраненія. Человѣкъ превращается въ безчувственную, весьма противную кучу мяса! Если страхъ распространится на толпу, то получаетъ названіе паники,—явленіе, въ высокой степени опасное въ военномъ дѣлѣ.

Чувство страха уничтожается противоположными душевными силами, а именно—мужествомъ, самообладаніемъ и чувствомъ собственного достоинства; въ войскахъ—воинской дисциплиной и личнымъ примѣромъ начальника. Изъ наблюденій извѣстно, что чувство страха вызывается преимущественно неожиданностью. Опасность, ясно сознаваемая, напр., возможность быть убитымъ въ бою, дѣйствуетъ не столь разрушительно на духъ войскъ, какъ опасность внезапная. Вотъ почему въ военное время мѣры охраненія и развѣдка имѣютъ огромное значеніе въ моральномъ отношеніи. Точно также властное и опредѣленное распоря-

женіе, при первых же признакахъ страха, дѣйствуетъ настолько отрезвляющимъ образомъ, что въ войскахъ, застигнутыхъ врасплохъ и даже дрогнувшихъ,—немедленно возстановливается равновѣсіе духа и возвращается мужество. Учитесь и привыкайте разумно властвовать, г.г. военачальники всѣхъ степеней, и этой драгоценной привычкой можете предупредить величайшее зло въ военномъ дѣлѣ.

Отчаяніе—это ожиданіе личной гибели, чувство совершенной безнадежности и безвыходности положенія. Такъ опредѣляетъ это чувство общая психологія; но совершенно иначе относится къ этому вопросу психологія военная. Съ точки зрѣнія воинской доблести и воинскаго долга—отчаяніе вовсе не бываетъ. Дѣло въ слѣдующемъ.

Отчаяніе, по общему положенію, создается ожидаемой гибелью человѣка; это худшее, что можетъ случиться съ невоеннымъ субъектомъ, сущность всѣхъ желаній котораго заключается прежде всего въ томъ, чтобы жить, чтобы существовать. Но въ военномъ дѣлѣ, гибель отдѣльнаго человѣка признается только за *средство* достигнуть большаго блага—общаго успѣха. Утрата жизни для военнаго чина составляетъ нормальное слѣдствіе его дѣятельности, входящее въ число повседневныхъ явленій на войнѣ. Поэтому, личная гибель не можетъ служить тѣмъ ужасающимъ пугаломъ, отъ котораго цѣпенѣтъ душа штатскаго и впадаетъ въ отчаяніе. Что это именно такъ, доказываетъ военная поговорка: „двухъ смертей не бываетъ,—одной не миновать“. Мораль поговорки заключается въ томъ, что цѣнность личной жизни не столь велика, чтобы изъ за этого можно было жертвовать колоссальнымъ благомъ—побѣдою. А разъ только нѣтъ источника отчаянія, то изъ за-чего же собственно впадать въ отчаяніе? Разбирая означенный вопросъ съ точки зрѣнія боевой обстановки, получимъ такой выводъ. Въ каждой работѣ участвуютъ умъ, воля и чувства. Въ состояній отчаянія утрачиваются всѣ эти силы. Но въ военной области остается еще одно сред-

ство, такъ называемое—„прибѣжище отчаянія“, когда воинскій чинъ рѣшается на самое невозможное и предерзостное. Въ этомъ случаѣ воля какъ бы вырывается изъ тисковъ и судорожнымъ движеніемъ беретъ верхъ надъ всѣми душевными проявленіями, а затѣмъ ведетъ по пути, который для противника является совершенно неожиданнымъ, а потому дѣйствуетъ на него ошеломляюще. Эффектъ получается изумительный—отчаяніе смѣняется торжествомъ. Великій Суворовъ часто примѣнялъ прибѣжище отчаянія и *всегда билъ!* Лично Суворовъ не признавалъ отчаянія и всей своей продолжительной, славной дѣятельностью доказалъ, что онъ, Суворовъ,—правъ: отчаянія въ военномъ дѣлѣ не должно быть. Намъ остается только слѣдовать завѣтамъ Суворова.

Патріотизмъ и націонализмъ—два чувства, иногда другъ другу родныя, иногда враждебныя—заговорили въ Европѣ особенно громко послѣ историческихъ переворотовъ, въ концѣ XVIII столѣтія, и введенія общей воинской повинности. Необходимо остановить вниманіе на означенномъ вопросѣ въ виду того, что въ настоящее время оба чувства получили совершенно невѣрное освѣщеніе въ области военнаго дѣла.

Патріотизмъ—это любовь къ отечеству, подъ коимъ въ наши дни надо понимать—государство. Такъ какъ государство даетъ патріоту безопасность и средства къ жизни, то патріотизмъ служитъ моральной платой за блага, получаемыя отъ государства. Затѣмъ, въ случаѣ гибели государства,—погибаютъ личныя блага подданнаго, въ виду чего патріотизмъ не долженъ быть отвлеченнымъ и не только на словахъ, а долженъ проявляться такими дѣлами и поступками, какіе укрѣпляютъ могущество государства. Укрѣпляя государство, патріотизмъ укрѣпляетъ свое личное благополучіе.

Въ составъ государства входятъ многія племена, частью покоренныя силою оружія, частью добровольно принявшія

подданство. Всѣ эти племена образуютъ въ государствѣ „народъ“. Каково бы ни было прошлое отдѣльнаго племени, войдя въ составъ новаго государства, каждое племя обязано *объединиться* съ другими на почвѣ патриотизма. Безъ этого, непременно начнется между племенами рознь, одинаково вредная и для всего государства, и для каждаго племени въ отдѣльности. Если въ государствѣ нѣсколько племенъ, то естественно возникаетъ вопросъ,—кому же принадлежитъ господство, кому принадлежать великодержавныя права? Очевидно, тому племени, которое покорило другія племена, которое затратило больше силъ и средствъ чтобы сьорганизовать государство; этому именно и принадлежитъ владычество. Всѣ же остальные обязаны подчиняться, дабы не потерять того, что они получили отъ племени сильнѣйшаго. Указанное соотношеніе племенъ нисколько не измѣняетъ основного положенія, а именно—что всѣ безъ исключенія племена обязаны стремиться къ благу своего общаго отечества на почвѣ патриотизма.

Национализмъ—это любовь къ своей націи, къ своему племени. Отдѣльныя лица одного и того же племени связаны между собою общностью происхожденія отъ одного родоначальника, т. е. связаны кровнымъ единствомъ, а затѣмъ—историческими традиціями. Каждая нація имѣетъ свои религію, языкъ, нравы, обычаи, литературу, художества. Слѣдовательно, имѣются вполне опредѣленныя качества и особенности.

Сопоставляя два указанныхъ выше чувства, получается слѣдующее. Патриотизмъ обнимаетъ все государство, во всѣхъ отношеніяхъ; чувства національныя составляютъ какъ бы частный видъ душевнаго состоянія, въ сравненіи съ патриотизмомъ. Въ племени господствующемъ оба эти чувства совпадаютъ; поэтому, для означеннаго племени блага государства имѣютъ двойную цѣнность: какъ для подданнаго и какъ для субъекта господствующаго племени. Въ племенахъ второстепенныхъ, национализмъ несомнѣнно противо-

поставляется чувствамъ патриота и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче выражено стремленіе выйти изъ подъ начала великодержавнаго племени. Но такъ какъ государство владѣетъ всѣмъ достояніемъ всѣхъ подданныхъ, то очевидно, что стремленіе выдѣлиться составляетъ посягательство на цѣльность государства; такое посягательство должно быть рѣшительно уничтожено.

Какое значеніе имѣетъ патриотизмъ и национализмъ въ военномъ дѣлѣ?

Нынѣ раздаются голоса, что такая то война не национальна, а потому войска неохотно шли на войну и неохотно сражались. Подобная проповѣдь не выдерживаетъ критики, съ военной точки зрѣнія. Выше выяснено, что конечная цѣль существованія арміи заключается въ побѣдѣ подъ своими знаменами. Знамя—вотъ весь патриотизмъ и весь национализмъ всѣхъ безъ исключенія чиновъ арміи и каждаго порознь воинскаго чина. Поэтому, для воинскаго чина нѣтъ войны не патриотичной или ненаціональной; для него существуетъ только знамя и воинскій долгъ добросовѣстно сражаться, совершенно устраняя вопросъ, ради чего ведется война. Не дѣло арміи разсуждать: національна война или нѣтъ; ея дѣло идти въ бой, когда повелятъ, и одерживать побѣды.

Конечно, любовь къ отечеству и націи служить могутъ средствомъ воодушевлять войска, поднимать энергію на огромную высоту; но эти же чувства никоимъ образомъ не могутъ быть средствомъ ослаблять духовныя силы арміи потому, что война якобы ненаціональна.

Знамя и побѣда—вотъ символъ и цѣль всѣхъ помысленій воинскаго чина!

Наступленіе, атака и оборона—эти два противоположныхъ состоянія души, разныхъ и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Чувство нападенія и чувство защиты вложены въ органической міръ самой природой. Оба чувства создаютъ борьбу за существованіе,—какъ извѣстно, главнѣйшій законъ всего живущаго.

Чувство наступленія и атаки относится къ чувствамъ возбуждающимъ, а слѣдовательно, значительно увеличиваетъ работу сердца, нервовъ и мышцъ. Усиленное кровообращеніе, глубокое дыханіе, повышенная чувствительность,—эти неизбежные спутники движенія впередъ,—создаютъ всеобщую бодрость тѣла и духа, даютъ избытокъ чувства. Это послѣднее уничтожаетъ инстинкты, а постепенно увеличиваясь подъ вліяніемъ массы и внушенія начальника,—быстро переходитъ въ страсть, героизмъ, боевую жестокость. Однако, слѣдуетъ всегда помнить, что психическое состояніе массы измѣнчиво. Хотя въ арміи вредныя психическія колебанія устраняются воинской дисциплиной, но для полезной дѣятельности, высокаго напряженія, непремѣнно требуется примѣръ. Поэтому начальникъ, ведущій въ бой свою часть, долженъ прежде всего самъ превратиться въ стихійную силу зла и разрушенія. Такое состояніе немедленно передается подчиненнымъ, и среди нихъ еще болѣе увеличивается общимъ возбужденіемъ.

Когда Суворовъ или Скобелевъ появлялись передъ войсками, то войска теряли всякое представленіе о чловѣкѣ; они видѣли передъ собою только грознаго Духа смерти и славы! И этотъ гордый Духъ мгновенно пронизывалъ всѣ нервы и сердца. Тогда, наэлектризованныя до послѣдней степени, повинувшись уже неземной силѣ, войска неудержимо кидались туда, гдѣ ихъ дѣйствительно ждала смерть или слава!

Оборона—это чувство угнетающее. Чувство это ослабляетъ дѣятельность сердца и нервовъ; вызываетъ спазмы сосудовъ, вслѣдствіе чего въ организмъ поступаетъ меньше кислорода; недостатокъ же кислорода нарушаетъ всѣ жизненные процессы въ головѣ, отравляетъ тѣло. Ослабленный во всѣхъ отношеніяхъ организмъ становится добычей дурныхъ инстинктовъ, страха, отчаянія; работа ума и воли понижается и можетъ упасть даже до степени оцѣпеннія. Неудивительно поэтому, что обороняющійся теряетъ ини-

ціативу и мало по малу подчиняется требованіямъ противника. Средствомъ удержать моральныя силы обороны на должной высотѣ служитъ воинская дисциплина и увѣренность начальниковъ. Великіе полководцы утверждаютъ, что сраженія, начатыя въ очень невыгодной обстановкѣ, но съ увѣренностью въ успѣхѣ, даютъ удивительные результаты. Даже если не будетъ побѣды, то не будетъ разгрома и большихъ потерь. Въ крайности, для обороняющагося остается „прибѣжище отчаянія“, надежда, а при умѣломъ воздѣйствіи начальниковъ—даже увѣренность, что всегда можно найти выходъ изъ положенія, повидимому, совершенно безвыходнаго. Всѣ указанные средства и приемы въ значительной степени ослабляютъ угнетенное состояніе обороны.

Зависть—вотъ чувство, которое вноситъ въ общегитіе огромный разладъ, причиняетъ неисчислимыя бѣдствія отдѣльнымъ лицамъ и государству. Зависть, какъ и всякое чувство, выражаетъ состояніе души, но состояніе *страдательное*, доходящее до боли, до самоубійства. Чувство зависти вызывается сознаніемъ своего собственнаго безсилія и превосходства другого лица. Причиною, вѣрнѣе—объектомъ зависти служатъ или успѣшная дѣятельность, или матеріальныя блага.

Каждому чловѣку свойственно стремленіе къ дѣятельности. Успѣхъ дѣятельности можетъ выражаться въ разныхъ формахъ—въ видѣ славы, извѣстности, повышенія по службѣ, вліянія въ обществѣ, первенства въ спортѣ и т. п. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ доказываетъ несомнѣнное превосходство лица въ области физической или душевной. Такое превосходство раздражаетъ нервы завистника въ сильнѣйшей степени, и тогда создается страдательное состояніе, создается моральный гнетъ, отъ котораго завистникъ старается избавиться. Съ этой цѣлью возводятся небылицы на счастливаго соперника или замалчивается его полезная дѣятельность. Такъ, напр., современники Суворова

пытались представить его въ видѣ счастливаго шута, а современники Скобелева называли его безнравственнымъ карьеристомъ. Въ отношеніи Суворова добились ссылки его въ деревню, а Скобелевъ, завоевавши богатѣйшую Ферганскую область, — вынужденъ былъ подать въ отставку, которая, къ счастью для военнаго дѣла не была принята.

Завистники не оставляютъ въ покоѣ даже умершихъ великихъ людей. Въ настоящее время распространяются легенды, что Наполеонъ I — не единоличный геній, а только староста большой артели талантливыхъ генераловъ. Когда погибли лучшіе генералы — погибъ и староста, Наполеонъ I. Въ области художественной существуетъ легенда, что Шекспиръ — не авторъ безсмертныхъ твореній, а таковыя со-здалъ лордъ Бэконъ.

Замалчиваніе заслугъ и выдающихся работъ — это обыч-ный приемъ завистниковъ, приемъ болѣе ходкій. На видъ невинное средство, замалчиваніе причиняетъ огромный вредъ въ томъ смыслѣ, что значительно понижаетъ продуктивную дѣятельность талантливыхъ людей, въ ущербъ общимъ интересамъ, общей пользѣ.

Матеріальныя блага — здоровье, физическая красота и денежныя средства возбуждаютъ зависть, часто переходя-щую въ озлобленіе, классовую вражду и революцію. Первые два блага даются отъ рожденія и сохраняются благоразу-міемъ. Казалось бы поэтому, что блага эти не могутъ вы-зывать зависть. Однако, очень многіе съ досадой смотрятъ на здороваго красиваго человѣка. Денежныя средства со-ставляютъ произведеніе ума, воли и труда. Эти духовныя силы находятся въ полномъ распоряженіи cadaго чело-вѣка, а потому каждый можетъ достигнуть матеріальнаго достатка. Но такъ какъ не всѣ обладаютъ необходимымъ для сего характеромъ, то обыкновенно люди безвольные, мало развитые и слабо работающіе завидуютъ тому, въ комъ удачно соединяются указанныя душевныя качества. Такъ какъ видъ чужого благосостоянія раздражаетъ животные

низменные инстинкты, то зависть, вытекающая изъ подоб-наго раздраженія, нерѣдко переходитъ въ преступленіе и народныя волненія.

Любовь къ одобренію. Человѣку врождено желаніе полу-чать похвалу отъ современниковъ и свидѣтелей его дѣя-тельности. До тѣхъ поръ, пока такое желаніе удовлетво-ряется законными способами, не нарушающими чувства справедливости и порядочности, любовь къ одобренію при-знается полезной духовной силой, поднимающей энергію, увеличивающей продуктивность работы. Но очень и очень часто любовь къ одобренію переходитъ за предѣлы долж-наго; любитель похвалы достигаетъ цѣли безнравствен-ными и даже преступными средствами. Такъ напр., желая отличиться — выдумываются преступленія, сгущаются краски даннаго дѣянія, замалчивается полезная дѣятельность, со-здаются обстановка, совершенно не отвѣчающая дѣйстви-тельнымъ событіямъ, и проч. Современная свобода печати въ сильнѣйшей степени содѣйствуетъ безнравственнымъ стремленіямъ къ одобренію, путемъ клеветы и оглашенія такихъ свѣдѣній, которыя по требованію элементарной по-рядочности не должны разглашаться, до выясненія сущности дѣла, къ коему эти свѣдѣнія относятся.

Религіозныя чувства — это чувство любви къ Богу и любви къ ближнему.

Любовь къ Богу составляетъ слѣдствіе вѣры въ Бога, какъ всемогущаго Творца вселенной. Представленіе о Богѣ, какъ Существѣ всесовершенномъ — вызываетъ особое состоя-ніе души, которое мы называемъ благоговѣніемъ къ Богу. Со-знаніе, что весь міръ, а въ томъ числѣ и человѣкъ, полу-чили жизнь по благости Божіей, вызываетъ чувство пре-данности и благодарности къ Творцу. Всѣ три состоянія души — благоговѣніе, преданность и благодарность обра-зуютъ одно сложное чувство — любовь къ Богу.

Любовь къ ближнему составляетъ основное положеніе христіанскаго ученія. „Христіанская любовь — это полнѣй-

шее самоотверженіе для блага другихъ, до готовности даже положить за нихъ душу свою". (Іоан. XV. 13). Такая именно любовь служитъ моральнымъ оправданіемъ войны и основаніемъ военнаго дѣла, въ нравственномъ отношеніи.

IV. Совѣсть.

Совѣсть—это нравственное самочувствіе; это чутье истина,—опредѣляющее что такое добро и зло; опредѣляющее—выполнилъ-ли человѣкъ свой долгъ или нѣтъ. Психологи относятъ совѣсть къ области чувствъ, но признають, что чувство это весьма специальное и вѣроятно имѣетъ свои особые нервныя центры въ головѣ человѣка; центры эти пока не найдены. Совѣсть уподобляется судья и если этотъ судья заявитъ, что долгъ выполненъ, то бодрость духа увеличивается; въ противномъ же случаѣ наступаетъ угнетенное состояніе, извѣстное подъ именемъ „угрызеніе совѣсти“. Сила такого угрызенія бываетъ на столько велика, что доводитъ иногда до самоубійства. Такимъ образомъ совѣсть—это чувство *душевнаго равновѣсія*, которое регулируетъ дѣянія человѣка, въ зависимости отъ понятій об истинѣ и правдѣ.

V. Человѣческое Я.

Наблюдая внѣшній міръ, человѣкъ очень скоро замѣтилъ, что онъ во-первыхъ—существо тѣлесное, обладающее матеріальнымъ тѣломъ; во-вторыхъ, существо духовное—способное мыслить, понимать законы природы и сущность явленій.

Ощущеніе нашего собственнаго тѣла, создало *физическое Я*, подъ коимъ надо понимать организмъ человѣка. Организмъ этотъ пронизанъ особыми нервами, которые вѣдаютъ только растительной жизнью. Такіе нервы доносятъ нашему сознанію—о благополучіи или болѣзненномъ состояніи отдѣльныхъ частей тѣла, и на основаніи подобныхъ

донесеній слагается физическое самочувствіе, хорошее или дурное, въ зависимости отъ донесеній.

Но кромѣ физическихъ потребностей, въ человѣкѣ существуетъ еще огромный духовный міръ, который слагается изъ принадлежащихъ человѣку ума, чувствъ, воли и совѣсти. Особые нервы вѣдаютъ работою этихъ четырехъ сторонъ души, соединяясь въ головномъ мозгу,—объединяють всѣ виды душевной дѣятельности и убѣждаютъ человѣка, что онъ дѣйствительно существо духовное. Сознаніе своихъ духовныхъ силъ составляетъ *духовное Я*. На такомъ именномъ сознаніи основано понятіе о достоинствѣ человѣка и его господствѣ въ физическомъ мірѣ.

Выше выяснено, что духовное „Я“, слагаясь изъ ума, воли, чувствъ и совѣсти, даетъ представленіе о душѣ человѣка.

VI. Нравственный элементъ въ военномъ дѣлѣ.

Подъ нравственнымъ элементомъ понимается—духовная сила, *рѣшимость побѣдить, хотя-бы цѣною личной гибели*. Очевидно, что такая сила слагается только изъ положительныхъ, полезныхъ видовъ душевной дѣятельности и душевнаго состоянія, а именно—увѣренности, энергіи, самообладанія, частной инициативы, храбрости, мужества, чувства взаимной выручки, любви къ родинѣ, воинскаго долга и спокойной совѣсти. Но всѣ означенные виды дѣятельности и состоянія души имѣютъ своимъ основаніемъ умъ, чувства воли и совѣсть. Отсюда ясно, что нравственный элементъ находится въ прямой зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ развиты и укрѣплены въ каждомъ человѣкѣ положительныя, полезныя качества означенныхъ выше четырехъ сторонъ души. Понятно поэтому, что нравственный элементъ нельзя привить войскамъ, не развивая общей почвы, общаго духовнаго міра въ каждомъ порознь воинскомъ чинѣ.

Такъ какъ въ дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ привитія нравственныхъ началъ самое главное значеніе имѣетъ при-

мѣръ, то естественно, что руководители должны обладать „нравственнымъ элементомъ“ въ полной мѣрѣ. Чрезвычайно чуткій по природѣ, человѣкъ очень скоро угадываетъ какое количество нравственнаго элемента имѣется въ самомъ руководителѣ. Это чутье поднимаетъ нравственный элементъ исполнителей на огромную высоту, ведетъ къ легендарному героизму, если во главѣ войскъ стоитъ такая колоссальная нравственно-боевая сила, какъ напр.; Святославъ, Петръ Великій, Суворовъ, Скобелевъ. Стозвучнымъ отвѣтомъ на такую силу служатъ дѣянія Архипа Осипова, Агаеона Никитина, Василія Рябова и боевая работа многихъ тысячъ героевъ, создающихъ славу оружія.

Нравственная сила, какъ и всякая вообще сила въ природѣ, тянетъ къ себѣ, тянетъ за собой силы меньшаго напряженія. Вотъ почему за начальникомъ, смѣло идущимъ, въ бой впереди своей части, такъ воодушевленно идутъ подчиненные, идутъ—повинуясь той же нравственной силѣ, которая двигаетъ ихъ начальника. По неизвѣданнымъ еще нервамъ, безусловно существующимъ, происходитъ объединеніе въ сторону тяготенія къ большой величинѣ, какъ это замѣчается и въ физическомъ мѣрѣ; происходитъ объединеніе на почвѣ душевнаго состоянія своего начальника. Такое значеніе и зависимость нравственнаго элемента давно уже выражено въ слѣдующемъ афоризмѣ: лучше имѣть стадо барановъ, подѣ командой льва, чѣмъ стадо львовъ, подѣ командой барана.

Означенный афоризмъ созданъ въ эпоху, когда воинскіе чины служили десятки лѣтъ, а потому воинскія части обладали огромной нравственною упругостью, нравственной стойкостью. Въ наше время, въ эпоху короткихъ сроковъ службы, общее значеніе нравственнаго элемента въ военномъ дѣлѣ осталось конечно то же самое, но значеніе нравственной силы начальника увеличилось во много разъ. Поэтому, означенную силу, т. е. умъ, чувства, волю и совесть, надлежитъ укрѣплять и увеличивать всѣми способами

и средствами. Вопросъ этотъ составляетъ предметъ военной педагогики.

Громадное значеніе нравственнаго элемента въ военномъ дѣлѣ видно изъ заявленія великихъ полководцевъ, что „три четверти успѣха зависятъ отъ моральныхъ силъ, и только одна четвертая часть—отъ матеріальныхъ средствъ борьбы“.

Съ точки зрѣнія военного искусства, указанныя выше четыре стороны души человѣка находятся въ слѣдующемъ соотношеніи:

а) *умъ*—познаетъ и выясняетъ обстановку, даетъ задачу и планъ работы; указываетъ, что именно и какимъ образомъ надо сдѣлать; предлагаетъ средства къ достиженію цѣли.

б) *воля*—приводитъ въ дѣйствіе данныя средства, выполняетъ распоряженія, поддерживаетъ энергію, т. е. напряженіе нервной системы, во время работы, на опредѣленной, средней высотѣ.

в) *чувство*—или воодушевляетъ, т. е. увеличиваетъ полезную дѣятельность нервовъ выше средняго напряженія, или обратно—понижаетъ продуктивность работы нервовъ, иногда до полного упадка силъ и бездѣйствія;

г) *совѣсть*—судитъ о томъ, въ какой мѣрѣ выполненъ долгъ, что вызываетъ душевное состояніе, увеличивающее или уменьшающее энергію.

Изложенное убѣждаетъ, что всѣ четыре группы душевныхъ силъ имѣютъ огромное значеніе въ военномъ дѣлѣ; поэтому, всѣ стороны души необходимо совершенствовать до наивысшаго предѣла. Однако, естественно спросить—которая же сторона имѣетъ наибольшее *практическое* значеніе въ военномъ искусствѣ, дабы соотвѣтственно сему эту сторону развивать прежде всего и болѣе всего?

За рѣшеніемъ вопроса обратимся къ дѣйствительной жизни.

Для каждой войны и для cadaго боя составляются планъ кампаніи и диспозиція. Для составленія, напр., плана

и диспозиціи, требуется много свѣдѣній и данныхъ, какія первоначально изучаются и познаются, а затѣмъ комбинируются такъ, чтобы наилучше использовать средства борьбы. Отсюда видно, что планъ и диспозиція составляютъ работу *ума*.

Планъ, диспозиція и всякое вообще распоряженіе передаются для исполненія. Въ планѣ, диспозиціи и распоряженіяхъ немислимо предусмотрѣть всѣхъ затрудненій, какія могутъ встрѣтиться въ дѣйствительности. Затрудненія преодолеваются, въ зависимости отъ обстановки, усиліями личной воли. Съ другой же стороны, даже гениальные планъ, диспозиція и распоряженія могутъ не привести къ цѣли, вслѣдствіе плохого исполненія. Вотъ почему военное искусство вполне опредѣленно заявляетъ, что существенное въ военномъ дѣлѣ заключается не въ планѣ дѣйствій, и въ могучемъ его исполненіи. Въ духовной области исполненіемъ вѣдаетъ *воля*.

На войнѣ борьба двухъ свободныхъ силъ, каковыми являются два воюющихъ противника, — подвержена непрерывнымъ колебаніямъ, въ обѣ стороны; верхъ беретъ то одна, то другая сторона, въ зависимости отъ данныхъ, иногда неуправляемыхъ и скоро проходящихъ. Понятно, успѣхъ болѣе обезпеченъ въ рукахъ того, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи больше средствъ склонить колебанія въ свою пользу. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ служить воодушевленіе, подъ воздѣйствіемъ котораго войска могутъ развить всеокрушающую, активную силу. Воодушевленіе относится къ области *чувствъ*.

Когда планъ войны и диспозиція для боя выполняются, то работа и поступки исполнителей оцѣниваются внутреннимъ судьей, съ точки зрѣнія долга и военной доблести. Какъ извѣстно, такимъ судьей служитъ *совѣсть*.

Изложенное показываетъ, что по своему практическому значенію духовные двигатели распределяются такимъ образомъ: первое мѣсто занимаетъ *воля*, отъ дѣятельности ко-

торой, главнымъ образомъ, зависитъ достиженіе цѣли войны, побѣда; второе мѣсто занимаетъ *умъ*—комбинирующій средства борьбы согласно данной задачѣ; *чувства* и *совѣсть* служатъ вспомогательными двигателями, значеніе коихъ увеличивается по мѣрѣ того, насколько работа воли и ума уклоняется отъ средней нормы, насколько требуется усиліями чувствъ и совѣсти повліять на общее положеніе.

Выражаясь технически, скажу, что воля—это активная боевая часть; умъ—пассивный руководитель; чувства и совѣсть—резервы духовныхъ силъ.

Отсюда совершенно ясно, что въ военномъ дѣлѣ наибольшее значеніе имѣетъ *воля*, какъ непосредственно приводящая къ побѣдѣ. Поэтому, волевой отдѣлъ моральнаго элемента признается высшей, наиболее драгоцѣнной, наиболее плодотворной силой души. Познанія и чувства безъ воли—мертвый капиталъ, мало приносящій пользы. Такое огромное значеніе воли обязываетъ развивать и укрѣплять ее прежде всего, и болѣе всего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Органы душевной дѣятельности.

Для большей ясности, свѣдѣнія объ органахъ душевной дѣятельности излагаются по такой программѣ: во первыхъ, свѣдѣнія о томъ, какъ построена нервная система—анатомія; во вторыхъ, свѣдѣнія о физико-химической работѣ нервной системы, въ области душевной—физиологія; въ третьихъ—составленъ планъ мозговой коры, планъ того нервного центра, который имѣетъ наибольшее значеніе въ психологіи.

I. Анатомія.

Анатомическое строеніе нервной системы, съ точки зрѣнія психологіи, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Тѣло человѣка дѣлится на три главныя части: голову, туловище и конечности. Каждая часть имѣетъ свое специальное назначеніе. Въ головѣ помѣщается головной мозгъ; органы четырехъ чувствъ—зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса; жевательный аппаратъ. Въ туловищѣ помѣщаются всѣ растительные органы, необходимые для физической жизни: сердце, легкія, желудокъ, кишечникъ и проч. Конечности,—ноги и руки,—служатъ отличными механизмами для механической работы. Тѣло покрыто кожей, въ коей имѣются приспособленія для воспріятія пятого чувства—осязанія. Всѣ эти части и органы приводятся въ движеніе посредствомъ

необычайно сложной системы нервовъ. Части, органы и нервы образуютъ одинъ живой организмъ, представляющій самое совершенное и наиболѣе разумное существо на землѣ.

Выше сказано, что приборомъ, посредствомъ котораго проявляются душевныя движенія, служитъ нервная система. Эта система соединяетъ область духовную съ областью физической; соединяетъ душу съ тѣломъ человѣка.

Нервная система представляетъ аппаратъ необыкновенно сложный и чуткій, частью—дѣйствующій непрерывно, частью—находящійся въ постоянной готовности дѣйствовать. Однако, не всѣ части этого аппарата имѣютъ одинаковое значеніе, въ виду чего нервную систему необходимо раздѣлить на составныя органы, дабы лучше выяснить назначеніе и работу этихъ органовъ въ области духовной.

Нервная система состоитъ изъ головного мозга; спинного мозга; большихъ симпатическихъ стволовъ и нервныхъ нитей или волоконъ.

Удобнѣе изучать систему съ меньшихъ частей.

1) *Нервы*—это длинныя, тонкія, бѣлыя нити или волокна, изъ очень нѣжнаго вещества и очень сложнаго строенія. Нервы бесконечно вѣтвятся по всѣмъ областямъ тѣла. На своемъ пути каждый нервъ образуетъ въ разныхъ мѣстахъ узелки или ганглии. При помощи узелковъ нервы соединяются между собою, а двигаясь дальше, образуютъ пучки, которыми входятъ въ одинъ изъ трехъ указанныхъ выше органовъ—большіе симпатическіе стволы, спинной мозгъ и головной мозгъ.

Если смотрѣть на нервы отъ ихъ вершины, то получается впечатлѣніе дерева, вѣтви котораго, первоначально очень тоненькія, постепенно соединяются и затѣмъ переходятъ въ стволъ, упирающійся въ опредѣленную точку. Но всѣ пучки нервовъ имѣютъ продолженіе вверхъ и заканчиваются только въ головѣ, въ разныхъ мѣстахъ головного мозга. Изложенное показываетъ, что нервы соединяютъ абсолютно всѣ внутреннія и наружныя точки тѣла съ головнымъ мозгомъ.

Указанные выше нервные узлы или ганглии состоятъ изъ нервнаго волокна, которое проходитъ черезъ данный узелъ, и дополнительныхъ нервныхъ клѣточекъ, очень сложнаго состава и строенія.

Въ отношеніи работы, нервы дѣлятся на центроостремительные или *чувствительные*, и центробѣжные или *двигательные*. Первые—получивши раздраженіе, сейчасъ же передаютъ таковое въ головной мозгъ; вторые—получаютъ распоряженіе головного мозга и немедленно передаютъ въ соотвѣтственныя мѣста тѣла, гдѣ вызываютъ исполненіе этого распоряженія, напр., поворачиваютъ голову, двигаютъ руку, и проч. Каждая группа нервовъ передаетъ определенныя раздраженія и впечатлѣнія. Такъ, напр., глазные нервы передаютъ только свѣтотыя ощущенія; ушные—слуховыя, и проч. Вотъ почему нельзя видѣть рукой, слышать ногой. Такая изолированность нерва получается потому, что нервная нить окружена особой оболочкой, которая предохраняетъ нервное волокно отъ удара и разрыва, но въ то же время не позволяетъ волокну сообщаться съ другими, сосѣдними нитями. Вслѣдствіе указанной изолированности, каждая группа нервовъ имѣетъ свои спеціальныя обязанности, а во вторыхъ,—концы нервовъ данной группы упираются въ особую, свою собственную область головного мозга. Такая область получаетъ свое спеціальное назначеніе. Объ этихъ областяхъ, составляющихъ физическій фундаментъ *психологій*, говорится ниже.

Въ отношеніи общаго значенія для организма, дѣлятся нервы на двѣ группы: нервы *растительной* жизни и нервы *животной* жизни. Первые вѣдаютъ питаніемъ, кровообращеніемъ, разными выдѣленіями, и проч.; вторые—вѣдаютъ чувствительностью и движеніемъ. Первой группой интересуется, главнымъ образомъ, гигиена; второй—психологія.

На сколько развиты нервныя волокна въ организмѣ человѣка видно изъ того, что одинъ только спинной мозгъ заключаетъ въ себѣ 1.300.000 отдѣльныхъ нервовъ, и если

эти послѣдніе вытянуть въ одну непрерывную нить, то она составитъ десятки тысячъ верстъ. Въ сѣтчаткѣ глаза находится 3.600.000 нервныхъ окончаній. Въ ухѣ человѣка имѣется до 20.000 спеціальныхъ нервовъ, воспринимающихъ только звуки и шумы. Въ одномъ пальцѣ находится около 2.000 нервныхъ окончаній, расположенныхъ на осязательной поверхности пальца. Общее же количество нервныхъ путей, связывающихъ осязательную поверхность кожи съ головнымъ мозгомъ, считается милліонами.

Итакъ, существенное назначеніе нервовъ заключается въ томъ, чтобы получать и передавать раздраженія и впечатлѣнія; въ зависимости отъ такого назначенія, нервы образуютъ тончайшіе и спеціальныя пути, по которымъ всѣ раздраженія и впечатлѣнія направляются отъ окружности къ центру, каковымъ служитъ головной мозгъ, и разносятся волевыя движенія отъ центра къ окружности.

2) *Большіе симпатическіе стволы*—таковыхъ два; они расположены по обѣимъ сторонамъ позвоночнаго столба, во всю его длину. Каждый стволъ состоитъ изъ узловъ, числомъ около 23, связанныхъ между собою нервными канатиками. Отъ стволотъ отходятъ нервы двоякаго назначенія: одни, отдѣлившись отъ стволотъ, входятъ въ позвонки, внутри которыхъ соединяются со спиннымъ мозгомъ; другіе же, очень многочисленные, идутъ къ внутреннимъ органамъ—сердцу, желудку, кишечнику и проч. Два указанныхъ выше ствола и всѣ нервы, отходящіе отъ нихъ, принадлежатъ къ нервамъ *растительной* жизни. Слѣдовательно, система большого симпатическаго нерва вѣдаетъ физиологической работой внутреннихъ органовъ и особенно органовъ питанія. Такъ какъ сердце, легкія, желудокъ, кишечникъ и всѣ прочіе растительные органы работаютъ автоматически, помимо нашего желанія, то и симпатическіе нервы работаютъ тоже непроизвольно, т. е. безъ участія нашей *воли*. Тѣмъ не менѣе, по нервамъ симпатической системы передаются раздраженія въ головной мозгъ,

но получаемыя въ головѣ ощущенія имѣютъ неопредѣленный, тупой характеръ — чувство общей усталости, физической бодрости, неловкости въ желудкѣ и т. п. Въ устраненіе недоразумѣній скажу, что тѣ же внутренніе органы — сердце, желудокъ, и др. пронизаны также и нервами животной жизни, идущими прямо въ спинной мозгъ, и далѣе — въ голову. Именно по этимъ нервамъ передаются вполнѣ опредѣленные ощущенія, имѣющія большое значеніе въ духовной области, о чемъ говорится ниже.

Такимъ образомъ, большіе симпатическіе стволы составляютъ какъ бы огромные промежуточные узлы, въ которыхъ собраны пучки *растительныхъ* нервовъ туловища. Промежуточные узлы — между нервами туловища и головой.

3) *Спинной мозгъ* — помѣщается въ каналъ позвоночнаго столба. Мозгъ этотъ имѣетъ видъ длиннаго шнура, около одного сантиметра въ діаметрѣ. Спинной мозгъ состоитъ изъ двухъ мозговыхъ веществъ: сѣраго и бѣлаго. Сѣрое вещество расположено внутри, образуя центральную ось шнура; бѣлое — снаружи. Весь спинной мозгъ заключенъ въ три оболочки, разной плотности. Изъ спинного мозга выходитъ по тридцать одной парѣ нервовъ съ каждой стороны; въ каждой парѣ соединены нервы центростремительные и центробѣжные. Нервы эти пронизываютъ все туловище и всѣ конечности, по всевозможнымъ направленіямъ, доходятъ до кожи и до отдаленныхъ точекъ внутреннихъ частей организма. Поэтому, гдѣ бы раздраженіе не произошло, — оно сейчасъ же передается въ спинной мозгъ, а затѣмъ поднимается вверхъ, доходитъ до головного мозга и даетъ соотвѣтственное ощущеніе, какъ говорятъ — впечатлѣніе. Въ обратномъ порядкѣ направляются распоряженія головного мозга.

Такимъ образомъ, спинной мозгъ составляетъ какъ бы огромный промежуточный узелъ, въ которомъ собраны пучки *чувствительныхъ* нервовъ туловища и конечностей. Промежуточный узелъ — между нервами и головой.

4) *Головной мозгъ* — состоитъ изъ трехъ слѣдующихъ частей, считая снизу: продолговатаго мозга, малаго мозга или мозжечка и большого мозга, см. фиг. № 1.

а) Продолговатый мозгъ составляетъ утолщенное продолженіе спинного мозга, послѣ входа его въ черепъ, черезъ затылочное отверстіе. Иными словами — спинной мозгъ, пройдя шейные позвонки, входитъ въ голову черезъ отверстіе въ черепъ, здѣсь утолщается и образуетъ продолговатый мозгъ. Означенный мозгъ состоитъ тоже изъ двухъ мозговыхъ веществъ: сѣраго и бѣлаго, но оба эти вещества теряютъ указанное выше, въ спинныхъ позвонкахъ, правильное, вытянутое вдоль по оси расположеніе, а переплетаются и образуютъ отдѣльные участки. Въ продолговатомъ мозгу берутъ начало нервы, которые завѣдуютъ работою трехъ большихъ внутреннихъ органовъ — сердца, легкихъ, желудка. Поэтому, если повредить начальную точку этихъ нервовъ, то жизнь мгновенно прекращается. Вотъ почему продолговатый мозгъ называется *центромъ физической жизни*.

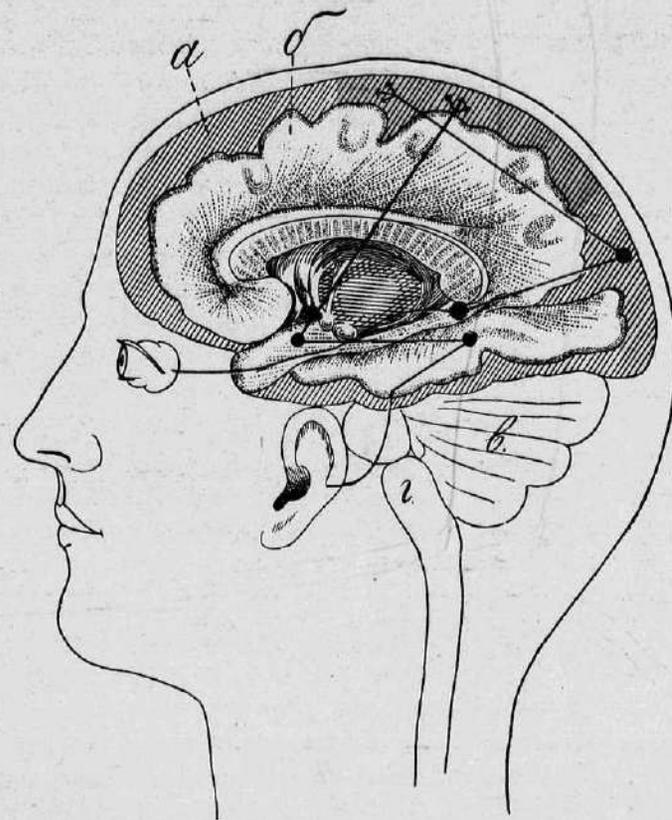
б) Малый мозгъ или мозжечокъ имѣетъ видъ двухъ небольшихъ, связанныхъ между собой, полушарій, которые примыкаютъ къ продолговатому мозгу частью сверху и сбоку. Мозжечокъ состоитъ тоже изъ сѣраго и бѣлаго вещества, которое распределено слоями. Внутри, въ центрѣ каждаго полушарія, находится узелъ сѣраго вещества; его окружаетъ вещество бѣлое, а сверху опять лежитъ слой сѣраго мозгового вещества. Получается центръ и два слоя — бѣлый и сѣрый, которые входятъ другъ въ друга неровными краями. Мозжечокъ не участвуетъ въ умовой работѣ головного мозга, а даетъ начало нервамъ, которые регулируютъ движеніе частей тѣла и всего организма, когда человѣкъ ходитъ, бѣгаетъ, наклоняется, работаетъ, и проч. Поэтому, малый мозгъ признается за *центръ равновѣсія*.

в) Большой мозгъ — состоитъ изъ двухъ большихъ полушарій, связанныхъ между собою перемычкой, въ видѣ

толстой, бѣлой полосы. Полушарія состоятъ тоже изъ двухъ мозговыхъ веществъ — бѣлаго и сѣраго. Бѣлое вещество образуетъ внутреннюю часть полушарія, его толщю, въ видѣ большого кома; сѣрое же вещество образуетъ сводъ, прикрываетъ сверху бѣлую сердцевину (см. фиг. 1). Этотъ сводъ изъ сѣраго вещества носитъ названіе *коркового слоя* или *мозговой коры*, около полудюйма толщины. Бѣлое вещество состоитъ только изъ нервныхъ нитей или волоконъ; сѣрое — изъ нервныхъ волоконъ и нервныхъ клѣточекъ; въ мозговой корѣ насчитываютъ свыше девяти миллиардовъ клѣтокъ. Клѣтки эти имѣютъ особое устройство и называются „нейроны“. Особенность нейроновъ заключается въ томъ, что они не только принимаютъ впечатлѣнія внѣшняго міра, но могутъ возбуждаться самостоятельно, благодаря чему человекъ можетъ размышлять, не получая впечатлѣній извнѣ, т. е. ничего не видя, не слыша и проч. Нервные волокна въ полушаріяхъ идутъ по всевозможнымъ направленіямъ, а между волокнами имѣется огромное количество нервныхъ узелковъ.

Въ общемъ, большой мозгъ имѣетъ видъ кругловатаго каравайя бѣлаго хлѣба, который въ разрѣзѣ даетъ мякишъ — бѣлое вещество внутри, и кору — сѣрое вещество, снаружи. Сверху коры находится огромное число извилинъ; снизу полушарія, къ его ровной части, примыкаютъ нервные узлы, разной формы и величины. Большой мозгъ прикрываетъ мозжечокъ, продолговатый мозгъ и очень много нервныхъ узловъ, находящихся внутри головы.

Оба полушарія заключены въ три оболочки, изъ коихъ наиболѣе твердая — прилегаетъ къ костямъ черепа и служитъ какъ-бы футляромъ; тонкая, мягкая — покрываетъ мозгъ непосредственно и содержитъ кровеносные сосуды, питающіе мозгъ; между двумя указанными, лежитъ третья оболочка — паутинная, которая связываетъ двѣ первыхъ и содержитъ особую жидкость, полезную для мозга. Съ наружной стороны, полушарія дѣлятся на пять частей или

Профиль головного мозга. Пути: зрительный и слуховой.

а — мозговая кора; корковый сводъ.

б — бѣлое вещество.

в — мозжечекъ.

г — продолговатый мозгъ.

долей: лобную — по близости лба; теменную — сверху; двѣ височныхъ — вблизи висковъ; затылочная — сзади головы.

Изъ головного мозга выходитъ двѣнадцать паръ головныхъ нервовъ, изъ которыхъ только двѣ пары идутъ въ туловище, а десять паръ развѣтвляются въ самой головѣ, образуя нервы зрительные, слуховые, лицевые, языкоглоточные и др.

Какое же назначеніе головного мозга? Вотъ важнѣйшій вопросъ науки о нервахъ.

Прежде всего головной мозгъ составляетъ главный *центръ* всей нервной системы.

Во вторыхъ, въ этомъ центрѣ сосредоточена вся физическая и духовная работа всего организма.

Какая же роль и назначеніе *мозговой коры*, мозгового свода?

Всѣ впечатлѣнія и ощущенія, воспринятыя нервами, передаются въ мозговую кору и здѣсь перерабатываются въ сознательное представленіе, — что именно человѣкъ видитъ, слышитъ, испытываетъ и проч.; здѣсь же накапливаются знанія; здѣсь же образуется память; здѣсь же развивается мышленіе, сопоставляются впечатлѣнія; дѣлаются выводы, заключенія и проч. Въ общемъ *мозговая кора служитъ центромъ душевной дѣятельности человека*, центромъ ума, разсудка, воли.

Вотъ гдѣ сосредоточена вся наша высшая духовная работа — въ тонкомъ сводѣ сѣраго мозгового вещества, въ мозговой корѣ! Этотъ небольшой сводъ служитъ аппаратомъ, посредствомъ котораго творческій геній совершаетъ величайшія открытія, даетъ вѣковѣчныя произведенія искусства, создаетъ идеалы!

Гдѣ именно находятся спеціальныя области душевной дѣятельности въ мозговой корѣ и какая происходитъ работа въ этихъ областяхъ, изложено ниже въ главѣ пятой.

III. Физиологія.

Дѣятельность первой системы можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія, а именно: съ точки зрѣнія механической—какимъ образомъ нервная система работаетъ, дабы заставить человѣка напр., пройти данное разстояніе, исполнить гимнастическое упражненіе и проч. Во вторыхъ, съ точки зрѣнія химической—какимъ образомъ питаются, растутъ и развиваются нервы. Въ третьихъ, съ точки зрѣнія психологической. Ниже разсматривается работа только третьяго рода, т. е. такая дѣятельность, которая имѣетъ значеніе въ области душевныхъ явленій, при чемъ разсматривается дѣятельность въ отдѣльности каждой составной части нервной системы.

1) *Нервы.* Выше выяснено, что нервныя нити или волокна пронизываютъ все тѣло человѣка, по всевозможнымъ направленіямъ. Однако, въ общемъ, одинъ конецъ нервного волокна находится на наружной части тѣла, въ нашей кожѣ, и называется периферическимъ или наружнымъ концомъ; другой же—находится въ глубинѣ тѣла и называется внутреннимъ концомъ. Оба эти конца соединены нервной ниткой, которая, такимъ образомъ, служитъ проводникомъ, какъ бы телеграфной проволокой, связывающей два телеграфныхъ аппарата. Въ частности, отъ наружной точки тѣла, нервъ углубляется во внутрь, проходитъ черезъ небольшіе нервные узлы и упирается въ головной мозговой узелъ, въ головѣ. Поэтому раздраженіе нерва, полученное на его наружномъ, периферическомъ концѣ мгновенно передается въ соотвѣтственный узелъ въ головѣ; раздраженіе это вызываетъ или сокращеніе, или особое напряженное состояніе внутренняго нервного конца. Такимъ именно путемъ нервъ проводитъ во внутрь наружныя раздраженія, наружныя впечатлѣнія. Мы уже знаемъ, что впечатлѣнія передаются во внутрь по центростремительнымъ или чувствительнымъ нервамъ. Когда же полученное въ

головѣ ощущеніе будетъ обработано,—о чемъ говорится ниже, немедленно слѣдуетъ соотвѣтственное распоряженіе. Иногда ощущеніе остается въ головѣ безъ отвѣта и тогда нервы получаютъ распоряженіе оставаться въ покоѣ. Но если дается активный отвѣтъ, то таковой приводится въ исполненіе центробѣжными или двигательными нервами. Эти послѣдніе, получивъ въ головѣ отвѣтное раздраженіе, несутъ таковое къ наружнымъ органамъ и заставляютъ ихъ выполнить опредѣленную работу, напр. совершить движеніе, пристально смотрѣть глазомъ, внимательно слушать ухомъ и т. п.

Если одни и тѣ же нервы, продолжительное время, получаютъ одинаковое раздраженіе, то нервныя волокна или нити совершенствуются въ опредѣленномъ направленіи, такъ сказать—становятся специалистами. Группируясь по спеціальностямъ, нервы образуютъ пять органовъ нашихъ чувствъ: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе. Осязаніе является болѣе общимъ по всему тѣлу, а зрѣніе, слухъ, вкусъ и обоняніе—болѣе обособленными и сосредоченными на опредѣленныхъ мѣстахъ. Раздѣлившись по спеціальностямъ, нервы передаютъ только опредѣленные раздраженія, напр. глазъ передаетъ только свѣтовыя впечатлѣнія; ухо—слуховыя и т. п., о чемъ было уже сказано выше.

Итакъ, съ точки зрѣнія психологіи, нервныя нити собираютъ и доставляютъ въ головной мозгъ всевозможныя раздраженія, впечатлѣнія и ощущенія, что въ общемъ составляетъ матеріалъ, который въ мозговой корѣ перерабатывается въ опредѣленные представленія и образы; въ опредѣленные знанія и желанія. Затѣмъ, нервныя волокна передаютъ отвѣтныя распоряженія головного мозга органамъ нашего тѣла.

2) *Нервные узлы* помѣщаются на нервныхъ нитяхъ, по всѣмъ направленіямъ, въ огромномъ количествѣ и бываютъ разной величины. Выше сказано, что узлы состоятъ изъ

нервного волокна и дополнительных нервных клѣточекъ. Располагая большими матеріальными средствами, узлы выполняютъ и большую психическую работу, сущность которой заключается въ томъ, что нервный узелъ какъ бы пропускаетъ черезъ себя и гонитъ дальше полученное впечатлѣніе. Такая дѣятельность называется рефлексомъ. Слѣдовательно, рефлексъ — это всякое движеніе нервной клѣточки, находящейся въ нервномъ узлѣ, каковое движеніе служитъ отвѣтомъ на всякое раздраженіе. Рефлексъ нервного узелка составляетъ первое заявленіе нервной системы о томъ, что впечатлѣніе принято; но отвѣтъ этотъ дается безъ участія нашего сознанія и воли. Такъ, напр., если неожиданно уколотъ палецъ иголкой, то рука автоматически, помимо нашего желанія, быстро отодвинется отъ иголки. Тѣмъ не менѣе рефлексъ составляетъ очень важный промежуточный этапъ тѣхъ нервныхъ движеній, которыя въ общемъ образуютъ душевное явленіе, о чемъ сказано ниже.

Въ психическомъ отношеніи, нервные узлы исполняютъ слѣдующія, троякаго вида, работы; во первыхъ—получая отъ нервныхъ нитей раздраженіе, узлы передаютъ дальше, по направленію къ головному мозгу, не всю сумму полученнаго возбужденія, а нѣкоторую, весьма небольшую, часть его удерживаютъ въ себѣ; поэтому, въ самомъ узлѣ постепенно накапливается опредѣленное возбужденіе, которое даетъ энергію самому узлу, даетъ ему средства распорядиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ самостоятельно, какъ это видно изъ приведеннаго выше примѣра съ уколомъ иголкою. Иными словами, въ нервныхъ узлахъ постепенно собирается энергія, достаточная для частной инициативы и даже для продолжительной работы даннаго нервного узла. Если, напр. человѣкъ идетъ при нормальныхъ условіяхъ по прямому пути, то движеніе совершается машинально, безъ участія разсудка, подъ воздѣйствіемъ нѣкоторыхъ нервныхъ узловъ, располагающихъ запасомъ собственной энергіи.

Въ томъ только случаѣ, когда потребуется принять какія либо мѣры предосторожности, напр. при ходьбѣ по опасному мѣсту или когда нужно соразмѣрить шагъ съ опредѣленной цѣлью—вмѣшивается мозговая кора, призывается на помощь разсудокъ.

Во вторыхъ, нервные узлы *раздѣляютъ* общее раздраженіе и служатъ какъ бы частными центрами для распределенія общей работы на ближайшіе участки тѣла. Такъ, напр., въ руку передается общее движеніе, которое затѣмъ распределяется по отдѣльнымъ пальцамъ нервными узлами кисти руки.

Въ третьихъ, нѣкоторые нервные узлы, особенно изъ числа большихъ узловъ головного мозга, *соединяютъ* работу сосѣднихъ нервовъ; напр., человѣкъ смотритъ въ одно и то же время слушаетъ звуки, исходящіе изъ того же мѣста; человѣкъ говоритъ—и самъ себя слушаетъ.

Кромѣ огромнаго числа мелкихъ нервныхъ узелковъ, очень большими нервными узлами считаются спинной мозгъ, симпатическіе стволы, продолговатый мозгъ и мозжечокъ. Изъ нихъ спинной мозгъ обладаетъ наибольшей способностью давать рефлексъ, а потому мозгъ этотъ является главнымъ рефлекторнымъ органомъ, главнымъ органомъ рефлексовъ. У нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ спинной мозгъ развитъ гораздо больше головного, а потому мозгъ, напр., лягушки, червя и др. содержитъ узлы рефлексовъ, дѣйствующіе самостоятельно, даже безъ участія головы. Обезглавленная лягушка прыгаетъ; части разрѣзаннаго червя—двигаются, благодаря тому, что узелки спинного мозга даютъ рефлексъ, т. е. даютъ самостоятельныя нервныя движенія.

Итакъ, нервные узлы, съ точки зрѣнія психологіи,—составляютъ частные сборные пункты для нервныхъ нитей, собираютъ раздраженіе нервныхъ волоконъ и передаютъ это раздраженіе въ головной мозгъ; затѣмъ—служатъ хранилищемъ небольшого количества энергіи, и наконецъ—

служать частными регуляторами работы нервовъ на небольшихъ, сосѣднихъ участкахъ тѣла.

3) *Мозговая кора*, какъ сказано выше, представляетъ сводъ, который прикрываетъ всѣ нервныя узлы головного мозга. Раздраженія и впечатлѣнія передаются по нервной системѣ въ мозговую кору для духовной обработки. Такимъ образомъ сводъ мозговой коры служитъ органомъ высшихъ воспріятій, служитъ органомъ, въ которомъ полученныя ощущенія и впечатлѣнія превращаются въ сознаніе, мысль, волю, душевное движеніе.

Къ означенному, величайшему открытію пришли послѣ продолжительныхъ опытовъ и наблюденій. Не только въ древности, но даже до шестнадцатаго столѣтія послѣ Р. Хр. всѣ душевные процессы, до мышленія включительно, сводили къ дѣятельности сердца. На протяженіи многихъ вѣковъ искали мѣстопребываніе души и было время, когда полагали, что въ человѣкѣ находится три души: душа растительная—въ брюшной полости, сзади желудка; вторая душа, благоразумныхъ стремленій—въ груди, въ сердцѣ; третья душа, разума—въ головѣ. Положимъ, уже въ древности, нѣкоторые психологи, напр. Гиппократъ (докторъ) и Галенъ указывали на мозгъ, какъ на вмѣстилище души. Но подобныя указанія были опровергнуты философами, Аристотелемъ и Платономъ, которые пользовались неизмѣримо большимъ авторитетомъ. Аристотель даже указывалъ, что въ психологическомъ отношеніи, мозгъ служитъ органомъ охлаждающимъ работу души. Въ XVI столѣтіи начался рѣшительный поворотъ въ психологіи въ пользу исключительнаго значенія головного мозга, а въ концѣ XIX столѣтія окончательно установлено, что именно мозговая кора составляетъ центръ душевной дѣятельности. Но, повторяю, къ такому заключенію пришли послѣ весьма сложныхъ работъ и продолжительныхъ наблюденій. Такъ, напр., вырѣзывали у животныхъ полушарія большого мозга и наблюдали послѣдствія. Оказалось, что животное безъ полушарій

продолжало жить, но совершенно теряло всякую способность понимать; животное кушало, спало, видѣло, слышало и проч., но не понимало опасности; при ходьбѣ—натыкалось на препятствія; совершало безсмысленныя движенія и т. п. Наблюденія надъ дѣтьми показали, что до тѣхъ поръ, пока мозговая кора не получитъ развитія,—мышленіе недоступно ребенку, хотя растительныя потребности проявляются въ первый день жизни. Наблюденія надъ больными и слабоумными показали, что при заболѣваніяхъ или при разрушеніи нѣкоторыхъ участковъ мозговой коры—прекращаются опредѣленныя душевныя явленія, опредѣленная отрасль душевной дѣятельности, находящаяся въ зависимости отъ даннаго участка мозгового свода. Всѣ означенныя и тому подобныя опыты и наблюденія привели къ такимъ заключеніямъ:

а) мозговая кора служитъ центромъ душевной дѣятельности человѣка;

б) въ сводѣ мозговой коры имѣются спеціальныя участки, куда первоначально поступаютъ простыя впечатлѣнія изъ головныхъ нервныхъ узловъ;

в) кромѣ того, имѣются особые участки, гдѣ полученныя впечатлѣнія соединяются и подвергаются окончательной духовной обработкѣ.

Какимъ образомъ работаютъ означенныя области—указано въ пятой главѣ настоящей книги.

4) Совершенно самостоятельное положеніе занимаетъ особый органъ душевной дѣятельности—*органъ рѣчи*.

Рѣчь служитъ для выраженія душевной дѣятельности и душевнаго состоянія. Въ частности, каждое слово составляетъ словесный ярлыкъ существующаго въ природѣ предмета и отвлеченнаго понятія. Словами передаются наши сужденія, желанія, чувства. Въ общемъ, при помощи слова воплощаются наши мысли, совершается обмѣнъ сужденій, передаются познанія.

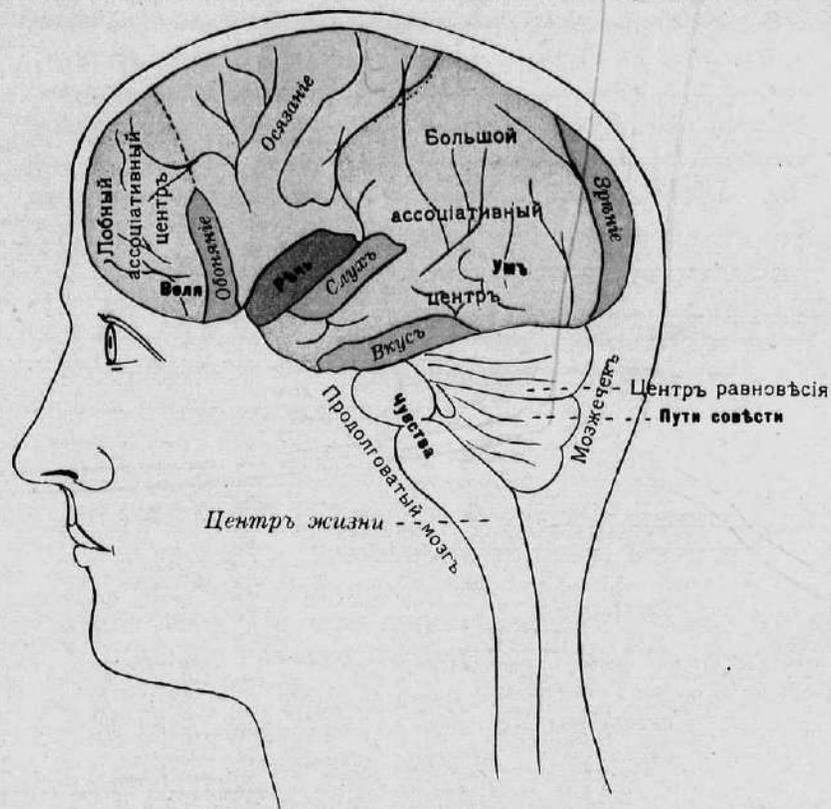
Органъ рѣчи слагается изъ двухъ частей. Одна часть служить для механической работы, для произнесения слова; къ этой части относится гортань, языкъ, губы и проч. Вторая часть,—небольшая область мозговой коры, предназначена для духовной дѣятельности рѣчи. Въ этотъ духовный центръ рѣчи, по тончайшимъ нервамъ, стекается все то, что желательно выразить словомъ; здѣсь, въ этомъ центрѣ, формируются слова и по двигательнымъ нервамъ передаются въ гортань для произнесения.

III. Планъ мозговой коры.

Въ настоящее время дѣятельность каждаго участка головного мозга точно выяснена, что дало возможность составить планъ мозговой коры. Такой планъ имѣетъ колоссальное практическое значеніе, такъ какъ при заболѣваніяхъ сразу становится понятнымъ, какіе собственно нервы поражены.

Съ точки зрѣнія топографіи, т. е. съ точки зрѣнія физическихъ участковъ воспріятія впечатлѣній, видимъ слѣдующее, см. фиг. № 2: участки, на коихъ получаютъ впечатлѣнія пяти чувствъ—зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса и обонянія,—покрыты красной краской.

Наибольшее мѣсто занимаетъ „осязаніе“, такъ какъ участокъ этотъ воспринимаетъ впечатлѣнія съ огромной поверхности, а именно—кожи, слизистыхъ оболочекъ, внутреннихъ органовъ и мышцъ. Область зрѣнія занимаетъ второе мѣсто, а менѣе другихъ—область слуха. На означенныхъ областяхъ сосредоточены спеціальныя впечатлѣнія, получаемыя отъ соотвѣтственныхъ головныхъ, нервныхъ узловъ. Красныя области носятъ названіе *чувственныхъ центровъ*; таковыхъ пять, по числу чувствъ человѣка. Области эти иногда называются областью видѣнія, слышанія, осязанія, обонянія и вкуса.

Планъ мозговой коры.

Полученныя въ этихъ центрахъ впечатлѣнія передаются въ сосѣднія области, покрытыя зеленой краской. Здѣсь именно многочисленныя впечатлѣнія сопоставляются, сортируются, оцѣниваются, частью остаются для храненія (память), частью же перерабатываются въ опредѣленные представленія, знанія, мысли, желанія, чувства, волю, сознанія и т. д., а соотвѣтственно сему отсюда исходятъ распоряженія—какъ использовать полученныя впечатлѣнія. Области мозговой коры, въ коихъ происходитъ указанная выше духовная обработка впечатлѣній, называется *центромъ ассоціаціи*, или ассоціативными центрами, высшими духовными центрами или главными центрами духовной дѣятельности. Приведены всѣ названія, какія встрѣчаются у разныхъ писателей, дабы не возникало недоразумѣній. Ассоціативныхъ центровъ два: одинъ—*лобный*, или малый центръ служить, главнымъ образомъ, для обработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ собственнаго тѣла; *задний*, или большой центръ—для храненія и переработки впечатлѣній, получаемыхъ изъ внѣшняго міра—свѣта, звука, холода и проч. Къ ассоціативнымъ центрамъ причисляютъ также центръ рѣчи—покрытъ синей краской.

Итакъ, въ топографическомъ отношеніи сводъ мозговой коры дѣлится на области троякаго значенія:

а) области *чувственыя*—простыхъ, однородныхъ впечатлѣній, получаемыхъ изъ соотвѣтственныхъ нервныхъ органовъ и узловъ;

б) области *ассоціаціи* или области духовной переработки впечатлѣній въ душевныя явленія или душевныя движенія; обѣ эти области составляютъ *физическій органъ души*;

в) область *рѣчи*.

Центры воспріятія занимаетъ $\frac{1}{3}$ свода; центры ассоціаціи и рѣчи— $\frac{2}{3}$ мозговой коры. Такое соотношеніе показываетъ, что сама природа опредѣлила, дабы у человѣка высшая, духовная жизнь была развита во много разъ сильнѣе жизни физической, растительной. Это требованіе вы-

полнили только древніе греки, а потому только они дали величайшихъ мыслителей, чистую науку и вѣчные образцы въ области художественной. Вотъ историческій примѣръ соотношенія духа и матеріи. Къ сожалѣнію, древне-греческое племя погибло безъ остатка, но то, что оставило это племя послѣ себя, и по днесь вызываетъ удивленіе и восхищеніе другихъ народовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Психофизика.

Съ точки зрѣнія психологіи нынѣ установлено, что душевная дѣятельность совершается въ строгой зависимости отъ соотвѣтственныхъ процессовъ въ нашемъ тѣлѣ. Изслѣдованіе совмѣстной работы нервной системы и души составляетъ особый отдѣлъ общей психологіи, подъ наименованіемъ психофизики. Отдѣлъ этотъ наиболѣе сложный. Дабы яснѣе представить себѣ душевную дѣятельность, вопросы психофизики раздѣлены на составныя части и затѣмъ выяснена первоначально самая простая, самая элементарная психологическая работа нервной системы, а затѣмъ постепенно, шагъ за шагомъ, рассмотрѣны болѣе сложныя душевныя явленія; наконецъ указаны, какимъ образомъ и въ какихъ именно участкахъ мозговой коры происходитъ наиболѣе совершенная духовная работа. Изслѣдованіе душевной дѣятельности по такой программѣ представляетъ ясную картину психической работы и разъясняетъ сложные вопросы въ формѣ, удобной для практическаго пользованія.

I. Раздраженіе.

Каждое душевное явленіе начинается съ *раздраженія* наружнаго конца нервной нити. Подъ словомъ „раздраженіе“ понимается понужденіе къ дѣятельности и напряженное

состояніе, въ коемъ находится раздраженный нервъ. Раздражать—значитъ понуждать, вызывать дѣятельность или напряженное состояніе.

Раздражать нервъ можно многими средствами, но всѣ они сводятся въ четыре группы: средства механическія—ударъ, толчекъ, давленіе, прикосновеніе; средства химическія—кислота, эфиры; средства термическія—теплота, холодъ; средства электрическія, къ коимъ относится также магнетизмъ. Нѣкоторыя изъ этихъ средствъ дѣйствуютъ двоякимъ способомъ. Напр., свѣтовая волна эфира дѣйствуетъ на глазные нервы механически, прикосновеніемъ къ концу нерва, и въ то же время вызываетъ въ глазномъ яблокѣ химическіе процессы, которые тоже раздражаютъ нервъ.

Выше выяснено, что конецъ нерва можетъ находиться на наружной поверхности тѣла, — въ кожѣ, слизистой оболочкѣ, въ глазахъ и т. п.; или же во внутреннихъ органахъ человѣка—въ сердцѣ, желудкѣ и проч. Гдѣ бы ни произошло раздраженіе, нервъ сейчасъ же начинаетъ движеніе, въ видѣ безконечно малаго волнообразнаго сокращенія или въ формѣ дрожанія, неуловимаго и совсѣмъ еще не изслѣдованнаго. Словомъ, получивши раздраженіе, благодаря воздѣйствію одного изъ указанныхъ выше средствъ на конецъ нервнаго волокна,—нервъ начинаетъ волноваться и это волненіе передаетъ вглубь тѣла, по своей нити. Слѣдуя по этой нити, раздраженіе (движеніе или дрожаніе) встрѣчаетъ нервныя узлы, таковыя проходятъ и достигаютъ своего противоположнаго конца въ одной изъ точекъ головного мозга. Такой передачей въ другой конецъ полученнаго раздраженія служба нервной нити заканчивается. Съ этого момента наступаетъ, въ мозговой области, новый видъ нервной работы, подъ названіемъ ощущенія.

Выше выяснено, и теперь только напоминаетъ, что каждая группа нервовъ передаетъ опредѣленные раздраженія

свойственныя данному нерву. Такъ, напр., глазные нервы испытываютъ и передаютъ только свѣтовое раздраженіе; слуховые—только звуковыя раздраженія и т. п. Означенная особенность нервовъ имѣетъ огромное значеніе, съ точки зрѣнія психологіи, о чемъ говорится ниже.

Такъ работаютъ центростремительныя или чувствительныя нервы, несущіе раздраженіе отъ поверхности въ голову. Но центробѣжныя или двигательныя волокна получаютъ раздраженіе на своихъ внутреннихъ концахъ въ мозговой корѣ и затѣмъ несутъ движеніе въ опредѣленное мѣсто тѣла, гдѣ производятъ требуемое дѣйствіе, напр., сокращаютъ мышцы, см. фиг. № 3.

Имѣется теорія, согласно коей раздраженіе—это *химическій* процессъ въ нервномъ волокнѣ, при чемъ химическія разложенія сопровождаются колебаніями электрическаго тока, находящагося въ тѣлѣ человѣка. Въ общемъ, однако, получается движеніе и дрожаніе, какъ изложено выше.

II. Рефлексъ.

Слѣдуя по нервному волокну, раздраженіе, т. е. движеніе, встрѣчаетъ на своемъ пути нервныя узлы, которые, какъ мы уже знаемъ, состоятъ изъ нервнаго волокна, проходящаго черезъ узелъ, и нервныхъ клѣтокъ. Въ виду болѣе сложнаго строенія узла, раздраженіе тоже усложняется, а именно: клѣточки приходятъ въ движеніе, поглощая часть раздраженія, а остальное количество сего послѣдняго устремляется дальше, по направленію къ головному мозгу. Движеніе нервнаго узла называется рефлексомъ. Слѣдовательно, рефлексъ составляетъ второй видъ работы нервной системы. Нынѣ признается, что раздраженіе и рефлексъ относятся къ безсознательнымъ видамъ нервной дѣятельности, безъ участія ума и воли.

Итакъ, раздраженіе и рефлексъ составляютъ двѣ первыхъ ступени, два первыхъ явленія душевной дѣятельности. Явленія эти исключительно физико-химическаго про-

исхожденія и свойства, безсознательны, въ большинствѣ случаевъ даже произвольны, автоматичны. Тѣмъ не менѣе, повторяю, съ этихъ двухъ явленій начинается душевная дѣятельность.

III. Ощущеніе.

На фиг. № 3 видно, что внѣшнее раздраженіе нерва переносится въ мозговую кору и здѣсь передается чувствительной клѣточкѣ мозга, напр., въ точкѣ *в*. Немедленно означенная клѣточка и однородныя съ ней возбуждаются и начинаютъ работать. Работа эта заканчивается тѣмъ, что создается *ощущеніе*. Что значитъ ощущеніе? Ощущать—это значитъ познавать, чувствовать. Слѣдовательно, мозговая клѣточка „познаетъ“ полученное раздраженіе. Отсюда ясно, что „ощущеніе“—это такое возбужденное состояніе мозговой клѣточки, когда клѣточка познаетъ, какое именно раздраженіе она получила. Но если клѣточка познаетъ, какое именно раздраженіе она получила, — свѣтовое, звуковое, горькое, сладкое и т. д., то значитъ клѣточка работаетъ сознательно. И дѣйствительно, ощущеніе признается за первую ступень разумной дѣятельности, за первый шагъ и начало душевной жизни. Выше сказано, что ощущать, это значитъ не только познавать, но и чувствовать. Такъ на самомъ дѣлѣ и происходитъ. Клѣточка чувствуетъ, т. е. на самой себѣ испытываетъ качество раздраженія—пріятное или непріятное.

Въ чемъ заключается сущность работы, дающей ощущеніе, пока не выяснено. Вѣроятно, въ мозговой клѣточкѣ, получившей раздраженіе, происходитъ физическое сокращеніе и дрожаніе, а также совершаются химическіе процессы, но какъ все это соединяется съ духовной природой и даетъ совершенно опредѣленное ощущеніе свѣта, звука, холода, сладости и т. п.,—еще неизвѣстно. Найдены только мѣста, гдѣ получаютъ тѣ или другія ощущенія, въ

зависимости отъ опредѣленнаго раздраженія, что дало возможность составить планъ мозговой коры, см. фиг. № 2.

Мозговая клѣточка находится въ непосредственной связи съ нервомъ; вотъ почему ощущеніе составляетъ прямое слѣдствіе раздраженія. А такъ какъ нервы испытываютъ всевозможныя раздраженія, то и ощущенія бываютъ весьма разнообразныя. Но обыкновенно различаютъ пять главныхъ группъ ощущенія, а именно—осязательныя, вкусовыя, обонятельныя, слуховыя и зрительныя. Ощущенія эти доставляются именно органами нашихъ чувствъ. Въ каждой группѣ, однородныя ощущенія бываютъ разнаго качества и разной силы. Ниже вкратцѣ разсмотрѣны групповыя ощущенія.

1) *Осязаніе*—принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ, но и наименѣ развитымъ ощущеніямъ, сравнительно съ другими. Чувствительные нервы, воспринимающіе осязательное раздраженіе, имѣются повсемѣстно въ кожѣ и слизистыхъ оболочкахъ. Наружные концы осязательныхъ нервовъ воспринимаютъ раздраженія механическія, электрическія и тепловыя. Такія же получаютъ и ощущенія въ мозговой корѣ. Такъ, напр., отъ прикосновенія, получается ощущеніе чего то гладкаго, шероховатаго, скользкаго и т. п. Электрическія раздраженія даютъ ощущеніе холода, тепла, удара, толчка или только прикосновенія чего то остраго. Термическія ощущенія холода и тепла получаютъ вслѣдствіе раздраженія нерва окружающей воздушной средой разной температуры.

Чувствительные нервы, находящіеся внутри, въ органахъ человѣческаго тѣла, тоже даютъ ощущенія, которыя причисляютъ къ осязательнымъ, а именно—даютъ ощущеніе напряженія и сокращенія мускуловъ. Такія ощущенія служатъ первымъ показателемъ, въ какомъ положеніи и состояніи находится наше тѣло, что имѣетъ огромное значеніе для сохраненія равновѣсія организма. Кромѣ того, внутренніе чувствительные нервы даютъ ощущеніе утомленія.

2) *Вкусъ* — ощущенія вкусовыя получаютъ вслѣдствіе раздраженія нерва химическими веществами. Обыкновенно признается только четыре основныхъ вкусовыхъ качества — кислое, сладкое, соленое и горькое. Всѣ остальные вкусовыя ощущенія получаютъ отъ смѣси основныхъ качествъ.

3) *Обоняніе* — обонятельныя ощущенія получаютъ тоже вслѣдствіе раздраженія нерва химическими и при томъ летучими, газообразными веществами. Привести въ систему существующіе запахи, а слѣдовательно и качество обонятельныхъ ощущеній, до сихъ поръ не удалось. У нѣкоторыхъ изслѣдователей запахи сведены въ 7 классовъ, у другихъ въ 15. Происходитъ это потому, что обонятельные нервы передаютъ еще и такія раздраженія, которыя не относятся къ запахамъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, напр., ощущеніе вещества ароматическаго, пригорѣлаго, одуряющаго, гнющаго и проч. Во всякомъ случаѣ, обонятельныхъ ощущеній неизмѣримо больше, чѣмъ вкусовыхъ. Подобное явленіе объясняется тѣмъ, что обоняніе назначено предостерегать организмъ отъ вредныхъ веществъ, дабы таковыя не попали во внутрь тѣла.

4) *Слухъ* — слуховое ощущеніе является вслѣдствіе раздраженія нерва воздушными волнами. Звуковыя колебанія воспринимаются только въ предѣлахъ отъ 16 до 75.000 въ секунду. Чѣмъ быстрѣ колебанія, тѣмъ выше звукъ. Если колебанія воздуха правильны, получается ощущеніе звука; если же колебанія неправильны — получается ощущеніе шума. Благодаря громадному числу слуховыхъ нервовъ, — слуховыхъ ощущеній очень много. Лучше воспринимаются звуки средней высоты; слишкомъ низкіе тоны даютъ дребезжаніе; слишкомъ высокіе — имѣютъ колющій характеръ и могутъ вызвать даже болѣвыя ощущенія.

5) *Зрѣніе* — зрительныя ощущенія получаютъ вслѣдствіе раздраженія нерва колебаніями эфира. Ощущенія бываютъ свѣтотыя и красочныя или цвѣтныя. Волны эфира распространяются по всѣмъ направленіямъ и каждая точка

предмета посылаетъ свою волну. Поэтому, получается безконечное количество свѣтовыхъ раздраженій и, какъ слѣдствіе сего, — свѣтовыхъ ощущеній. Сумма этихъ ощущеній даетъ намъ понятіе о величинѣ и очертаніяхъ предмета.

Что же касается красочныхъ ощущеній, то въ этомъ отношеніи имѣются такія данныя. Физика установила семь главныхъ цвѣтовъ — фіолетовый, синій, голубой, зеленый, желтый, оранжевый и красный. Изъ нихъ фіолетовый цвѣтъ обладаетъ наибольшимъ числомъ колебаній, красный — наименьшимъ. Физика говоритъ, что бѣлый цвѣтъ не составляетъ самостоятельнаго цвѣта, а получается вслѣдствіе соединенія указанныхъ выше семи цвѣтовъ; черный же цвѣтъ представляетъ отсутствіе всякаго цвѣта. Но съ такимъ мнѣніемъ физики психологія не считается и признаетъ, что зрительные нервы даютъ ощущеніе не только семи цвѣтовъ, но и огромное число другихъ красочныхъ или цвѣтовыхъ впечатлѣній, включая бѣлый и черный, напр. бурый, сѣрый, пурпуровый и другіе, при чемъ всѣ эти тона красокъ имѣютъ характеръ вполне самостоятельныхъ цвѣтовъ. Психологія заявляетъ, что сѣрый цвѣтъ даетъ раздраженіе слабѣе бѣлаго, а потому при взглядѣ на сѣрый цвѣтъ получается ощущеніе слабѣе, чѣмъ при взглядѣ на бѣлый цвѣтъ. Однако, разница въ силѣ ощущенія не даетъ основанія отодвигать сѣрый цвѣтъ на второе мѣсто. Наиболѣе мощный источникъ свѣта, — солнце, посылаетъ именно бѣлый цвѣтъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія психологіи, всѣ безъ исключенія цвѣтовые тона вызываютъ самостоятельныя зрительныя ощущенія. Такія ощущенія даютъ представленіе о безконечномъ разнообразіи красокъ въ природѣ.

Для ясности, указанныя выше свѣдѣнія сводятся въ слѣдующія общія положенія:

а) Всѣ ощущенія *по роду* своему дѣлятся на пять группъ: осязательныя, зрительныя, обонятельныя, слуховыя и вкусовыя;

б) Ощущения бывают разной силы или *интенсивности*.

Слово „интенсивность“ означает напряженность; следовательно, под интенсивностью ощущения надо понимать степень напряженности его. Интенсивность ощущения зависит, конечно, от силы раздражения, а таковое в свою очередь зависит от расстояния до источника, дающего раздражение, силы и продолжительности действия на чувствительный конец нерва. Чем расстояние до источника раздражения ближе, тем ощущение сильнее; это общее правило. Из пяти указанных выше групп ощущений,—осязание, вкус и обоняние получаются только в том случае, когда источник раздражения находится на самой оконечности нерва. Слух и зрение, наоборот,—требуют некоторого удаления от источника раздражения, дабы получить отчетливое ощущение.

При слуховых раздражениях, наблюдается следующее. Если источник раздражения, напр., труба, издающая звуки, находится от наблюдателя в расстоянии 100 шагов, то ощущение может даже вовсе не получиться. Но по мере приближения к трубѣ, является звуковое ощущение, которое постепенно усиливается. Но на расстоянии 8 шагов звук трубы становится настолько пронзительным, что уже не замечается дальнейшего увеличения ощущения. Две крайние точки, когда в одной—ощущение едва появляется, а в другой—больше не усиливается, называются порогами ощущения. Между порогами ощущение признается нормальным; до порогов—меньше нормальным, а иногда даже вредным, напр., оглушительный шум. То же самое наблюдается относительно зрительных ощущений. По мере приближения света—он увеличивается в своей яркости. Но на расстоянии около девяти дюймов средняя сила света дает настолько сильное ощущение, что таковое утрачивает свою определенность и становится даже болезненным.

Что же касается силы источника раздражения, то естественно, что чем сильнее этот источник, тем сильнее ощущение. Но интенсивность сего последнего возрастает не пропорционально, а в иной зависимости. Так, напр., если положить на ладонь вытянутой руки один фунт, то получится соответственное осязательное ощущение тяжести—положим в 1 фунт. Если к фунту прибавить несколько золотников, то никакого изменения в ощущении не произойдет. Опытным установлено следующее правило—увеличение тяжести только тогда ощущается, когда на ладонь положить не менее одной трети уже лежащего груза. Значит, к одному фунту надо прибавить не менее $\frac{1}{3}$ фунта, тогда только увеличится ощущение тяжести. Слишком сильный звуковой источник дает ощущение шума, как говорят „оглушает“. Слишком сильный источник света—ослепляет. В этих случаях, чувствительная клеточка судорожно сжимается и не дает раздельного ответа на слуховые и зрительные волны. Звуковые движения, которые имеют в секунду менее 16 и более 75.000 колебаний, не производят раздражений, а следовательно не вызывают ощущения. То же самое не воспринимаются ультракрасные и ультрафиолетовые световые лучи, имеющие более 75.000 колебаний в секунду.

Что же касается продолжительности ощущения, то в этом отношении замечено, что ощущение продолжается, пока происходит раздражение. С окончанием раздражения—прекращается ощущение. Тем не менее, в мозговой чувствительной клеточке всегда остаются следы раздражения, что имеет огромное значение в последующих психических явлениях.

в) Ощущение может быть приятным и неприятным. Такое состояние называют чувственным *тоном* ощущения. Тон зависит, во первых, от качества раздражения, напр., запах розы и запах гниющего вещества; во вторых, от силы ощущения—свет средней силы приятен,

ослѣпительный свѣтъ молніи неприятенъ. Тонъ ощущенія является уже слѣдствіемъ *сознанія*, а не физическаго раздраженія. Высшая степень неприятнаго раздраженія это боль. Такимъ образомъ, тонъ ощущенія или чувство пріятнаго или неприятнаго составляетъ какъ бы внутреннее дополнение къ наружному раздраженію.

г) Возникаетъ вопросъ, что такое *сознаніе*? Вопросъ этотъ первостепенной важности потому, что сознательное ощущеніе является первой ступеню духовной дѣятельности человѣка. Психологи говорятъ, что „сознаніе“—это общая форма душевнаго состоянія. Съ такимъ опредѣленіемъ трудно согласиться особенно въ томъ случаѣ, когда требуется дать вполнѣ ясное, вполнѣ понятное опредѣленіе, пригодное для практической цѣли. Какіе процессы происходятъ въ мозговой клѣточкѣ, въ которой созрѣваетъ сознаніе, — пока неизвѣстно; вотъ почему рѣшить вопросъ по существу—что такое сознаніе, невозможно. Приходится подходить къ рѣшенію вопроса со стороны, такъ сказать, описательной. Въ этомъ отношеніи, наиболѣе подходящимъ будетъ такое опредѣленіе: сознаніе—это оцѣнка ощущенія

по его *роду*—свѣтовое, слуховое, осязательное и проч.;

„ *качеству*—красный, зеленый, сладкій, горькій;

„ *силѣ*—слабое, сильное, оглушительное, ослѣпительное;

„ *тону*—пріятное, неприятное, боль.

Слѣдовательно, въ обыденномъ смыслѣ, подъ сознаніемъ надо понимать сортировку ощущеній по ихъ дѣйствительной стоимости, въ зависимости отъ рода, качества, силы и тона. Безъ такой сортировки всѣ ощущенія были бы одинаковы, т. е. безсознательны. Благодаря же сознанію, каждое ощущеніе ставится на свое мѣсто, въ общую разумную цѣпь духовныхъ явленій.

д) Въ настоящее время установлено, что каждый чувствительный нервъ имѣетъ свою отвѣтную точку въ мозговой корѣ. Такимъ образомъ, мозговой сводъ представляетъ

сумму внутреннихъ концовъ чувствительныхъ нервовъ и, кромѣ того, имѣетъ еще дополнительныя клѣточки для своей собственной работы. При подобномъ строеніи, каждое внѣшнее раздраженіе непременно будетъ вызывать соотвѣтственное ощущеніе внутри мозговой коры.

е) Гдѣ же происходитъ локалізація однородныхъ ощущеній? Слово локалізація, очень часто употребляемое въ психологіи, означаетъ—указаніе мѣста, гдѣ происходитъ данное явленіе; ограниченіе этого мѣста.

Выше неоднократно указывалось, что опредѣленная группа чувствительныхъ нервовъ принимаетъ только опредѣленныя раздраженія и соотвѣтственно сему даетъ опредѣленныя ощущенія. Въ настоящее время найдены внутренніе концы нервовъ всѣхъ пяти чувствъ, что дало возможность локализовать, т. е. указать въ мозговой корѣ мѣста, гдѣ именно сосредоточены тѣ или другія ощущенія. Соотвѣтственно сему составленъ планъ мозговой коры, см. фиг. № 2. На планѣ области чувствительныхъ воспріятій покрыты красной краской, и кромѣ того, имѣются надписи. Картина локалізаціи ощущеній представляется вполнѣ отчетливо.

Итакъ, каждое ощущеніе, порознь взятое, представляется: въ физическомъ отношеніи—въ видѣ одной двигающейся точки въ мозговой корѣ; въ психическомъ отношеніи—въ видѣ простого, элементарнаго душевнаго явленія. Тѣмъ не менѣе, это необыкновенно маленькое явленіе имѣетъ свое собственное содержаніе или качество, свою собственную силу или интенсивность; свой собственный тонъ, т. е. удовольствіе или неудовольствіе. Въ общемъ получается маленькій мірокъ, сознающій то, что произошло на наружномъ концѣ чувствительнаго нерва, сознающій то, что случилось во внѣшнемъ большемъ мірѣ. Вотъ почему ощущеніе и составляетъ первую ступень всей послѣдующей душевной дѣятельности.

Ощущение въ единственномъ числѣ никогда не воспринимается. На человѣка дѣйствуютъ одновременно очень многія силы, вслѣдствіе чего въ мозговой корѣ возбуждается одновременно безконечное количество разнообразныхъ ощущений, разнообразныхъ по роду, качеству, силѣ и тону. Всѣ эти ощущения соотвѣтственно группируются и складываются въ одну общую картину, которая служитъ копіей внѣшняго міра. Какимъ образомъ происходитъ упомянутая группировка, изложено въ слѣдующемъ пунктѣ, подъ наименованіемъ ассоціація.

IV. Ассоціація.

Ассоціація — составляетъ четвертый отдѣлъ душевной дѣятельности; отдѣлъ наиболѣе важный и наиболѣе сложный. Слово ассоціація значитъ—объединение, соединеніе въ одно цѣлое, для общей цѣли. Съ точки зрѣнія психологіи, подъ словомъ „ассоціація“ понимается *объединеніе* психическихъ актовъ, соединеніе во едино работы многихъ нервныхъ органовъ. На фигурѣ № 2 видно, что участки, вѣдающіе ассоціаціей, расположены въ мозговой корѣ совершенно отдѣльно и занимаютъ обособленное мѣсто. Эти ассоціативные центры нервной системы несвязаны *непосредственно* съ органами чувствъ, напр. съ глазомъ, ухомъ, языкомъ и проч. Зеленые центры ассоціаціи связаны только съ красными участками чувствованій. Значитъ, всѣ ощущения поступаютъ въ ассоціативные центры только изъ центровъ чувствованій; ощущения эти, какъ извѣстно, уже сознательные. Благодаря тому, что въ ассоціативные участки не могутъ попадать раздраженія непосредственно изъ внѣшняго міра, участки эти какъ бы уединены отъ излишней тревоги, а потому могутъ спокойно заниматься своей собственной работой. А работа эта слѣдующая:

На фиг. № 3 показано, что изъ чувственныхъ клѣточекъ *в*. ощущение передается въ ассоціативныя клѣточки *г*.

Сюда же стремятся ощущения изъ очень многихъ другихъ чувственныхъ точекъ, и такимъ образомъ здѣсь собирается великое множество сознательныхъ ощущений всѣхъ пяти чувствъ. Всѣ эти ощущения представляютъ сырой матеріалъ, изъ котораго затѣмъ формируются представленія о томъ, что происходитъ во внѣшнемъ мірѣ. Какимъ образомъ производится обработка матеріала, какіе при этомъ совершаются процессы, — все это составляетъ величайшую тайну. Несомнѣнно одно, что въ ассоціативныхъ клѣточкахъ совершаются процессы чисто физическіе, въ видѣ сокращеній и колебаній, а также процессы химическіе, въ видѣ обмѣна и траты мозгового вещества. На такіе процессы указываетъ образованіе новыхъ мозговыхъ извилинъ на поверхности большихъ полушарій, по мѣрѣ увеличенія дѣятельности головного мозга. Внутренняя же, такъ сказать, духовная работа, дающая намъ картину міра, — непостижима. Но что она совершается, и при томъ по опредѣленнымъ законамъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ простое *пониманіе* явленій, наблюдаемыхъ нашими глазами ежеминутно. Такимъ образомъ, не имѣя возможности проникнуть въ тайну психофизической работы, происходящей въ ассоціативныхъ клѣточкахъ, психологія, тѣмъ не менѣе, выяснила законы ассоціаціи. Такихъ законовъ три главныхъ—воспріятіе, представленіе и объединеніе представлений, а затѣмъ нѣсколько дополнительныхъ. Ниже излагаются эти законы.

А. Воспріятіе*).

Частная ассоціація.

Выше выяснено, что въ чувственныхъ областяхъ мозговой коры возбуждается одновременно огромное количество разнообразныхъ ощущений. Ощущенія эти передаются

*) Въ курсахъ психологіи воспріятіе называется перцепціей.

въ ассоціативные центры, здѣсь сортируются, объединяются и затѣмъ одухотворяются. Въ результатъ получается понимание внѣшняго міра, пониманіе того, что совершается передъ глазами человѣка.

Такая внутренняя мозговая работа, благодаря которой отдѣльныя, однородныя ощущенія соединяются и даютъ образы и картины, называется *воспріятіемъ*. Воспріять—это значитъ усвоить себѣ.

Отсюда ясно, что подъ воспріятіемъ надо понимать объединеніе или ассоціацію многихъ ощущеній, усвоеніе этихъ ощущеній, превращеніе ихъ въ сознаніе, въ образы и картины, идеалы. Воспринимать можно ощущенія изъ міра физическаго и изъ міра духовнаго. Въ виду сего, необходимо прежде всего разсмотрѣть воспріятія, такъ сказать, по отдѣламъ, разсмотрѣть каждую группу воспріятій отдѣльно, что и сдѣлано въ указанныхъ ниже 6 пунктахъ.

1) *Физическіе предметы*. Человѣкъ живетъ въ физическомъ мірѣ и окруженъ огромнымъ количествомъ разнообразныхъ предметовъ. Таковыя предметы воспринимаются нашимъ сознаніемъ прежде всего, ибо съ предметами этими человѣкъ имѣетъ дѣло съ перваго дня рожденія. Воспріятіе или познаніе предметовъ совершается такимъ образомъ.

Отъ отдѣльныхъ точекъ предмета исходятъ свѣтовые лучи, которые, попадая въ глазъ, даютъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза изображеніе всѣхъ этихъ точекъ, а въ общемъ даютъ изображеніе предмета. Сѣтчатка помѣщена въ глубинѣ глазного яблока; она состоитъ изъ огромнаго числа зрительныхъ волоконъ и нервныхъ клѣточекъ; отличается необыкновенной чувствительностью. Сѣтчатка соединена зрительными нервами съ головными зрительными узлами—зрительными буграми и четыреххолміемъ. Поэтому, полученное на сѣтчаткѣ изображеніе предмета немедленно передается въ указанные зрительные узлы; изъ этихъ послѣднихъ—въ чувствительные красные участки мозговой коры, а затѣмъ

переходятъ въ ассоціативныя, зеленыя области мозга. Здѣсь изображеніе предмета получаетъ окончательную, духовную обработку, въ томъ смыслѣ, что кромѣ размѣровъ фигуры предмета, устанавливается еще сознаніе о свойствахъ, особенностяхъ и значеніи видимаго предмета. Изслѣдованія показали, что на сѣтчаткѣ предметъ изображается въ обратномъ видѣ, а между тѣмъ, сознаніе даетъ намъ изображеніе въ его прямомъ естественномъ положеніи. Оборачиваніе изображенія происходитъ гдѣ то въ нервныхъ узлахъ или чувствительной области зрѣнія, и объясняется особой способностью зрительныхъ нервовъ. Итакъ, предметъ первоначально изображается въ глубинѣ глаза, затѣмъ изображеніе передается послѣдовательно въ зрительные узлы, чувствительные участки и, наконецъ, въ ассоціативные центры мозговой коры, гдѣ и входитъ въ наше сознаніе. Съ этого мгновенія предметъ *воспріятъ*, и мы знаемъ, какой именно предметъ мы наблюдаемъ и гдѣ этотъ предметъ находится.

Если недостаточно одного зрѣнія, чтобы выяснить всѣ свойства предмета, тогда на помощь вызываются остальные чувства, каждое по своей специальности. Осязаніе опредѣляетъ—какова поверхность и температура предмета; вкусъ и обоняніе—его химическія особенности. У слѣпыхъ осязаніе замѣняетъ зрительное воспріятіе; благодаря осязанію, слѣпые воспринимаютъ предметы хотя и въ меньшей степени, но достаточной для нѣкоторыхъ практическихъ потребностей. Нынѣ слѣпые даже читаютъ, т. е. посредствомъ осязанія воспринимаютъ буквы.

Изложенное показываетъ, что воспріятіе предметовъ происходитъ въ томъ нормальномъ порядкѣ работы нервной системѣ, какой описанъ выше, а именно: первоначально возбуждаются свѣтовой волной чувствительные концы нервовъ,—получается раздраженіе; переданное въ зрительные узлы—раздраженіе даетъ ощущеніе; переданное въ ассоціативные центры—ощущеніе обрабатывается въ духов-

номъ отношеніи, что даетъ сознание о предметахъ, пониманіе предмета. Вотъ нормальный путь воспріятія.

Воспринимая изо-дня въ день огромное число предметовъ, наша нервная система привыкаетъ не только воспринимать общій видъ отдѣльнаго предмета, но начинаетъ исполнять еще двѣ слѣдующія работы. Съ одной стороны—воспринимаются подробности предмета, а именно: его размѣры въ длину, ширину и высоту, его окраска и другія особенности. Съ другой же стороны—предметы соединяются въ одну общую картину внѣшняго міра. Созерцая, напр., участокъ мѣстности, мы воспринимаемъ отдѣльные предметы—озера, горы, деревья, строенія; воспринимаемъ размѣры, качество, свойство этихъ предметовъ; затѣмъ—воспринимаемъ общее сочетаніе этихъ предметовъ, т. е. общую картину мѣстности. Слѣдовательно, путемъ воспріятія познается внѣшній физическій міръ.

2) *Воспріятіе размѣровъ.* Сѣтчатая оболочка нашего глаза отличается неодинаковой чувствительностью во всѣхъ мѣстахъ; поэтому, зрительные нервы воспринимаютъ части предмета не съ одинаковой отчетливостью. Тѣ точки, которыя попадаютъ въ наиболѣе чувствительныя мѣста глазной сѣтчатки, на желтое пятно*)—будутъ изображаться ясно; другія же—тускло. Дабы воспріять весь предметъ съ одинаковой отчетливостью, требуется воспринимать всѣ точки предмета самыми чувствительными мѣстами сѣтчатки. Для этого необходимо глазъ переводить на разныя точки предмета. Для означенной цѣли, главному органу даны три пары особыхъ мускуловъ, благодаря которымъ глазъ можетъ двигаться вправо, влѣво, вверхъ, внизъ, а также совершать круговые повороты. Вслѣдствіе такихъ движеній глаза, всѣ части предмета постепенно подвергаются прямому, т. е. наилучшему зрѣнію. Передвиженіе глаза даетъ нашему тѣлу еще и осязательное воспріятіе, т. е. даетъ сознание, что мускулы *двигаются*, повинуюсь желанію

*) Желтое пятно на сѣтчаткѣ—мѣсто наиболѣе яснаго зрѣнія.

нервной системы отчетливо разсмотрѣть всѣ точки предмета. И вотъ это то передвиженіе глаза даетъ намъ первое понятіе, первое сознание о существованіи въ природѣ трехъ измѣреній—длины, ширины и высоты. Каждое измѣреніе требуетъ особаго движенія глаза и особой установки сѣтчатой оболочки. Поэтому три измѣренія—длина, ширина и высота получаютъ характеръ реального, дѣйствительно существующаго предмета. Дабы воспринять этотъ предметъ, не нужно углубляться въ самого себя, не нужно никакихъ размышленій, а надлежитъ только совершить физическое движеніе органомъ зрѣнія и всѣ три измѣренія будутъ восприняты такъ же, какъ и всякій физическій предметъ.

3) *Воспріятіе движенія.* Началомъ воспріятія движенія служатъ также зрительные нервы и органъ зрѣнія. Воспринимая предметъ, нервная зрительная система приспособляется къ разстоянію, на которомъ находится наблюдаемый предметъ. Такая приспособляемость выражается тѣмъ, что сѣтчатая оболочка, желая яснѣе уловить отдѣльныя точки предмета, стремится захватить разное количество свѣтовыхъ волнъ эфира; для сего, подъ воздѣйствіемъ сѣтчатки, сокращается или выпрямляется хрусталикъ глаза. Если же это *движеніе* нервной системы и органа зрѣнія окажется недостаточнымъ, тогда призываются на помощь мускулы, которые, подъ вліяніемъ той же нервной системы, переносятъ человѣка ближе къ предмету. Переменна положенія или физическаго мѣста и есть движеніе. Понятіе о движеніи относится тоже къ числу вполнѣ реальныхъ, такъ какъ оно воспринимается изъ окружающаго насъ міра непосредственно органами чувствъ и работой нашихъ мускуловъ.

4) *Воспріятіе пространства.* Каждый философъ и каждый психологъ опредѣляетъ по своему понятію о пространствѣ. Философія стремится дать такое опредѣленіе, чтобы не оставить ни одного темнаго пятнышка, и чтобы это опредѣленіе объясняло абсолютно всѣ частные вопросы о

пространствѣ. Но столь обширное стремленіе и до сихъ поръ не достигло цѣли, такъ какъ человѣкъ въ своей обыденной жизни требуетъ не тончайшихъ умозаключеній, а нѣчто болѣе реальное и осязательное. Ближе къ цѣли подходятъ психологи. Однако, стремясь связать свои опредѣленія съ опредѣленіями философскими, психологи даютъ опредѣленія тоже слишкомъ отвлеченныя. Въ результатъ получается, что наиболѣе удачныя опредѣленія являются наиболѣе трудными для запоминанія, такъ какъ часто включаютъ въ себѣ обширныя отдѣлы психологіи, многимъ совершенно незнакомыя. Очевидно, что для обыкновеннаго человѣка, такое опредѣленіе является беспочвеннымъ, а потому не удерживается въ памяти. И дѣйствительно, спросите даже очень образованнаго человѣка, что такое „пространство“, и весьма немногіе дадутъ понятный отвѣтъ. Человѣкъ, созданный изъ матеріи, хотя и необычайно тонкой и обладающей изумительной силой духа, тѣмъ не менѣе требуетъ во всемъ возможнаго реализма, почвы, фундамента. Вотъ почему воспріятіе пространства необходимо поставить въ зависимость отъ нашихъ пяти чувствъ, внося отвлеченность въ такой мѣрѣ, какая безусловно необходима для пониманія.

Что такое пространство? Пространство—это *три бесконечно большихъ измѣренія*: бесконечно большая длина, бесконечно большая ширина и бесконечно большая высота. Воспріятіе длины, ширины и высоты отнесено мною къ воспріятіямъ внѣшнихъ, физическимъ. Мы ясно представляемъ себѣ всѣ три измѣренія потому, что мы видимъ ихъ собственными глазами, осязаемъ руками. Эти конечныя измѣренія,—видимыя и осязаемыя, составляютъ именно ту матеріальную почву, на которой развивается понятіе о пространствѣ. Далѣе сего начнется уже область внутренняя, духовная. А именно, видимыя длину, ширину и высоту—надо *мысленно* продолжить до бесконечности, и передъ нашими умственными очами явится пространство, какъ нѣчто

бесконечное, корень котораго все таки находится въ нашихъ чувствахъ, въ нашей нервной системѣ. Въ свѣтлый день, глядя на синій небесный сводъ, чувствуется безграничная даль, ощущается *пространство*, хотя и бесконечное, но до котораго какъ будто достигаетъ наше зрѣніе, наше осязаніе. Поэтому пространство воспринимается тѣми же органами чувствъ,—зрѣніемъ и осязаніемъ, какими воспринимаются всѣ три измѣренія; къ этимъ воспріятіямъ прибавляется особая духовная ассоціативная обработка въ мозговой корѣ. Сущность этой обработки заключается въ томъ, что всѣ три измѣренія мы продолжаемъ до бесконечности, въ область отвлеченную.

Въ обыденной жизни мы не можемъ представить себѣ предметовъ и явленій внѣ пространства. Практическое значеніе пространства мы испытываемъ и видимъ только на землѣ, на которой три измѣренія воспринимаются непосредственно. Поэтому опредѣленіе пространства на землѣ—для насъ совершенно понятно, ибо понятіе это основано на совершенно реальномъ фундаментѣ. Понятіе о пространствѣ, въ коемъ совершаются движенія небесныхъ свѣтилъ, менѣе доступно и не столь ясно, а потому и явленія, происходящія въ этомъ пространствѣ, всегда имѣли смыслъ таинственной силы. Далѣе, за предѣлами видимыхъ свѣтилъ,—начинается пространство, олицетворяющее бесконечность и недоступное воспріятію непосредственно органами чувствъ,—но вполне доступное душѣ человѣка.

Земля и небесныя свѣтила какъ бы прерываютъ пространство. Эти разрывы называются *растояніемъ*. Однако, растоянія нисколько не измѣняютъ указанной выше сущности самаго пространства.

5) *Воспріятіе времени*. По вопросу, что такое „время“, философы и психологи даютъ столь же разнообразныя опредѣленія, какъ и по вопросу о пространствѣ. Но безъ яснаго отвѣта, что такое время, невозможно понять, какъ оно воспринимается. Очевидно, понятіе о времени скла-

дывается тоже на основаніи какихъ то внѣшнихъ ощущеній. Такими ощущеніями служить, во первыхъ, длина или разстояніе, которое человекъ проходитъ, на что требуется *время*, а во вторыхъ—само движеніе, опредѣляющее части пройденнаго разстоянія, что даетъ понятіе о дѣленіи времени. Объединеніе этихъ двухъ понятій—разстояніе и движеніе, даетъ намъ отвѣтъ на вопросъ, что такое время. Отвѣтъ этотъ слѣдующій: время—это *безконечно большая длина*, которая дѣлится на части движеніемъ солнца и земли.

Что данное опредѣленіе отвѣчаетъ дѣйствительности, видно изъ такихъ сопоставленій. Длину, которая уподобляется *время*, можно замѣнить словомъ „продолжительность“, что ближе подходитъ подъ понятіе о времени, но въ то же время исходитъ изъ понятія о длинѣ. Затѣмъ, части времени тоже измѣряются длиной, что особенно наглядно видно на обыкновенныхъ часахъ. На циферблатѣ понятіе о времени выражено длиной окружности и движеніемъ стрѣлки. Такая комбинація находится въ полномъ согласіи съ природой.

Длина и движеніе воспринимаются непосредственно; поэтому, чтобы воспріять время,—нужно длину и движеніе мысленно продолжить до безконечности. Итакъ, безконечно большая длина или продолжительность, и дѣленіе таковой на части стихійными силами—составляютъ время, которое воспринимается на общемъ основаніи.

б) Ложныя воспріятія—*иллюзія* и *галлюцинація*. Слово иллюзія означаетъ—самообманъ, игра воображенія. Причиной такого самообмана служатъ неопредѣленные, неясныя раздраженія и ощущенія. Если нервная система слишкомъ раздражена, или обратно—слишкомъ утомлена, то нервы не могутъ нормально работать, и тогда получается раздраженіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности. Утомленный безсонницей глазъ не различаетъ, сколько именно человекъ находится въ отдаленіи, и получается ощущеніе, что впереди „видимо не видимо народа“, выраженіе столь

обычное на войнѣ. При повышенной дѣятельности нервовъ легкой стукъ превращается въ раскатъ грома и т. п. Бываетъ, что иллюзіи создаются искусственно—человекъ жалеетъ видѣть и слышать именно то, что онъ предпрѣшилъ. Въ этомъ случаѣ нормальныя раздраженія и ощущенія измѣняются уже въ мозговой корѣ, подъ воздѣйствіемъ воли. Такимъ образомъ, иллюзія является вслѣдствіе ненормальнаго внѣшняго воспріятія, уставшими или слишкомъ возбужденными нервами.

Галлюцинація означаетъ—обманъ чувствъ, бредъ. Галлюцинація выражается въ томъ, что человекъ видитъ и слышитъ то, чего въ дѣйствительности не существуетъ. Подобное явленіе получается при слишкомъ большомъ раздраженіи клѣтокъ мозговой коры. Такое раздраженіе даетъ обманъ зрѣнія и слуха, рѣже—осязанія, обонянія и вкуса.

Итакъ, воспріятіе слагается изъ двухъ частей: материальной,—состоящей въ томъ, что нервы, получивши *физическое* внѣшнее раздраженіе, передаютъ его въ мозгъ; и *духовной*,—состоящей въ томъ, что полученное изъ внѣшняго міра раздраженіе подвергается духовной обработкѣ въ мозговой корѣ, благодаря чему человекъ сознаетъ, что именно онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ и т. д. Безъ внѣшняго толчка, безъ надлежащаго раздраженія воспріятіе невозможно. Воспринимая предметъ, т. е. глядя на него и созерцая всѣ его особенности, мы сознаемъ, что предметъ дѣйствительно существуетъ и такое созерцаніе даетъ яркость и силу воспріятію. Но когда предметъ исчезнетъ—прекращается внѣшнее раздраженіе, а слѣдовательно прекращается и воспріятіе предмета. При такихъ условіяхъ, казалось бы, что видъ и образъ предмета долженъ затеряться въ нашемъ сознаніи и исчезнуть изъ головы человека такъ же, какъ онъ исчезъ въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Воспринятый образъ не исчезаетъ безслѣдно, а остается въ памяти, каковое явленіе рассмотрѣно въ слѣдующемъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ „представленіе“.

Б. Представленіе.

Всѣ указанные виды душевной дѣятельности—раздраженіе, рефлексъ, ощущеніе и воспріятіе оставляютъ на нервной системѣ слѣды двоякаго рода. Во первыхъ, въ нервныхъ клѣточкахъ остается нѣкоторая частица полученнаго раздраженія, вслѣдствіе чего клѣточки сохраняютъ слѣды раздраженія и частицу собственной энергіи; во вторыхъ, раздраженіе, пройдя отъ внѣшнихъ концовъ нерва до отдѣльныхъ клѣточекъ головного мозга, прокладываетъ своего рода нервный путь, движеніе по которому слѣдующихъ однородныхъ раздраженій происходитъ уже значительно легче и, вѣроятно, скорѣе, чѣмъ первый разъ. Поэтому замѣчено, что полученное, напр., сегодня впечатлѣніе—можетъ остаться неяснымъ и непонятнымъ; но повторенное на другой день—впечатлѣніе становится болѣе отчетливымъ. Очевидно, всѣ ощущенія свободнѣе проходятъ по торной дорожкѣ, крѣпче вѣдряются въ мозговья клѣточки и сильнѣе воспринимаются. Благодаря означенному физико-химическому процессу, каждое воспріятіе остается въ мозговой корѣ въ видѣ слабой копіи воспріятого предмета. Если при такихъ условіяхъ мозговья клѣточки будутъ возбуждены, долго спустя послѣ того, какъ мы видѣли предметъ, то клѣточки отразятъ хранящуюся въ нихъ копію и вновь „представятъ“ предметъ въ нашемъ сознаніи. Такая копія воспріятія называется *представленіемъ*. Человѣкъ сохраняетъ въ мозговой корѣ представленія рѣшительно всего, что даютъ пять чувствъ, и особенно все то, что доставляется въ головной мозгъ зрительными и слуховыми нервами.

Если сравнить „воспріятіе“ и „представленіе“, то нетрудно убѣдиться, что первое—оригиналь; второе—копія, со всѣми особенностями таковой. Представленія не такъ ясны, не такъ жизненны, не такъ полны, какъ воспріятіе; въ общемъ, гораздо блѣднѣе своего оригинала, какъ и полагается каждой копіи. Пушечный выстрѣлъ дѣйствитель-

ный, воспріятый ухомъ, и пушечный выстрѣлъ, представленный въ нашемъ сознаніи, производятъ два совершенно различныхъ впечатлѣнія. Но зато представленія обладаютъ однимъ колоссальнымъ преимуществомъ, а именно: ихъ можно получать во всякое время, стоитъ только возбудить дѣятельность мозговыхъ клѣточекъ. Такъ, напр., чтобы *воспріять* „дерево“, необходимо подойти къ нему и рассмотреть непосредственно; но чтобы *представить* себѣ дерево, для этого не нужно идти въ лѣсъ, а надлежитъ только возбудить нѣкоторое душевное движеніе, и копія дерева предстанетъ въ нашемъ сознаніи немедленно, безъ всякаго хожденія и траты времени. Возможность вызывать представленія какія угодно, во всякое время и въ какомъ угодно количествѣ—составляетъ основу духовной дѣятельности. Изъ представленийъ слагаются картины внѣшняго и внутренняго міра; изъ представленийъ вытекаетъ опытъ; художественныя творенія; представленія даютъ матеріаль для размышленийъ и полученія всевозможныхъ знаній. Въ общемъ, представленія имѣютъ огромное значеніе въ духовно-нравственномъ и практическомъ отношеніи. И весь этотъ колоссальный и богатый матеріаль всегда находится въ полномъ распоряженіи человѣка.

Съ точки зрѣнія психологіи, представленія имѣютъ характеръ исключительно *духовной*, безъ всякаго вліянія внѣшнихъ раздраженій. Такая исключительно духовная природа представленийъ объясняется тѣмъ, повторяю, что для полученія представленія достаточно возбудить дѣятельность внутреннихъ мозговыхъ клѣточекъ, безъ всякаго участія внѣшняго міра. Отсюда ясно, что представленіе является болѣе высокой степенью душевной дѣятельности, чѣмъ воспріятіе, которое все таки нуждается въ физическомъ раздраженіи.

Главнѣйшія группы представленийъ слѣдующія:

а) *Представленіе вещественныхъ предметовъ*. Выше выяснено, какимъ образомъ воспринимаются физическіе пред-

меты; выяснено также, что воспріятіе оставляетъ копи въ мозговыхъ центрахъ. Слѣдовательно, представленія предметовъ вызываются очень легко, прямымъ путемъ, ибо копи этихъ предметовъ имѣется въ готовности въ мозговой корѣ. И дѣйствительно, изъ повседневнаго опыта извѣстно, что вспоминать видимое во время путешествія, или слышанное когда либо, напр., въ концертѣ, очень легко. Представленія видѣннаго и слышаннаго вызываются, правильнѣе—вспоминаются легко и скоро, безъ особыхъ усилій головного мозга, за рѣдкими исключеніями.

б) *Представленіе безплотныхъ лицъ и образовъ.* Религіозныя вѣрованія, народное суевѣріе и явленія стихійной жизни заставили человѣка населить Вселенную безплотными лицами и существами. Такіе плоды воображенія и фантазіи имѣютъ огромное психическое значеніе, такъ какъ въ значительной степени вліяютъ на правовыя отношенія, нравы и обычаи людей. Всѣ безплотныя существа дѣлятся на добрыхъ или свѣтлыхъ и злыхъ или темныхъ. Безплотныя существа обѣихъ категорій представляются по образцу соответственныхъ воспріятій. Такъ, напр., злой духъ представляется въ образѣ уродливаго человѣка, съ добавленіемъ частей животнаго; домовой, водяной и др.—представляются въ видѣ старцевъ, и т. п. Представленія о безплотныхъ существахъ создаются двумя путями: наружный обликъ создается на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ дѣйствительной жизни; духовныя особенности—хорошія или злыя, прибавляются умозрительно, на основаніи понятія о добрѣ и злѣ. Напр., Баба-яга представляется въ видѣ злой, безобразной старухи, сидящей и летающей на метлѣ. Не трудно замѣтить, что всѣ слагаемая этого представленія взяты по частямъ изъ разныхъ областей, соединены въ одно цѣлое и, благодаря такой ассоціаціи, получилось представленіе о безплотномъ существѣ.

в) *Представленіе отвлеченныхъ понятій,* т. е. понятій, безъ вещественнаго образа. Къ числу такихъ понятій отно-

сится напр. радость, гордость, добродѣтель, гнѣвъ, обида и проч. Всѣ такія понятія выражаютъ опредѣленное душевное состояніе и, кромѣ того, проявляются внѣшними дѣйствіями, въ очень разнообразной формѣ. Представленія означенныхъ понятій получаютъ слѣдующимъ образомъ. Лишь только человѣкъ сосредоточитъ свое вниманіе на данномъ понятіи, напр., желая выяснить,—что такое радость, немедленно нѣкоторыя мозговыя клѣточки приходятъ въ движеніе, раздраженіе клѣточки даетъ опредѣленное ощущеніе, которое немедленно передается въ ассоціативный центръ. Здѣсь къ полученнымъ ощущеніямъ присоединяются еще ощущенія, которыя испытывалъ самъ наблюдатель, находясь въ состояніи радости, а также ощущенія, полученные при видѣ внѣшнихъ проявленій радости. Въ общемъ, изъ матеріала, полученнаго изъ трехъ указанныхъ источниковъ, формируется по законамъ ассоціацій данное отвлеченное понятіе.

Дополнительные законы душевной дѣятельности.

Выше выяснено, какъ получается каждое отдѣльное представленіе. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса, какимъ образомъ объединяются многія представленія въ одно общее познаніе міра, необходимо изложить нѣкоторые дополнительные законы душевной дѣятельности. Эти законы облегчаютъ пониманіе наиболѣе главнаго отдѣла психологіи, а именно—объединеніе или ассоціація представлений. Законы слѣдующіе.

1) *Память.*—Памятью называется духовная способность головного мозга сохранять и вновь испытывать ощущенія, воспріятыя пятью чувствами человѣка. Выражаясь иначе, память—это знаніе и переживаніе прошедшаго. Основаніемъ памяти служатъ слѣды, которые остаются въ мозговой корѣ послѣ cadaго ощущенія. Эти же слѣды служатъ фундаментомъ для представлений, какъ изложено выше. Но дѣло

въ томъ, что представленіе—это образъ, который появляется въ нашемъ сознаниі, благодаря этимъ слѣдамъ, а память—это та духовная способность, духовная сила, которая одухотворяетъ эти матеріальные слѣды и *строитъ* изъ этихъ слѣдовъ представленіе. Значитъ, представленіе—это образъ; а память—это духовная сила, создающая этотъ образъ. Благодаря памяти, человѣкъ вспоминаетъ то, что онъ видѣлъ или слышалъ, и что оставило слѣды въ мозговой корѣ. У разныхъ людей мозгъ человѣка обладаетъ неоднаковой воспримчивостью. Такъ, напр., у нѣкоторыхъ субъектовъ настолько воспримчивы органы зрѣнія, что въ глазахъ долго сохраняется видѣнный предметъ и этотъ послѣдній можетъ быть даже переснятъ на фотографическую пластинку. Вѣроятно, такіе же слѣды, неодинаковые по силѣ, остаются и въ мозговой корѣ человѣка. Чѣмъ мозгъ воспримчивѣе и дольше сохраняетъ слѣды, тѣмъ память лучше и сильнѣе. Такъ какъ укрѣпить слѣды можно повтореніемъ ощущенія, то, слѣдовательно, укрѣпить память можно упражненіями. Специальная упражненія развиваютъ и специальную память, напр. на цифры, названія, лица, и проч.

2) *Воображеніе и фантазія*—это такія духовныя силы, которыя даютъ возможность представить себѣ то, чего человѣкъ не ощущалъ непосредственно. Разница двухъ этихъ силъ заключается въ слѣдующемъ. Воображеніе—работаетъ въ области познаній, въ области дѣйствительной жизни; фантазія—въ области отвлеченной, въ области чувствъ. Поэтому, воображеніе даетъ практическіе результаты, которыми человѣкъ можетъ воспользоваться для увеличенія своихъ познаній или для улучшенія своего благосостоянія; фантазія—даетъ художественныя произведенія, даетъ идеалы и образы, несуществующіе на землѣ.

Такъ, напр., въ области знаній, силою воображенія человѣкъ можетъ представить себѣ предметы, явленія и событія, которыхъ онъ не могъ и не можетъ лично наблю-

дать. Читая описаніе боя въ древнее время, мы легко представляемъ себѣ всю картину этого боя, хотя форма и приемы его были совершенно иные, чѣмъ въ нашу эпоху, а потому не могли быть восприняты непосредственно, даже наблюдая современный бой. Читая описаніе заморскихъ странъ или жизнь допотопныхъ звѣрей,—силою воображенія человѣкъ представляетъ себѣ и эти страны, и допотопныхъ звѣрей.

Въ области практической, Джемсъ Уаттъ, наблюдая дрожаніе крышки чайника отъ паровъ кипящей воды,—силою воображенія создалъ паровую машину, столь рѣшительно измѣнившую экономическій укладъ всего земного шара. Воображеніе соединяетъ идею съ матеріей въ области реальной. Если воображеніе начинаетъ удаляться отъ реальной почвы и начинаетъ создавать нѣчто неосуществимое, то оно перерождается въ фантазію.

Безплотныя лица и существа, а также отвлеченныя понятія и чувства не имѣютъ, какъ извѣстно, вещественнаго образа, не имѣютъ физическаго вида. Но человѣкъ, созданный изъ матеріи, живущій въ ограниченномъ пространствѣ и времени, невольно стремится выразить свои представленія въ матеріальной формѣ. Понятіе о справедливости, чувство радости—лучше постигаются нашимъ сознаниемъ путемъ зрительнаго ощущенія, наблюдая соответственныя фигуры, олицетворяющія понятія и чувства, чѣмъ путемъ размысленій. Вотъ почему, человѣкъ всегда стремится воплотить свои вѣрованія, свои отвлеченныя понятія и чувства. Осуществить означенную душевную потребность человѣкъ можетъ только силою фантазіи; только фантазія можетъ соединить идею съ матеріей, въ области отвлеченной. Такое соединеніе составляетъ художественное творчество. Отсюда ясно, что фантазія создаетъ колоссальный эстетическій міръ, отвѣчающій высокимъ духовнымъ запросамъ, ведущій человѣка къ духовному совершенствованію. Конечно, фантазія имѣетъ свои достоинства, и свои

недостатки. Переходя за предѣлы эстетики, т. е. за предѣлы красоты и правды, фантазія можетъ создавать такія представленія, которыя дадутъ отрицательные результаты въ духовной области. Это уже болѣзненное состояніе фантазіи.

Въ общемъ, воображеніе и фантазія составляютъ огромную творческую силу. Сила эта имѣетъ колоссальное значеніе въ духовной дѣятельности человѣка, — улучшая его душу, увеличивая познанія и содѣйствуя достиженію практической цѣли.

3) *Мышленіе* — это духовная дѣятельность мозга, съ цѣлью познать вещи и отношенія между ними. Такимъ образомъ, мышленіе составляетъ не силу, а нѣкій процессъ, совершающійся въ нервныхъ центрахъ головного мозга, главнымъ образомъ въ мозговой корѣ. Мышленіе, какъ и всякая дѣятельность, требуетъ матеріала для своей работы. Такимъ матеріаломъ служатъ изложенныя выше воспріятія и представленія. Мышленіе первоначально открываетъ въ двухъ указанныхъ данныхъ основные признаки каждаго изъ нихъ, а затѣмъ, путемъ сравненія и объединенія, — доходитъ до опредѣленныхъ выводовъ и заключеній. Имѣя, напр., представленіе ружья и пулемета, мышленіе, послѣ нѣкотораго, указаннаго выше процесса, создаетъ ясное понятіе объ этихъ предметахъ и даетъ умозаключеніе о нихъ.

Первоначально мышленіе было направлено на добываніе средствъ жизни и личной безопасности. Но, выясняя сущность необходимыхъ для сего предметовъ и сопоставляя таковыя, мышленіе установило основныя положенія по спеціальнымъ отраслямъ; въ результатъ были созданы науки. Размышленіе объ измѣреніи земельныхъ участковъ для обработки полей — создало геометрію; мышленіе о личной и общественной безопасности — создало военное искусство; мышленіе объ оборотахъ предметовъ въ интересахъ торговли — создало ариѐметику; мышленіе о движеніи небесныхъ тѣлъ — создало астрономію и т. д. Съ теченіемъ вре-

мени мышленіе совершенствовалось и въ настоящее время достигло очень высокой степени развитія, проникая въ такія области, которыя еще недавно казались запретными и таинственными. Для развитія мышленія требуется два условія: постоянно пріобрѣтать достаточныя познанія, какъ матеріаль для мышленія, и силою воли — заставлять свой мозгъ работать въ опредѣленномъ направленіи.

Итакъ, *воспріятія и представленія* — составляютъ сырой матеріаль, который собирается головнымъ мозгомъ въ огромномъ количествѣ, благодаря нервной системѣ, находящимся въ постоянномъ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ. *Память, воображеніе, фантазія и мышленіе* — составляютъ главнѣйшія средства духовной обработки собраннаго матеріала. Какимъ образомъ объединяется этотъ матеріаль — изложено въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

В. Объединеніе представленій.

Общая ассоціація.

Выше указано, что простѣйшія формы душевной дѣятельности объединяются: раздраженія — въ ощущенія, эти послѣднія въ воспріятіе; въ настоящемъ отдѣлѣ будетъ разсмотрѣно объединеніе или ассоціація представленій.

Отдѣльныя представленія предметовъ, безплотныхъ существъ и отвлеченныхъ понятій составляютъ тотъ сырой матеріаль, изъ котораго возникаютъ всѣ виды душевной дѣятельности. Разнообразныя и многочисленныя представленія служатъ для познанія міра въ разныхъ отношеніяхъ. Но для сего требуется представленія объединять а затѣмъ уже черпать изъ этого объединенія всевозможныя познанія. Объединеніе или ассоціація производится по нѣсколькимъ законамъ, сущность коихъ изложена ниже.

Для ясности картины всей мозговой работы, первоначально необходимо указать, какіе *физико-химическіе* про-

цессы совершаются въ томъ мѣстѣ мозговой коры, гдѣ происходитъ объединеніе представленій; затѣмъ надлежитъ описать—какая *духовная работа* совершается въ мѣстахъ объединенія, и наконецъ—указать подмѣченные *законы ассоціаціи* или объединенія представленій въ одно цѣлое познаніе внѣшняго міра.

Въ физико-химическомъ отношеніи, наблюдается слѣдующее.

Выше выяснено, что мозговая кора состоитъ изъ особыхъ клѣточекъ, которыя называются нейронами. Работоспособность ума всецѣло зависитъ отъ дѣятельности нейроновъ. Чѣмъ болѣе и совершеннѣе развиты нейроны, тѣмъ продуктивнѣе работаетъ умъ человѣка.

На физико-химическую дѣятельность нейроновъ имѣютъ вліяніе пять указанныхъ ниже возбудителей. Во первыхъ—движеніе крови, которая даетъ мозговымъ клѣточкамъ горючій матеріалъ и уноситъ все перегорѣвшее, ненужное; количество крови—приливы къ головѣ и отливы, химическій составъ крови, а также всякія колебанія въ движеніи крови—все это усиливаетъ или замедляетъ работу нейроновъ. Во вторыхъ—вмѣстѣ съ кровью, приносятся въ человѣческой мозгъ всевозможные соки, выработанные железами и внутренними органами. Хотя значеніе и вліяніе этихъ соковъ не вполне еще изслѣдовано, но что они имѣютъ огромное значеніе—не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстно только, что нечистые соки въ значительной степени понижаютъ свѣжесть ума и чувствъ. Въ третьихъ—свободное вдыханіе чистаго воздуха облегчаетъ нашу мысль; если же вдыхается испорченный воздухъ, напр., во время работы въ запертой комнатѣ, то работа мозговой коры значительно понижается. Чистый воздухъ очищаетъ кровь, которая несется въ головной мозгъ обновленной и въ свою очередь очищаетъ мозговья клѣточки. Воздухъ испорченный оставляетъ въ крови яды, которые притупляютъ мозгъ. Отсюда видно огромное значеніе работы на свѣжемъ воз-

духъ и значеніе дыхательной гимнастики, какъ средства регулировать и повышать умственную дѣятельность человека. Въ четвертыхъ, нейроны возбуждаются внѣшними раздраженіями, а именно—колебаніями воздуха и эфира, прикосновеніемъ къ кожѣ и проч., что заставляетъ работать зрительные, слуховые и всѣ прочіе нервы, передающіе свое раздраженіе въ головной мозгъ. Различная сила внѣшняго возбужденія даетъ неодинаковую работу нейроновъ. Иногда возбужденіе настолько слабое, что проходитъ почти незамѣтно; иногда же силою своей не только вызываетъ усиленную работу мозговыхъ клѣточекъ, но причиняетъ даже боль. Наконецъ, въ пятыхъ—нейроны могутъ возбуждаться самопроизвольно и безъ внѣшнихъ впечатлѣній. Выше выяснено, что каждое ощущеніе оставляетъ въ нервной системѣ слѣды, которые особенно велики именно въ мозговой корѣ, въ частности—въ нейронахъ. Слѣды эти, въ видѣ движенія клѣточекъ, имѣютъ способность давать толчекъ нейронамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе начинаютъ работать, начинаютъ *вспоминать*, что было раньше.

Конечно, всѣ пять возбудителей дѣйствуютъ одновременно и постоянно; ни одинъ изъ нихъ не работаетъ обособленно. Однако, въ каждомъ частномъ случаѣ, преимущественное вліяніе оказываетъ какой нибудь одинъ изъ возбудителей, въ зависимости отъ котораго видоизмѣняются физико-химическіе процессы въ мозговой корѣ.

Такимъ образомъ, въ тѣхъ участкахъ мозговой коры, гдѣ главнымъ образомъ совершается *духовная дѣятельность*, происходитъ физико-химическая работа необыкновенно сложная и неуловимая. Какимъ образомъ означенные процессы переходятъ въ сознательную жизнь, въ душевную дѣятельность—это составляетъ тайну, разгадать которую пока нѣтъ возможности.

Умственное развитіе человѣка всецѣло зависитъ отъ развитія ассоціативныхъ центровъ. Сущность этого разви-

тія заключається въ томъ, чтобы центры сдѣлать болѣе чуткими, болѣе воспримчивыми, способными долго сохранять впечатлѣнія и таковыя объединять, обрабатывать въ желаемомъ направленіи. Совершенствованіе ассоціативныхъ областей производится путемъ систематическаго чтенія, наблюденій и размышленій.

Въ физическомъ отношеніи, развитіе умственныхъ способностей проявляется въ слѣдующихъ формахъ. У талантливыхъ людей мозгъ больше, тяжелѣе, чѣмъ у людей обыкновенныхъ. Громадное число мозговыхъ извилинъ указываетъ, что мозгъ способенъ обрабатывать огромное количество впечатлѣній. Развитіе извилинъ важнѣе вѣса мозга, такъ какъ замѣчено, что необыкновенно развитыя извилины съ избыткомъ восполняютъ вѣсъ мозга. Наконецъ, каждая мозговая клѣточка или нейронъ имѣетъ нѣсколько отростковъ. Чѣмъ этихъ отростковъ больше, тѣмъ ассоціативные центры способны къ болѣе продуктивной и скорой работѣ.

Исслѣдованіе мозга и наблюденія показали, что внутреннее вниманіе, размышленіе совершается въ переднемъ, лобномъ ассоціативномъ центрѣ, находящемся непосредственно за лбомъ, см. фиг. № 2. Внѣшнее вниманіе, т. е. мысли, возбуждаемыя внѣшними впечатлѣніями, являются въ большемъ ассоціативномъ центрѣ, прилегающемъ къ темени.

Въ духовномъ отношеніи, основное положеніе слѣдующее: въ нашемъ сознаніи представленія и образы создаются двоякимъ путемъ — путемъ непосредственнаго воспріятія нервами того, что дѣлается во внѣшнемъ мірѣ; иначе говоря того, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ и проч.; или же благодаря тому, что мозговья клѣточки, нейроны начинаютъ работать самопроизвольно, безъ внѣшняго возбужденія, подъ вліяніемъ указаннаго выше пятаго возбудителя. Въ психологіи первый путь называется *воспріятіемъ*, что объяснено на стр. 81; второй же путь, когда нейроны вспоминаютъ прошлое и начинаютъ работать самопроизвольно, называется *репродукціей* или воспроизведеніемъ того, что было раньше.

Вообще говоря, мозгъ человѣка работаетъ постоянно, безостановочно; поэтому человѣкъ постоянно о чемъ нибудь мыслить, что либо наблюдаетъ, слушаетъ и проч. Большую частью, при обыкновенныхъ условіяхъ, мысль является сама собой, часто перескакиваетъ съ одного предмета на другой, не даетъ опредѣленныхъ рѣшеній, блуждаетъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ.

Но когда человѣкъ сосредоточенно думаетъ о чемъ либо одномъ, то духовная дѣятельность видоизмѣняется, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ области ассоціации—зеленые участки фиг. № 2. Въ это время работа въ чувственныхъ областяхъ—красные участки той же фигуры, замедляются, а иногда и вовсе прекращаются. Вотъ почему, погруженный въ глубокую думу человѣкъ плохо видитъ, плохо слышитъ, вообще не испытываетъ внѣшнихъ впечатлѣній и не замѣчаетъ,—что вокругъ него дѣлается. Эта высшая степень сосредоточенной работы мозга, повторяю,—происходитъ исключительно въ ассоціативныхъ, объединяющихъ областяхъ. Сознаніе наше идетъ навстрѣчу такой потребности мозговой коры и наблюденія показали, что если человѣкъ желаетъ сосредоточить свои мысли, то онъ закрываетъ глаза, стораается ничего не слышать, уединяется. Очевидно, человѣкъ искусственно останавливаетъ работу чувственныхъ центровъ, дабы больше собрать силы для работы въ центрахъ высшихъ, въ центрахъ мысли, ассоціации. Психологи признаютъ, что опущенный или устремленный въ пространство взоръ служитъ наиболѣе вѣрнымъ показателемъ раздумья, глубокой думы.

Изложенное показываетъ, что въ мозговой корѣ наблюдается два положенія: первое называется *внѣшнимъ вниманіемъ*, когда человѣкъ стремится больше видѣть, больше слышать; въ общемъ воспринимаетъ возможно больше внѣшнихъ впечатлѣній, для чего усиливается работа чувственныхъ центровъ и слабо работаютъ ассоціативные центры. Второе положеніе называется *внутреннимъ вниманіемъ*,

когда человек избегает внешних впечатлений, а всецело отдается внутренней, умозрительной работе; в этом случае слабо действуют чувственные центры и очень сильно — ассоциативные.

Если сравнить два этих положения с физико-химическими процессами, то не трудно понять зависимость между ними. Если мозговая кора, вернее, мозговая клетка — нейроны работают под воздействием внешних ощущений — света, звука, осязания... то получается внешнее внимание; человек обращает больше внимания на то, что делается во внешнем мире. Если же нейроны работают самопроизвольно, под воздействием старых впечатлений, то получается внутреннее внимание; человек обращает больше внимания на то, что делается во внутреннем, духовном мире; работает умозрительно.

В отношении ассоциаций или объединения замечается следующее.

Лишь только в ассоциативную область, — зеленая поля, перейдет внешнее впечатление или будет возбуждена внутренняя, самопроизвольная работа нейронов, немедленно поднимается общая тревога: навстречу вновь явившемуся впечатлению бегут старые представления, которые тянут за собой еще более устаревшие. Сейчас же ум, чувство, воля и совесть начинают сортировать, оценивать и одухотворяют полученное впечатление и воскресие, казались, давно забытые образы. Конечно, указанные выше четыре стороны души человека — ум, чувство, воля и совесть работают хотя одновременно и нераздельно, но не в одинаковой степени; у одного — преобладает ум, у другого — чувство, и проч.

Вот это то обстоятельство, что старое представление поднимается навстречу новому, и тянет за собою еще более устаревшие, — эта связь между представлениями и составляет сущность законов ассоциации; рассмотрение этих законов сводится к рассмотрению указанной связи. Та-

ким образом, дабы изучить законы ассоциации, законы объединения представлений, нужно выяснить, — на какой именно почве разные представления соединяются в нашем сознании.

Почва эта следующая:

1) Связь или ассоциация представлений *по месту*. В действительной жизни видимые предметы расположены группами, в известном сочетании. Так, напр., наблюдая расположение на позиции батареи, — мы видим орудия, недалеко от них передки, далее видим лошадей, зарядные ящики. Все эти предметы воспринимаются одновременно, в таком именно порядке, в каком они расположены *на местности*. Когда затем батарея уйдет с позиции, то в нашем сознании останутся о ней воспоминания, в виде представлений.

Очевидно, что эти последние будут расположены в мозговой коре в таком же порядке, в каком мы наблюдали предметы в действительной жизни. Поэтому, если долго спустя после наблюдений почему либо воскреснет в нашем сознании представление, напр., орудия, то немедленно же мы вспомним передки, лошадей, зарядные ящики, словом, вспомним все то, что мы видели на местности в виде одной группы. Воспоминание об одном предмете из этой группы сейчас же вызывает воспоминание о сродных предметах, находившихся поблизости. Такая преимущественная связь представлений называется законом ассоциаций по месту, так как в данном случае общим фундаментом для многих предметов служит местность.

Случайная, напр., встреча в пустынном месте собаки немедленно вызывает представление о человеке и жилище, так как мы привыкли видеть в действительной жизни человека, жилище и собаку вместе, на одном участке. Услышанный во время метели ночью звонок колокола сейчас же вызывает представление о церкви, селе-

ни, дорогѣ,—ибо всѣ эти предметы мы привыкли видѣть вмѣстѣ, а потому и представленія о нихъ сохранились въ мозговой корѣ въ той же группѣ.

2) Ассоціація *по времени*. Явленія дѣйствительной жизни происходятъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ такомъ же порядкѣ запечатлѣваются представленія объ этихъ явленіяхъ. Поэтому, если вспомнить, увидѣть или услышать одно явленіе, то слѣдомъ за нимъ появляется другое, связанное съ первымъ хронологически, временемъ. Такъ, напр., наблюдая стрѣльбу издали, мы видимъ, что вслѣдъ за вспышкой огня—виденъ дымъ и слышится характерный звукъ. Поэтому, когда въ нашемъ сознаніи возникаетъ одно изъ этихъ представленій, напр., звукъ отъ выстрѣла, то немедленно воскресаютъ и другія сродныя представленія—огонь и дымокъ. Наблюдая, напр., игру оркестра, мы видимъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ явленій,—шумныя приготовленія музыкантовъ, появленіе капельмейстера, стукъ его палочки, весьма непродолжительная тишина, взмахъ руки и стройные звуки. Если случайно мы встрѣтимъ капельмейстера одного на улицѣ, то въ нашемъ сознаніи явится картина, наблюдаемая въ дѣйствительности. Созерцая грозу, мы видимъ характерный свѣтъ, а вслѣдъ за симъ — шумъ. Поэтому, вспоминая грозу въ ясный день, мы представляемъ себѣ молнію и громъ. Очевидно, одно явленіе тянетъ за собою другое, связанное съ нимъ хронологически, временемъ.

3) Ассоціація *по зависимости*. Каждому предмету и каждому явленію присущи свои качества и свойства. Такъ какъ связь эта въ дѣйствительности постоянна, то въ нашемъ сознаніи предметъ и его особенности воспринимаются одновременно, неразрывно. Поэтому, вспоминая предметъ, мы сейчасъ же вызываемъ представленіе о его неизмѣнныхъ качествахъ. Такъ, напр., увидя лимонъ, мы непременно представимъ себѣ кислыя вкусовыя ощущенія, гримасу, которая появляется на лицѣ человѣка, кушающаго лимонъ,

и проч. Вспоминая, напр., великаго человѣка, мы невольно вспоминаемъ его манеры, приемы, образныя выраженія и проч. Связь представленій, основанная на томъ, что данному предмету или явленію принадлежатъ неизмѣнныя особенности, составляетъ законъ ассоціаціи по зависимости.

4) Ассоціація *по сходству*. Очень многіе предметы и явленія похожи другъ на друга своимъ видомъ, цвѣтомъ, качествомъ. Такое сходство связываетъ представленія иногда совсѣмъ различныя по существу. Такъ, напр., наблюдая небольшое парусное судно въ морѣ, вспоминается бѣлый мотылекъ. Вспоминая Суворова — мы невольно вызываемъ образъ Наполеона, Ганнибала и другихъ великихъ полководцевъ, связанныхъ понятіемъ о гениі. Рисуя въ своемъ воображеніи атаку деревни—возникаетъ представленіе объ атакѣ укрѣпленія. Такимъ образомъ, одна сходная примѣта вызываетъ представленіе такихъ лицъ, образовъ и явленій, которыя обладаютъ похожей примѣтой, такой же особенностью. Подобная связь составляетъ законъ ассоціаціи по сходству. Этотъ законъ наиболѣе часто примѣняется въ области художественнаго творчества, для большей выразительности и образности данной идеи или сюжета. Напр., сраженіе уподобляется аду, по сходству явленій; мысль представляется въ видѣ крылатаго существа—по сходству быстроты движенія.

5) Ассоціація *по контрасту*. Очень многіе предметы и явленія представляютъ крайности, въ опредѣленномъ направленіи. Напр., колоссальный домъ и лачуга; тепло и холодъ; злоба и доброта. Человѣкъ такъ созданъ, что онъ невольно стремится къ равновѣсію, на себѣ самомъ испытывая плохія послѣдствія, если равновѣсіе въ чемъ либо нарушено. Вѣроятно поэтому, представляя себѣ крайность, невольно вызывается представленіе прямо противоположное. Увидѣвши, напр., человѣка огромнаго роста, невольно вспоминается карликъ. Представляя себѣ шумъ города — сейчасъ же возникаетъ представленіе о сельской тишинѣ, и т. п.

Такая связь, которая стремится восполнить одну крайность противоположной, составляет законъ ассоціаціи по контрасту. Подобными ассоціаціями очень часто пользуются поэты, что видно, напр., изъ оды Державина: „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!“

Чѣмъ создаются законы ассоціаціи? Вотъ вопросъ, на который можно дать слѣдующій отвѣтъ.

Выше выяснено, что каждое ощущеніе оставляетъ въ нервной системѣ слѣды; между прочимъ — остается движеніе, испытанное нервами при свѣтѣ, шумѣ, осязаніи и проч. Такъ какъ при наблюденіи одной *группы* предметовъ, нервныя клѣточки испытываютъ соотвѣтственную *группу* колебаній, то естественно, что возбуживши потомъ одно изъ нихъ, этимъ самымъ возбуждается колебаніе всей группы. Совершенно то же самое наблюдается при слѣдующемъ опытѣ. Если въ комнатѣ нѣсколько струнныхъ инструментовъ, струны которыхъ настроены одинаково, то дрожаніе одной струны немедленно вызываетъ дрожаніе струнъ, соотвѣтственно настроенныхъ. Точно также и мозговая клѣточка, приведенная въ движеніе, сейчасъ-же вызываетъ отвѣтное движеніе однородной группы тѣхъ именно впечатлѣній, какія мы испытывали въ дѣйствительности. Эта связь однородныхъ колебаній и есть *ассоціація*.

Благодаря законамъ ассоціаціи, въ мозговой корѣ происходитъ колоссальное сплетеніе всевозможныхъ представлений въ безконечно разнообразной формѣ. Только благодаря такой особенности, человѣкъ можетъ расширять свои познанія, создавать художественныя произведенія, совершенствоваться въ своихъ чувствахъ и находить успокоеніе въ размысленніи. Законы ассоціаціи позволяютъ каждому создать свой собственный духовный міръ, свое собственное міросозерцаніе. Надлежитъ только путемъ ассоціаціи связать такія представленія, какія желательны и необходимы для данной цѣли. Законъ ассоціаціи — это высшая степень душевной дѣятельности.

Какимъ же образомъ воспользоваться закономъ ассоціаціи въ военномъ дѣлѣ?

Воспользоваться можно очень просто: надлежитъ постоянно читать военную исторію и постоянно размышлять о прочитанномъ. Военная исторія воскреситъ въ сознаніи очень много боевыхъ представленій, т. е. воскреситъ средства борьбы и покажетъ, какъ эти средства соединялись для достиженія намѣченной цѣли въ каждомъ данномъ случаѣ. Размышленія же надъ полученными представленіями, приведутъ въ дѣйствіе законы ассоціаціи. Тогда длинной вереницей потянутся впечатлѣнія изъ прочитаннаго, нашихъ личныхъ наблюденій, личнаго опыта; къ этому немедленно пристроится все слышанное въ бесѣдахъ, на лекціяхъ, во время разбора ученія или маневра. Въ общемъ, по каждому спеціальному вопросу получатся боевыя комбинаціи, вполне пригодныя для рѣшенія данной боевой задачи. А это и составляетъ военное искусство.

На такомъ именно основаніи великіе полководцы говорили: „хотите знать, какъ даются сраженія, — прочитайте описаніе ста сраженій“. И дѣйствительно, — читайте описаніе сраженій, читайте военную исторію и размышляйте о прочитанномъ. Все остальное явится само собой, по законамъ ассоціаціи.

V. Отвѣтное движеніе.

Отвѣтное движеніе — составляетъ пятый и послѣдній актъ душевной дѣятельности. Въ настоящее время установлено, что въ мозговой корѣ имѣются особыя двигательныя клѣточки. Если эти клѣточки разрушить, то утрачиваются произвольныя или сознательныя движенія. Если же двигательную клѣточку возбудить, то клѣточка немедленно передастъ соотвѣтственное раздраженіе двигательному нерву, а этотъ послѣдній сокращаетъ мышцу. Въ психологіи такое дѣйствіе двигательнаго нерва называется „сознательной

иннервацій". Слово „иннервація“ означає вплив нервів на управління, на роботу організму. В корковомъ сводѣ точно установлено, въ районѣ какихъ именно извилинъ находятся области, черезъ которыя проходятъ всѣ двигательныя возбужденія—по обѣимъ сторонамъ Роландовой борозды. Одинъ изъ психологовъ,—Маттейчи, опредѣлилъ, что энергія, выходящая изъ мозговой двигательной клѣточки, колоссальна и выходъ этой энергіи уподобляется выстрѣлу изъ ружья, по своей силѣ. Организмъ не испытываетъ, при этомъ выстрѣлѣ, страшнаго сотрясенія только потому, что вся нервная система отлично приспособлена къ подобнымъ нервнымъ разрядамъ. Однако, наблюденія и опыты убѣждаютъ, что въ небольшомъ сводѣ мозговой коры таится безграничная энергія!

Отвѣтное движеніе составляетъ дѣятельность особой духовной силы, а именно—воли. Нынѣ установлено, что область чувствованія,—зрительная, слуховая, вкусовая, обонятельная и осязательная, имѣетъ свои собственные двигательныя нервы, посредствомъ которыхъ исполняются распоряженія головного мозга во всѣхъ частяхъ тѣла.

VI. Локалізація душевной дѣятельности.

На стр. 24 указано, что основныя стороны души челоука слѣдующія: умъ, воля, чувства и совѣсть. Къ этому надо прибавить еще особое душевное состояніе, извѣстное въ психологіи подъ именемъ „духовное Я“. Въ виду того, что душевная жизнь находится въ прямой зависимости отъ состоянія и работы нервной системы, необходимо указать,—въ какихъ же мѣстахъ проявляется душевная дѣятельность; гдѣ происходитъ локалізація означенныхъ выше сторонъ души.

Подъ словомъ „локалізація“ надо понимать указаніе или ограниченіе мѣста, гдѣ совершается данное явленіе. Мѣста локалізаціи указываются ниже въ послѣдовательномъ порядкѣ.

1. *Умъ*—это духовная сила, которая познаетъ предметы и явленія. Опытъ и наблюденія показали, что душевная дѣятельность, направленная къ тому, чтобы познать что-либо, сосредоточена въ теменномъ заднемъ ассоціативномъ центрѣ, см. фиг. № 2. Здѣсь объединяются всѣ представленія; здѣсь они усваиваются; здѣсь же сохраняются воспоминанія. Все это даетъ основаніе считать, что работа ума совершается въ означенной выше области мозговой коры.

2) *Воля*—локализуется въ переднемъ лобномъ ассоціативномъ центрѣ. Поврежденіе лобной доли мозговой коры ослабляетъ и даже вовсе уничтожаетъ волю.

3. *Чувство*—дѣлится на двѣ группы: низшія или физическія и высшія или духовныя. Исслѣдованія, опыты и наблюденія показали, что низшія чувства локализованы въ нервныхъ узлахъ, находящихся подъ мозговой корой, но главнымъ образомъ—въ продолговатомъ мозгу. Высшія же чувства осуществляются въ переднемъ, лобномъ ассоціативномъ центрѣ. Во всякомъ, однако, случаѣ, даже и высшія чувства проходятъ по нервной сѣти, расположенной въ продолговатомъ мозгу. Въ виду сего, многіе психологи признаютъ, что указанный мозгъ служитъ если не средоточіемъ чувствъ, то во всякомъ случаѣ составляетъ главные нервные пути, по которымъ чувства пробѣгаютъ. На фиг. № 2 указаны соотвѣтственныя мѣста, гдѣ происходитъ локалізація чувствъ.

4. *Совѣсть* отнесена въ психологіи къ области чувствъ. Трудно съ этимъ согласиться. Совѣсть представляетъ самостоятельную духовную силу, дѣйствующую въ опредѣленномъ направленіи; совѣсть—это нравственное самочувствіе. Въ какомъ мѣстѣ мозговой коры происходитъ локалізація совѣсти,—пока не выяснено. Но принимая во вниманіе, что дѣятельность совѣсти имѣетъ цѣлью сохранить духовное равновѣсіе, надо полагать, что работа совѣсти осуществляется тамъ же, гдѣ происходитъ работа нервныхъ клѣто-

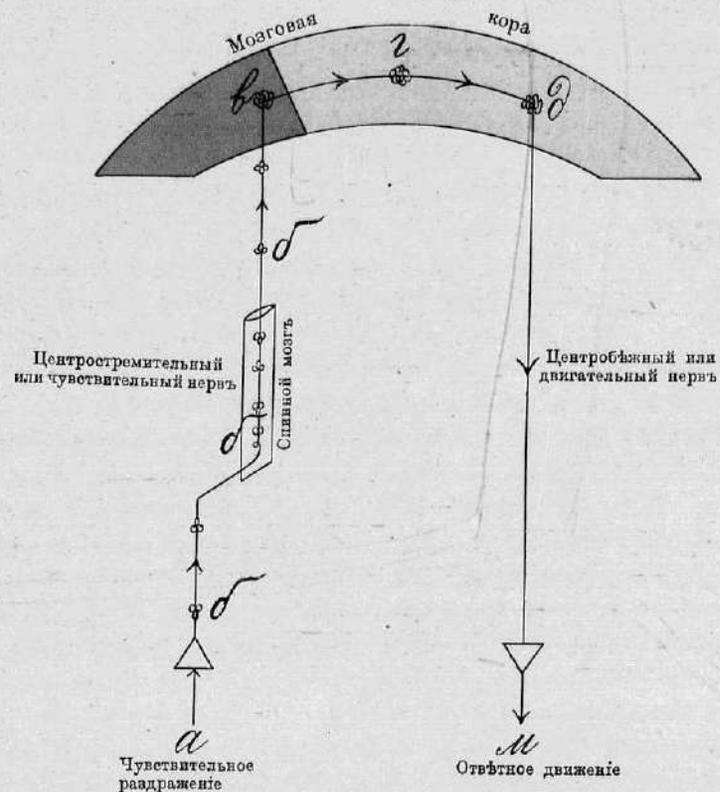
чекъ, поддерживающихъ физическое равновѣсіе, а именно — въ мозжечкѣ. Несомнѣнно, что пути движенія совѣсти проходятъ черезъ мозжечекъ. Въ дальнѣйшемъ продолженіи пути эти, вѣроятно, оканчиваются тамъ же, гдѣ происходитъ локалізція высшихъ чувствъ, — въ переднемъ, лобномъ ассоціативномъ центрѣ.

5. Человѣческое «Я». Выше выяснено, что человѣку присуще сознавать свое физическое „я“ и свое духовное „я“. Первое изъ нихъ относится къ области растительной жизни; второе — къ области духовной. Соответственно сему, имѣются два центра, гдѣ локализуется каждое изъ указанныхъ сознаний, а именно: въ области осязанія, см. фиг. № 2, помѣщаются внутренніе концы нервовъ изъ внутреннихъ органовъ человѣка. Если въ этихъ органахъ растительные процессы совершаются правильно, безъ нарушенийъ, то нервы доносятъ о благополучномъ состояніи нашего организма. Въ результатъ получается самосознаніе, вѣрнѣе — самочувствіе, настроеніе, хорошее или дурное — въ зависимости отъ благополучія внутри тѣла. Вотъ почему указанная на планѣ область подъ общимъ названіемъ осязаніе составляетъ въ то же время центръ нашего самочувствія, центръ нашего физическаго „я“.

Духовное „я“ — это сознаніе своей силы, главнымъ образомъ, въ области воли. Вотъ почему духовное „я“ локализовано совмѣстно съ волей — въ переднемъ лобномъ ассоціативномъ центрѣ.

VII. Графикъ душевнаго движенія.

Нервная система представляетъ основаніе, на которомъ происходитъ душевная дѣятельность. Такъ какъ основаніе это матеріально, и такъ какъ, послѣ всего изложеннаго выше, намъ извѣстна работа нервныхъ органовъ, то представляется возможнымъ изобразить психо-физиче-

Графикъ душевнаго движенія.

а — наружный, чувствительный конецъ нерва; раздраженіе.

б — нервные узлы; рефлексъ.

в — чувствительная клѣточка мозга; ощущеніе.

z — мозговья клѣточки представленій и ассоціацій.

д — двигательная клѣточка мозга.

м — двигательный конецъ нерва; отвѣтное движеніе, сокращеніе мышцъ.

Нервныя нити *вг* и *гд* — ассоціаціонныя волокна, передающія движенія внутри коркового свода.

скія явленія графически. Разсмотримъ первоначально фиг. № 3; на ней изображенъ нервный путь, по которому проходитъ каждое душевное движеніе.

Въ точкѣ *a* чувствительный конецъ нерва получаетъ раздраженіе; таковое стремительно несется по чувствительной нервной нити, пробѣгаетъ попутные нервные узлы, въ коихъ немедленно поднимается общая тревога—рефлексы. Подѣлившись своими впечатлѣніями съ узлами, раздраженіе (колебаніе и дрожаніе) двигается дальше, проходитъ большіе узлы головного мозга и, наконецъ, врывается въ чувственную область мозговой коры, въ точкѣ *v*. Здѣсь раздраженіе передается мозговой клѣточкѣ, обладающей таинственной способностью рассматривать полученное впечатлѣніе и превратить его въ сознательное ощущеніе.

Одухотворивши внѣшнее впечатлѣніе, чувствительная клѣточка посылаетъ его дальше, въ область ассоціативную, гдѣ ощущеніе встрѣчается со многими, ему подобными, и всѣ вмѣстѣ воспринимаются ассоціативными клѣточками въ точкѣ *i*. Воспріятыя, объединенныя и одухотворенныя ощущенія рисуютъ въ нашемъ сознаніи образъ изъ внѣшняго міра—ясно, подробно и очень живо. Но вотъ прекращается внѣшнее раздраженіе въ точкѣ *a*; немедленно прекращается ощущеніе въ точкѣ *v*; быстро тускнѣетъ воспріятіе и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ образъ въ точкѣ *i*. Остается только неизгладимый слѣдъ по всему нервному пути отъ *a* до *i*. включительно. Слѣды эти легко могутъ возстановить утраченный образъ и дать контуръ его, подъ именемъ представленія.

Одухотвореннымъ въ мозговой корѣ впечатлѣніемъ человѣкъ можетъ воспользоваться по своему усмотрѣнію: или не дать отвѣта, и тогда нервная система остается въ покоѣ, или же передать отвѣтъ двигательной клѣточкѣ, въ точкѣ *d*. Здѣсь исполняется распоряженіе мозга. Изъ клѣточки *d* распоряженіе посылается по двигательному нерву въ соотвѣтственныя, мышцы, въ точкѣ *m*; повинуюсь при-

казу, мышцы совершаютъ требуемое движеніе. Этимъ заканчивается удивительный путь душевнаго движенія, которое начинается и вновь проявляется чисто физическими явленіями, и только въ вершинѣ мозгового свода превращается въ одухотворенное сознаніе.

Если данныя фигуры № 3 сопоставить, то легко понять, въ какомъ соотношеніи находится матерія и духъ, съ точки зрѣнія психо-физики. Начну опять отъ точки *a*, въ коей получилось начальное раздраженіе.

а) раздраженіе	} физико-химическія, безсознательныя явленія	} матерія.
б) рефлексъ		
в) ощущеніе	} физико-химическія сознательныя явленія	} матерія и духъ.
в) воспріятіе		
г) <i>представленіе</i>	} исключительно духовныя явленія	} <i>духъ</i> .
г) <i>асоціація</i>		
д) отвѣтное	} физико-химическое, механическое явленіе	} матерія.
м) движеніе		

Изложенное показываетъ, что начало и конецъ пути отмѣчены исключительно матеріальными явленіями; на пути происходитъ очень сложная работа, первоначально связанная съ матеріей, а затѣмъ—исключительно духовная.

Какъ извѣстно, нервная система не можетъ воспринять одно только единственное ощущеніе. Изъ сказаннаго выше видно, что головной мозгъ получаетъ огромное количество ощущеній одновременно. На фигурѣ № 1 изображена дѣятельность двухъ важнѣйшихъ органовъ—зрѣнія и слуха. Разсмотримъ означенную дѣятельность.

Волны эфира раздражаютъ концы зрительныхъ нервовъ; на глазной сѣтчаткѣ получается изображеніе видимаго предмета. Отъ желтаго пятна сѣтчатки глаза нервы несутъ изображеніе вглубь головы, первоначально въ нервные узлы, расположенные подъ корковымъ сводомъ; это—зрительный бугоръ, четыреххолміе и др. Отсюда изображеніе передается въ чувствительную область мозговой коры—красная полоса на фиг. № 1. Въ зрительной области получается созна-

ніе,—что именно глазъ видитъ. Изъ чувствительной области изображеніе передается въ ассоціативный центръ, гдѣ совершается духовная обработка, т. е. опредѣляются свойства видимаго предмета, его значеніе и проч.

Движеніе воздуха раздражаетъ слуховые нервы. Полученное раздраженіе немедленно передается въ соответственные нервные узлы, расположенные подъ мозговой корой; отсюда звуковое раздраженіе передается въ чувствительную область мозговой коры. Въ этой чувствительной области получается сознаніе—какія звуковыя явленія произошли во внѣшнемъ мірѣ. Для оцѣнки этихъ явленій, ощущеніе передается въ ассоціативный центръ, гдѣ и завершается духовная обработка.

Изъ чертежей видно, что душевное движеніе дѣйствительно слагается изъ двухъ частей: полученія ощущенія—это часть физико-химическая, и обработки духовной—часть чисто духовная. Объ этомъ же опредѣленно говорятъ изслѣдованія. Слѣдующій примѣръ показываетъ соотношеніе двухъ этихъ частей.

Вечеромъ, зрительные нервы замѣтили на горизонтѣ неопредѣленный свѣтъ. Слѣдовательно, органъ зрѣнія исполнилъ свою физико-химическую, такъ сказать матеріальную работу и передалъ въ головной мозгъ извѣстіе, что на горизонтѣ *какой-то* свѣтъ. Здѣсь нѣтъ еще духовной обработки. Но вотъ воспріятіе попадаетъ въ ассоціативную область. На встрѣчу полученному впечатлѣнію, поднимаются другія свѣтотыя представленія, ранѣе сего попавшія въ мозговую кору. Начинается сравненіе, съ цѣлью выяснить—какой же это свѣтъ на горизонтѣ? Въ мозговой корѣ сравниваются: свѣтъ отъ заходящаго солнца, уже скрывающагося за горизонтъ; свѣтъ отъ восходящей луны; свѣтъ отъ пожара и наконецъ свѣтъ отъ костра. Сопоставляя всѣ эти представленія и оцѣнивая каждое изъ нихъ, сознаніе приходитъ наконецъ къ опредѣленному заключенію, что источникъ свѣта напр. восходящая луна.

Другой примѣръ. Слуховыя нервы передали въ мозговую кору ощущение, что во внѣшнемъ мірѣ явился звукъ или шумъ. Какой именно шумъ и каково его значеніе—чувствительнымъ нервамъ, передающимъ раздраженіе, нѣтъ никакого дѣла. Выяснить природу звука—это дѣло ассоціативной области. Когда въ этой области получится воспринятый звукъ, немедленно навстрѣчу ему поднимаются многочисленныя звуковыя представленія, ранѣе сего воспринятые; опять начинается сопоставленіе, сравненіе и оцѣнка звукового ощущенія. Шумъ можетъ произойти отъ выстрѣла, удара, паденія и проч.

Послѣ надлежащей духовной обработки, сознание отвѣчаетъ—шумъ произошелъ вслѣдствіе разрыва артиллерійскаго снаряда. Мѣсто же разрыва опредѣляется зрительными нервами, по указанному въ первомъ случаѣ нервному пути. Совмѣстная работа нервныхъ путей двухъ группъ указана на фигурѣ № 1; изъ чертежа видно, какая изумительная работа невидимо совершается въ головѣ человѣка! Можно вѣрить, что головной мозгъ вмѣщаетъ въ себѣ два огромнѣйшихъ міра—физическій и духовный, со всѣми колоссальными переворотами, какія въ нихъ совершаются.

VIII. Заключение.

Человѣкъ живетъ въ обстановкѣ необыкновенно сложной, загадочной, суровой, таинственной... Изъ внѣшняго міра несетя на человѣка потокъ всевозможныхъ стихійныхъ силъ; въ отвѣтъ и навстрѣчу катится изъ души нашей огромная, отвѣтная волна желаній, чувствованій, размышленій... Обѣ эти силы сталкиваются, вызываютъ крушеніе въ одномъ мѣстѣ, производятъ созидательную работу—въ другомъ. На границѣ столкновенія находится нервная система человѣка. Система эта служитъ посредникомъ между міромъ физическимъ и міромъ духовнымъ; служитъ тѣмъ изумительнымъ аппаратомъ, въ коемъ коле-

баніе невидимаго эфира превращается въ одухотворенную картину природы, неописуемой красоты!

Есть надъ чѣмъ задуматься! Есть чему поклоняться!

Живая сила мозгового свода объединяетъ представленія по отдѣльнымъ группамъ и создаетъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго безостановочно вытекаютъ познанія, чувства, желанія, идеалы и образы художественнаго творчества.

Совершенствуйте же вашъ корковый сводъ и предъ вами откроется обширное поле для душевной дѣятельности!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Темпераментъ и характеръ.

Вопросъ о темпераментѣ и характерѣ имѣетъ огромнѣйшее значеніе, особенно въ наше время, по слѣдующимъ причинамъ.

Во первыхъ—темпераментъ и характеръ составляютъ основу всякой дѣятельности отдѣльнаго человѣка; безъ такого основанія, человѣкъ не способенъ идти въ уровень съ требованіями данной эпохи.

Во вторыхъ—борьба за существованіе постепенно усложняется и усиливается; успѣшную борьбу можетъ вести только стойкій темпераментъ и сильный характеръ.

Въ третьихъ—вслѣдствіе очень многихъ причинъ, темпераментъ и характеръ современнаго человѣка постепенно ослабляются; остановить такое зло, имѣющее колоссальное значеніе для государства, можно соотвѣтственными мѣрами, но для сего необходимо прежде всего выяснитъ основныя положенія о темпераментѣ и характерѣ. Ниже излагаются означенныя положенія.

I. Темпераментъ.

Уже въ глубокой древности обращали вниманіе на то, что разныя лица неодинаково воспринимаютъ впечатлѣнія и выражаютъ свое душевное состояніе. За выясненіе подобнаго явленія взялись первоначально врачи, въ виду чего рѣшеніе вопроса было поставлено на медицинскую

почву. Основателемъ ученія о темпераментахъ признается отецъ греческой медицины Гиппократъ, жившій въ 460—356 до Р. Хр. Школа Гиппократа учила, что въ организмѣ человѣка имѣются четыре основныхъ *сока*, согласно коимъ существуетъ четыре темперамента, а именно:

- 1, *кровь*, дающая организму
тепло — темпераментъ *сангвиническій*;
- 2, *желтая желчь*, дающая
сухость — " *холерическій*;
- 3, *флегма* или слизь даю-
щая холодъ — " *флегматическій*;
- 4, *черная желчь*, дающая
влажность — " *меланхолическій*;

Наименованіе темпераментовъ удержалось до настоящаго времени.

Преслѣдуя медицинскія цѣли, врачи стремились выяснитъ къ какимъ болѣзнямъ предрасполагаетъ данный темпераментъ.

Что же касается психическаго значенія темперамента, то объ этомъ учили философы, но и они придерживались точки зрѣнія врачей, т. е. что темпераментъ зависитъ отъ физико-химическихъ процессовъ въ организмѣ. Такъ напр. греческій философъ Аристотель, жившій въ IV столѣтіи до Р. Хр. опредѣленно заявлялъ, что темпераментъ всецѣло зависитъ отъ качества крови.

По мѣрѣ развитія анатоміи и физиологіи, и особенно послѣ открытія англійскимъ врачомъ Гарвеемъ, 1578—1657 г.г., кровообращенія,—первенствующее значеніе *крови* въ отношеніи темпераментовъ было признано окончательно, и установлена слѣдующая зависимость темперамента отъ качества крови:

сангвиническій	—	кровь горячая, ярко-красная;
холерическій	—	" теплая, менѣе красная;
флегматическій	—	" холодная, темная;
меланхолическій	—	" тяжелая, болѣе темная.

Каждое открытіе въ области фізіологіи вносило поправку въ ученіе о темпераментахъ, и вскорѣ было признано, что кромѣ крови—имѣеть огромное значеніе еще рыхлость или плотность тканей, величина сердца и калибръ кровеносныхъ сосудовъ, вслѣдствіе чего кровь движется быстрѣе или медленнѣе; также имѣеть большое значеніе количество въ организмѣ соли, ртути, эфировъ и проч. Однако въ общемъ преобладало мнѣніе, что различіе темпераментовъ зависитъ всецѣло отъ качества крови.

Нѣкоторая доза означенныхъ взглядовъ сохранилась и до настоящаго времени, что доказываетъ такія напр. выраженія— „человѣкъ желчный... хладнокровный... горячій... и т. п.“

Но вотъ, мало по малу, первенствующее значеніе въ дѣлѣ формировація темпераментовъ получаютъ *нервы*. Было замѣчено, что сангвиники и холерики отличаются легкой возбудимостью нервной системы, флегматики возбуждаются медленно, но на болѣе продолжительное время, а меланхолики—апатичны ко всему окружающему. Фізіологическое основаніе—соки и кровь, стало уступать мѣсто психическому—нервамъ. По мѣрѣ развитія психологіи, науки о душевной дѣятельности, крѣпло ученіе, что темпераментъ всецѣло зависитъ отъ особенностей нервной системы. Въ настоящее же время окончательно установлено, что темпераментъ—это *степень воспримчивости и быстрота работы нервной системы*.

Изъ приведеннаго историческаго очерка видно, что во всѣ эпохи основаніемъ для темперамента признавалась *матерія* въ организмѣ—соли, кровь и нервы. Современное же ученіе объ исключительномъ значеніи нервовъ болѣе всего отвѣчаетъ сущности вопроса.

Итакъ, темпераментъ—это работа нервной системы, а вовсе не душевное состояніе и не характеръ, какъ это заявляютъ нѣкоторые психологи.

Въ практической дѣятельности, темпераментъ проявляется весьма разнообразно, а именно.

Сангвиникъ,— по русски значитъ кровь, кровяной,— сильно воспримчивъ, подвиженъ, веселъ, но неустойчивъ. За все берется охотно, но рѣдко доводитъ дѣло до конца. Въ трудныя минуты, напр. во время атаки или при отбитіи штурма, сангвиники проявляютъ очень сильный порывъ впередъ, заразительную, полезную веселую энергію, но на очень короткое время. Благодаря тому, что сангвиникъ воспринимаетъ впечатлѣнія хотя сильно, но поверхностно, у него нѣтъ устойчивости, нѣтъ запаса положительныхъ знаній.

Холерикъ, по русски—пылкій, тоже очень воспримчивъ, но менѣе подвиженъ, стойкій, рѣшительный и твердый. Это наилучшее сочетаніе нервной работы, т. е. воспріятія впечатлѣній, обработки таковыхъ въ головныхъ центрахъ и внѣшнихъ проявленій. Въ военномъ дѣлѣ, холерики составляютъ наиболѣе надежныхъ воинскихъ чиновъ, особенно—надежныхъ начальниковъ. Накопляя постепенно знанія и опытъ, холерикъ никогда не скучаетъ, всегда занять и твердо идетъ къ намѣченной цѣли. Великія открытія и реформы принадлежатъ холерикамъ.

Флегматикъ, по русски клейкій, вязкій,—впечатлѣнія воспринимаетъ медленно, но основательно; надъ полученнымъ впечатлѣніемъ размышляетъ долго. Накопляемая знанія держать въ глубинѣ своей души, вслѣдствіе чего живетъ своимъ внутреннимъ міромъ. Ко всему относится хладнокровно, критически. Флегмитикамъ принадлежатъ научныя работы отвлеченнаго содержанія. Въ военномъ дѣлѣ флегмитикъ очень полезенъ въ томъ случаѣ, когда требуются большія познанія и кропотливая работа. Однако замѣчено, что флегматики—военные создаютъ теоріи, отъ которыхъ не могутъ отрѣшиться, несмотря даже на очевидную несостоятельность этой теоріи. Изъ флегматиковъ вырабатываются военные теоретики, которые не считаются съ дѣйствительной жизнью, а руководствуются только своими теоретическими измышленіями.

Меланхоликъ, по русски черно желчный,—отличается очень слабой воспримчивостью, вялостью, равнодушіемъ. Получаемыя впечатлѣнія не оставляютъ слѣда на нервной системѣ; но такъ какъ мозгъ, повинаясь законамъ жизни, все таки работаетъ, то за неимѣніемъ познаній и воли для продуктивной работы, меланхоликъ мечтаетъ и все только собирается начать работу, иногда совершенно фантастическую и невыполнимую. Видя вокругъ себя кипучую дѣятельность и чувствуя свою личную неспособность участвовать въ общемъ движеніи, меланхоликъ въ зрѣломъ возрастѣ впадаетъ въ желчную раздражительность, тихое, но постоянное недовольство. Для военной службы, меланхолики совершенно непригодны, по отсутствію интереса къ дѣлу и надлежащихъ познаній. Мало того, меланхолики приносятъ большой вредъ, сильно понижая энергію и жизнѣтельность окружающихъ его лицъ. Если сопоставить данныя опредѣленія съ указанными выше сторонами души человѣка, то получится слѣдующее соотношеніе:

у сангвиника преобладаютъ чувства,
 „ холерика „ воля,
 „ флегматика „ умъ,
 „ меланхолика—всѣ три стороны проявляются очень слабо.

Конечно, въ дѣйствительной жизни не существуетъ темпераментовъ, заключающихъ въ себѣ только исключительныя черты даннаго типа. На самомъ дѣлѣ, въ каждомъ человѣкѣ первенствуетъ та или другая особенность, которая даетъ основаніе отнести нервную систему къ одному изъ указанныхъ видовъ темперамента. Въ литературѣ нѣкоторые типы изображены настолько красочно, что получили значеніе даже нарицательнаго имени, напр. „обломовщика“.

Какимъ образомъ формируются темпераменты? Вопросъ, надъ которымъ задумывались во всѣ эпохи, но которой только недавно получилъ правильное освѣщеніе.

Формированіе темперамента зависитъ отъ широты мѣста и наслѣдственности.

Широта мѣста дѣйствуютъ на человѣка двояко: со стороны почвы—при посредствѣ пищи, и со стороны климата—при посредствѣ температуры и атмосферныхъ явленій. Пища и напитки идутъ на образованіе организма, а потому организмъ, какъ и всякая вообще постройка, зависитъ отъ качества и количества строительнаго матеріала. Мясная пища даетъ сильныя и дѣятельныя организмы; молочная и постная—понижаетъ работу мышцъ и нервовъ. Объяденіе, т. е. наполненіе желудка такимъ количествомъ пищи, какое не можетъ быть использовано организмомъ, утяжеляетъ и даже отравляетъ мозгъ; напротивъ недоѣданіе—ослабляетъ нервы и силы; сильный голодъ—доводитъ до преступленія. Вода составляетъ столь же необходимое питательное средство, какъ и твердая пища. Но спиртные напитки приносятъ организму безусловный вредъ, расслабляя кости, мышцы и въ особенности нервы. Алкоголь первоначально возбуждаетъ нервную систему, но одновременно лишаетъ согласованности дѣйствій трехъ сторонъ души человѣка—ума, воли и чувства. Поэтому, злоупотребившій алкоголемъ проявляетъ неестественно повышенную дѣятельность, въ формѣ безсвязныхъ рѣчей, безпричиннаго смѣха и плача, легко возбудимой свирѣпости и т. п. Затѣмъ, наступаетъ реакція и человѣкъ ослабѣваетъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ отношеніи физическихъ силъ, ума, воли, чувства и совѣсти; становится непригоднымъ для нормальной работы. Чѣмъ дольше и сильнѣе продолжалось алкогольное возбужденіе, тѣмъ дольше и сильнѣе продолжается физическое и душевное угнетеніе. Часто повторяемое такое угнетеніе отравляетъ организмъ окончательно. Въ настоящее время установлено, что алкоголь составляетъ самую главную причину очень тяжелыхъ наслѣдственныхъ болѣзней, для отдѣльныхъ лицъ, что въ общемъ даетъ вырожденіе человѣчества; установлено также, что ясная мысль и сильная

воля всецѣло зависятъ отъ чистоты крови и соковъ организма. Но кровь и соки загрязняются прежде всего и болѣе всего алкоголемъ. Слѣдовательно, чистота крови и соковъ составляетъ основу физической крѣпости и красоты человѣка, а также основу нормальной душевной жизни. Отсюда ясна зависимость физическаго и душевнаго вырожденія отъ алкоголя; понятенъ колоссальный вредъ спиртныхъ напитковъ для рода человѣческаго.

Температура и климатъ вообще дѣйствуютъ прямо на нервы. Умѣренный холодъ повышаетъ дѣятельность нервной системы; жара—возбуждаетъ чувствительность и впечатлительность, но расслабляетъ мускульную силу; подъ вліяніемъ высокой температуры, человѣкъ много мечтаетъ и мало дѣлаетъ, т. е. склоняется къ меланхолическому темпераменту. Разрѣженный воздухъ, т. е. недостатокъ кислорода, даетъ расслабленіе и тоску; сгущеніе воздуха—приноситъ много кислорода, вслѣдствіе чего повышается чувство силы и дѣятельность организма, который склоняется къ холерическому темпераменту.

Хотя человѣкъ обладаетъ огромной способностью приспособляться къ пищѣ и климату, но существуетъ предѣлъ, перейти который нельзя безнаказанно. Такъ напр., жители сѣвера выпиваютъ очень большое количество жира—животнаго или рыбьяго; сравнительно небольшое количество такого жира можетъ убить жителя тропиковъ.

Почва и климатъ разные въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара; въ одномъ и томъ же мѣстѣ возможно разнообразное сочетаніе пищи, напитковъ, воздуха и другихъ атмосферныхъ силъ. Безконечно разнообразная комбинація всѣхъ этихъ данныхъ даетъ безконечное разнообразіе темпераментовъ, однако въ рамкахъ четырехъ, указанныхъ выше основныхъ видовъ.

Наслѣдственность состоитъ въ передачѣ отъ предковъ своимъ потомкамъ во первыхъ—основныхъ свойствъ вида; во вторыхъ—въ передачѣ нѣкоторыхъ физическихъ и пси-

хическихъ особенностей. Такимъ образомъ, наслѣдственность—эта *психо-физическое преемство*. Въ виду сего, отъ человѣка рождается—человѣкъ, а не верблюдъ, а дѣти получаютъ свойства родителей и предковъ. Различаютъ два главныхъ вида наслѣдственности: прямую—когда предаются особенности родителей, и непрямую или боковую—отъ предковъ по прямой или боковымъ линиямъ. Замѣчено, что передаваться по наслѣдству могутъ не только особенности, уже существовавшія у предковъ, но также нѣкоторыя свойства, вновь пріобрѣтенныя родителями. Поэтому, съ теченіемъ времени, среди имѣющихся въ роду свойствъ могутъ проявляться пріобрѣтенныя особенности. Благодаря наслѣдственности, передаются изъ рода въ родъ основныя свойства нервной системы, что даетъ наслѣдственный темпераментъ.

II. Характеръ.

Слово „характеръ“, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ *печать*, какъ предметъ. Такой печатью въ древности, у грековъ, накладывали клеймо на животныхъ, дабы отличать, кому она принадлежитъ. Впослѣдствіе, подъ словомъ характеръ стали понимать совокупность отличительныхъ и устойчивыхъ признаковъ; такое опредѣленіе относилось и нынѣ относится къ человѣку, предмету, событіямъ, явленіямъ и т. п. Установилось мнѣніе и даже требованіе, что каждая величина, физическая или духовная, должны имѣть свои отличительныя особенности, должны имѣть свой характеръ. Характеръ выражаетъ внутреннее содержаніе человѣка, предмета, событія, явленія. Ниже разсмотрѣнъ характеръ человѣка, какъ самостоятельной личности, затѣмъ—характеръ расъ, племенъ, толпы и арміи.

1. *Характеръ человѣка*. Вопросъ о характерѣ человѣка разрѣшался въ такой послѣдовательности.

Уже въ древности замѣтили, что въ обществѣ имѣются типы, съ опредѣленнымъ складомъ душевныхъ силъ. Въ

подобныхъ типахъ всегда господствовала одна какая-нибудь сторона души и соотвѣтственно этой сторонѣ человѣкъ относился къ окружающимъ и устраивалъ свою личную жизнь. Желаніе описать существующіе типы и создало науку о характерахъ. Означеннымъ вопросомъ первоначально занялся греческій философъ Платонъ, жившій въ 427—347 г. до Р. Х., который училъ, что всѣ человѣческіе характеры складываются изъ трехъ сторонъ души—ума, воли и чувства, но съ преобладаніемъ одной какой-либо душевной способности. Платонъ признавалъ три главныхъ и два второстепенныхъ характера. Первый, нормальный характеръ—когда у человѣка сильнѣе всего развитъ умъ и развита познавательная способность; второй характеръ—отличается развитіемъ честолубія; третій—предпочитаетъ матеріальныя блага, отличается бережливостью, скупостью, стяжаніемъ; четвертый—предпочитаетъ чувственныя удовольствія; пятый—въ коемъ преобладаютъ самыя низменныя, животныя влеченія.

Изложенное показываетъ, что основаніемъ для классификаціи характеровъ служили *душевыя свойства*, а не матерія—соки, кровь и нервы, какъ это принято для опредѣленія темпераментовъ.

Наибольшаго развитія ученіе о характерѣ получило въ сочиненіи греческаго философа Теофраста, 390—305 г. до Р. Хр., въ его книгѣ подъ заглавіемъ „Характеры“. Теофрастъ описалъ 30 типовъ, распространенныхъ въ тогдашнемъ аѣнскомъ обществѣ. Хотя столь дробныя подраздѣленія не отвѣчали основнымъ свойствамъ души и были произвольны, но сочиненіе Теофраста сохранило значеніе до XVII столѣтія, настолько оно признавалось удачнымъ.

Съ легкой руки Теофраста и его переводчиковъ, въ XVII и даже въ XVIII столѣтіяхъ подъ характеромъ понимались существующіе типы; поэтому въ сочиненіяхъ о характерѣ указанной эпохи давались только очерки типовъ, и при томъ все болѣе въ сатирическомъ направленіи.

Первая попытка поставить вопросъ о характерахъ на научную почву относится къ началу XIX столѣтія. Нѣмецкій докторъ—психологъ Галль, 1758—1828, училъ, что между развитіемъ душевныхъ качествъ человѣка и размѣрами его мозга существуетъ очень точная зависимость; мозгъ у разныхъ лицъ развитъ неодинаково, вслѣдствіе чего неодинаковы душевныя свойства. Галль насчитывалъ 27 основныхъ способностей души. Принимая затѣмъ во вниманіе, что каждой отдѣльной способности отвѣчаетъ особая выпуклость черепа, Галль создалъ науку „френологію“, которая давала возможность опредѣлить по строенію черепа отличительныя свойства человѣка, т. е. опредѣлить его характеръ. Теорія Галля пользовалась огромнымъ довѣріемъ, но недолго. Болѣе точныя изслѣдованія показали, что хотя душевныя движенія дѣйствительно сосредоточены въ мозговой корѣ, но наружныя выпуклости черепа не имѣютъ никакого отношенія къ душевной дѣятельности мозга.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи вопросъ о характерахъ получилъ огромное значеніе; былъ созданъ особый отдѣлъ общей психологіи, подъ названіемъ „индивидуальная или личная психологія“. Отдѣлъ вскорѣ былъ возведенъ на степень самостоятельной науки, подъ именемъ „характерологія“ или ученіе о душевныхъ особенностяхъ, коими люди отличаются другъ отъ друга. Основаніе для классификаціи характеровъ осталось прежнее, указанное Платономъ, а именно—три стороны душевной жизни.

Краткій историческій очеркъ показываетъ, что невзирая на большое разнообразіе рѣшеній въ вопросѣ о характерахъ, основаніе для подобныхъ рѣшеній оставалось неизмѣннымъ; поэтому, нынѣ можно дать опредѣленный отвѣтъ, что такое „характеръ“.

Характеръ—есть совокупность *устойчивыхъ и отличительныхъ свойствъ души человека*. Иными словами—значи-

тельное развитіе нѣкоторыхъ душевныхъ особенностей образуетъ характеръ человѣка.

Въ настоящее время пытаются точно установить классификацію характеровъ, имѣя въ виду практическія цѣли. Характеръ указываетъ, на что именно человѣкъ способенъ, какое можно имѣть къ нему довѣріе и какое дѣло выгоднѣе всего поручить ему. Слѣдовательно, характеръ долженъ служить своего рода ярлычкомъ, точно указывающимъ, что именно содержится въ данномъ субъектѣ. Конечно, если удастся установить классификацію, вполне отвѣчающую требованіямъ жизни, то выборъ лицъ на должности или для исполненія данной работы облегчится до степени механической сортировки людей, по аттестаціямъ. Опытъ однако убѣждаетъ, что достигнуть цѣли чрезвычайно трудно. Каждый психологъ предлагаетъ свою классификацію; каждая классификація имѣетъ свои разумныя основанія, какъ будто отвѣчающія практическимъ требованіямъ. Въ результатѣ классификацій много, но обще-признанной, научно обоснованной группировки пока не имѣется.

Ниже предлагается классификація, на почвѣ основныхъ психологическихъ положеній.

Всѣ душевныя явленія сведены въ четыре группы, подъ названіемъ умъ, чувства, воля, совѣсть. Въ каждой группѣ душевная дѣятельность проявляется въ очень разнообразной формѣ. Спрашивается, какая же группа, или которая сторона души имѣется наибольшее значеніе?

Принимая во вниманіе, что весь характеръ человѣка обнаруживается въ его дѣйствіяхъ, въ его работѣ, а дѣйствіями вѣдаетъ воля, то, слѣдовательно, наибольшее значеніе, съ точки зрѣнія характера, имѣетъ *воля*. Такимъ образомъ, воля составляетъ *основаніе* характера.

Воля—это духовная сила и, какъ таковая, можетъ быть разнаго напряженія: сильная, средняя и слабая. Кромѣ того, каждое напряженіе воли можетъ имѣть свои особыя формы. Изложенное видно изъ такой схемы:

Изъ схемы видно, что сильная воля проявляется въ опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ формахъ, которыя къ тому же длительны, постоянны. Воля средняго напряженія даетъ характеръ обыкновенный, существенная примѣта котораго уравновѣшенность, т. е. спокойная дѣятельность, чуждая увлеченій въ сторону чувствъ. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ ума и особенно чувствъ, воля средняго напряженія подвергается колебаніямъ, которыя даютъ иногда большія крайности—въ сторону силы, а затѣмъ—въ сторону безсилія. Такія колебанія создаютъ характеръ порывистый, упрямый, строптивый и т. п. Слабая воля указываетъ на отсутствіе духовныхъ волевыхъ силъ, и тогда активная дѣятельность прекращается; человѣкъ впадаетъ въ тревожное состояніе, сущность котораго зависитъ отъ постороннихъ причинъ. Если, напр., слабавольному человѣку угрожаетъ опасность—создается состояніе боязливое; если нѣтъ гнетущихъ обстоятельствъ—получается равнодушная пассивность.

Соотношеніе воли, ума и чувства слѣдующее.

Воля даетъ не только внѣшнія дѣйствія человѣка, но регулируетъ наше мышленіе; подъ вліяніемъ сильной воли, мышленіе производитъ правильную, полезную работу и вы-

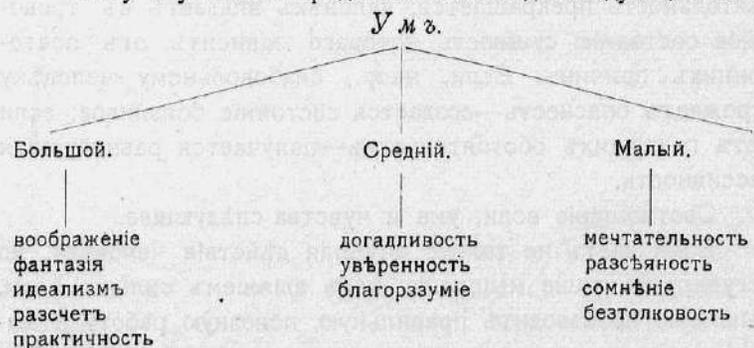
полняетъ такую своевременно. Слабая же воля останавливается передъ затрудненіями, какія неизбежно соединены съ умовой работой. Кромѣ того, сильной воли человекъ можетъ эксплуатировать чужія познанія на общую пользу, а безвольный—даже своими не воспользуется. На этомъ именно основаніи въ области военной установлено, что честь и слава воздается не тому, кто составилъ геніальный планъ войны или боя, а тому, кто этой планъ выполнилъ, довелъ до успѣха. Отличные, но невыполненные проекты слабой воли остаются мертвымъ грузомъ, бесполезнымъ для человѣчества.

Въ области чувствъ сильная воля покоряетъ такую или даетъ имъ движеніе, въ зависимости отъ желанія; на сильной волѣ основано самообладаніе, т. е. способность управлять чувствами. Слабая воля становится рабомъ чувствъ, вслѣдствіе чего разрушается правильная, согласованная работа.

Въ виду такого огромнаго значенія воли во всѣхъ областяхъ душевной дѣятельности, воля, какъ сказано выше, составляетъ основу характера и служитъ главнымъ отличительнымъ признакомъ, выдѣляющимъ человека изъ общей среды. Вотъ почему выраженія, напр., „сильная воля“ имѣетъ одинаковое значеніе со словами „твердый характеръ“.

Изъ числа остальныхъ трехъ душевныхъ сторонъ, второе мѣсто занимаетъ умъ или познавательная сила души.

Силу эту можно представить въ видѣ слѣдующей схемы.

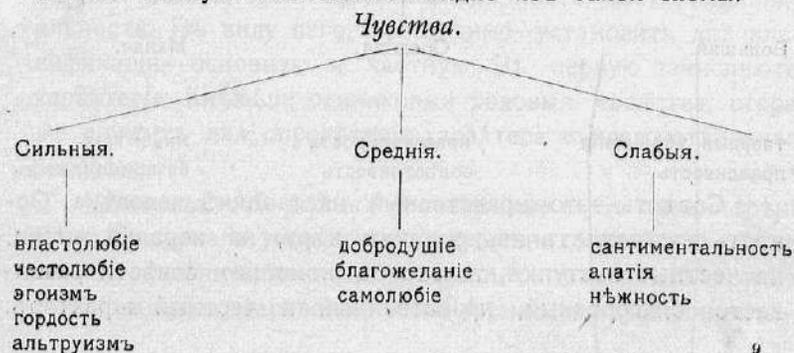

Умъ, или познавательная сила души, предназначенъ для того, чтобы пріобрѣтать знанія и познавать явленія. Родъ и количество пріобрѣтаемыхъ знаній и степень пониманія явленій настолько разнообразны, что сложилась поговорка: „сколько головъ—столько умовъ“. Слѣдовательно, каждый человекъ обладаетъ своимъ собственнымъ запасомъ знаній и своимъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ.

При оцѣнкѣ ума принимается во вниманіе, главнымъ образомъ, умственное развитіе, т. е. способность быстро соображать, быстро вспоминать, что требуется въ данную минуту, дѣлать сопоставленія разныхъ впечатлѣній и давать соответственныя заключенія. Съ точки зрѣнія характера, имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, развитіе ума, а не количество познаній. Въ этомъ отношеніи, на почвѣ умственнаго развитія, характеръ бываетъ—вдумчивый, серьезный, положительный, большого ума, благоразумный, безтолковый, и проч.

Въ дѣлѣ формированія характера, умъ участвуетъ въ томъ смыслѣ, что опредѣляетъ цѣль, которую желательно достигнуть, и указываетъ средства достиженія цѣли. Слѣдовательно, умъ является силой познающей и руководящей; вся же исполнительная работа для достиженія цѣли составляетъ обязанность воли.

Третье мѣсто занимаютъ чувства. Сила чувствъ не одинакова и дѣйствуетъ на волю различно, укрѣпляя или ослабляя такую. Изложенное видно изъ такой схемы.

Здѣсь приведены чувства по ихъ качеству, а не роду. Сильныя чувства вполне опредѣленны, а потому даютъ опредѣленную цѣль, къ которой стремится воля. Вотъ почему сильныя чувства образуютъ характеръ твердый, сильный. Чувства средняго напряженія составляютъ главное условіе характера уравновѣшеннаго, обыкновеннаго. Чувства слабыя—разслабляютъ душевныя силы, ослабляютъ и безъ того слабую волю, образуя вмѣстѣ характеръ слабый, пассивно-апатичный.

Въ отношеніи характера, чувства имѣютъ значеніе возбуждителя. Каждая жизненная дѣятельность человѣка непременно связана чувствомъ. Если достиженіе цѣли даетъ удовольствіе—чувства усиливаютъ волю; если угрожаетъ страданіе—чувства тоже повышаютъ дѣятельность воли, съ цѣлью устранить источникъ страданій. Чувства нѣжныя разслабляютъ волю. Отсутствіе чувствъ уничтожаетъ волевую силу, работа которой вовсе прекращается. На почвѣ чувствъ существуютъ характеры—чувствительный, сердечный, отзывчивый, властолюбивый, гордый, добродушный и друг.

Четвертую сторону души составляетъ совѣсть. Какъ и всякое душевное состояніе, совѣсть можетъ быть трехъ напряженій, каковыя указаны на прилагаемой схемѣ.

Совѣсть—это нравственный наставникъ человѣка. Совѣсть наставляетъ на истинную вѣру, на хорошія мысли, на честныя поступки; только съ помощью совѣсти развивается благородный, нравственный и честный характеръ.

Вотъ значеніе совѣсти, съ точки зрѣнія характера. Но такъ какъ свободной волѣ предоставленъ выборъ между добромъ и зломъ, то голосъ совѣсти имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если воля не только слушаетъ, но и повируется этому голосу. И если человѣкъ будетъ идти по пути, указанному совѣстью, то воля, а вмѣстѣ съ ней и весь характеръ, получаютъ въ лицѣ совѣсти самую надежную поддержку.

Совѣсть придаетъ характеру особый оттѣнокъ, называемый „благородством“ характера. Жизнь есть борьба, въ которой надо драться *храбро*, но *честно*; вотъ требованіе совѣсти, вотъ благородство характера.

На почвѣ совѣсти, существуютъ характеры твердыхъ убѣждений, правдивый, совѣстливый, безпринципный и т. п.

Характеръ составляетъ духовную силу, которая проявляется въ очень разнообразныхъ формахъ. Изъ вышеизложеннаго видно, что сила эта слагается изъ отдѣльных душевныхъ особенностей, устойчивыхъ и отличительныхъ. Душевныхъ особенностей великое множество; поэтому столько же и характеровъ. Но для практичныхъ цѣлей необходимо установить классификацію характеровъ, дабы выяснить,—чего можно ожидать отъ данной группы лицъ, и какое значеніе имѣетъ это группа въ общей работѣ человечества. Однако, какъ бы ни была подробна классификація, въ каждой группѣ отдѣльныя лица сохраняютъ свои личныя особенности, свою разновидность, свою индивидуальность. Въ виду сего, необходимо установить двѣ классификаціи—основную и частную. Въ первую зачисляются характеры, имѣющіе одинаковыя родовыя свойства; вторая же служитъ для опредѣленія характера каждаго отдѣльнаго человѣка.

Основная или родовая классификація. Съ точки зрѣнія всего душевнаго уклада, всѣхъ душевныхъ свойствъ, людей можно раздѣлить на пять слѣдующихъ основныхъ группъ: гений, таланты, дарованія, обыкновенные и неустойчивые.

Геній—это необычайно развитыя душевныя способности, соединенныя съ огромнѣйшей творческой силой. Поэтому геній не только создаетъ изумительные планы, не только имѣетъ замыслы и намѣренія, но и осуществляетъ все задуманное. Собственно говоря, только способность осуществлять все задуманное и даетъ право считаться геніемъ, на что указываетъ даже значеніе самаго слова. Латинское слово геній означаетъ рождать, производить. Геніальныя, но не осуществленныя замыслы не даютъ права на титулъ генія.

У генія воля и умъ находятся въ степени чрезвычайнаго совершенства. Невольно возникаетъ вопросъ—чѣмъ обусловленъ родъ дѣятельности генія? Изученіе психологіи великихъ людей приводитъ къ заключенію, что у геніальныхъ лицъ воля и умъ находятся въ разномъ соотношеніи и такое соотношеніе опредѣляетъ родъ дѣятельности генія. Если воля и умъ находятся въ одинаковой степени совершенства,—то получаютъ великіе полководцы и законодатели, дѣянія которыхъ составляютъ исторію человечества. Если же при необычайно сильной волѣ, умъ развитъ въ большей степени, чѣмъ воля, то получаютъ мыслители, философы, изобрѣтатели. Если же къ совершенному уму присоединяются столь же совершенныя чувства, то получается геній въ художественной области—поэты, живописцы, скульпторы, композиторы, музыканты и проч.

При жизни, геній служитъ живымъ центромъ событій, которыми геній руководитъ. Послѣ смерти генія, дѣла и мысли его передаются изъ рода въ родъ и служатъ самымъ надежнымъ средствомъ улучшить духовныя силы послѣдующихъ поколѣній. Великіе полководцы и законодатели отмѣчаютъ своей печатью цѣлыя эпохи, даютъ историческое значеніе народамъ, до нихъ безвѣстнымъ. Мысли геніальныхъ философовъ переживаютъ на много столѣтій тотъ народъ, среди котораго философъ жилъ. Такъ, напр., изреченія Сократа извѣстны даже тѣмъ, которые совершенно

не знакомы съ исторіей дневней Греціи. Вліяніе генія настолько велико, что на многія историческія явленія принято смотрѣть какъ на „удлиненную тѣнь“ великаго человека. Исламъ—тѣнь Магомета; военное искусство—тѣнь Наполеона I; моральные двигатели на полѣ сраженія—тѣнь Суворова. Сложилась даже поговорка—„дѣйствовать по суворовски“. Геній совершаетъ то, чего до него не было, при чемъ образы, представленія и все вообще творчество геній черпаетъ изъ глубины своего собственнаго духа. Творенія и дѣла генія часто идутъ вразрѣзъ съ установившимися взглядами. Вотъ почему генія рѣдко понимаютъ современники; оцѣниваютъ его только слѣдующія поколѣнія.

Талантъ—это духовная способность доводить до совершенства одну какую нибудь отрасль познаній или особый видъ дѣятельности. Талантъ тоже слагается изъ очень сильной воли и большого ума, но менѣе самобытнаго, чѣмъ у генія; воля и умъ работаютъ равномерно. Талантъ черпаетъ свои силы, главнымъ образомъ, въ познаніяхъ. Поэтому, приобрѣтеніе знаній составляетъ первый шагъ въ дѣятельности таланта. Творчество, т. е. воображеніе и фантазія должны быть развиты достаточно сильно, иначе знаніями нельзя будетъ воспользоваться. Тѣмъ не менѣе, въ избранной области талантъ идетъ самостоятельно, выбираетъ новые пути. Талантъ имѣетъ огромное значеніе для современниковъ, такъ какъ, благодаря дѣятельности и работѣ таланта, правильно разрѣшаются текущіе вопросы, дается отвѣтъ на жизненные запросы. Подъ покровомъ талантовъ—легче живется. Вомъ почему талантами современники дорожатъ больше, чѣмъ геніями.

Дарованія—это неиспользованный талантъ. Дарованіе представляетъ духовную силу, которая можетъ выполнить опредѣленную задачу гораздо лучше, чѣмъ обыкновенный характеръ. Дарованіе слагается изъ воли и ума, но эти душевныя стороны работаютъ неравномерно; воля—меньше,

умъ—больше. Поэтому познания и творческое воображение не дают всю ту сумму полезных результатов, какие возможны при большей работоспособности. Въ общемъ, дарование есть слабѣйшее проявление таланта, благодаря сравнительно слабѣйшей волѣ.

Обыкновенный характеръ представляетъ духовную силу, которая слагается изъ всѣхъ четырехъ видовъ душевной дѣятельности, средняго напряженія. Обыкновенный характеръ можетъ быть положительнымъ и отрицательнымъ. Въ первомъ случаѣ, человекъ исполняетъ лежащій на немъ долгъ добросовѣстно, въ предѣлахъ своихъ среднихъ силъ; во второмъ случаѣ—долгъ подмѣнивается стремленіемъ къ личному благополучію, въ ущербъ обще-полезнымъ интересамъ. Обыкновенный, добросовѣстный характеръ даетъ уваженіе къ законамъ, трезвость, трудолюбіе и достаточную энергію, что въ общемъ создаетъ общее благополучіе. Поэтому, указанный выше характеръ составляетъ основу могущества народа.

Неустойчивый характеръ слагается изъ слабыхъ душевныхъ способностей. Слабость воли и слабость ума уничтожаютъ даже хорошія чувства, взамѣнъ которыхъ господствуютъ минутныя побужденія, бесполезныя для планомѣрной работы. Создаются колебанія, весьма вредныя для общаго дѣла.

Итакъ, основу указанной выше классификаціи составляетъ *степень* напряженія душевныхъ силъ:

Напряженіе сверхъестественное даетъ генія,

„ сильное	„ талантъ и дарованіе,
„ среднее	„ обыкнов. характеръ,
„ слабое	„ неустойч. характеръ.

Предложенная классификація сразу опредѣляетъ характеръ лица въ обще-человѣческомъ смыслѣ; позволяетъ скоро и правильно рѣшить вопросъ о выборѣ лица на отвѣтственныя должности или для выполнения опредѣленной

работы. Такъ напр., когда въ 1799 году предстояло назначить главнокомандующаго русской и австрійской союзными арміями, для дѣйствій въ сѣверной Италіи, то выборъ палъ на Суворова, хотя и находившагося въ опалѣ, но военный геній котораго признавался всѣми непредубѣжденными современниками. Надо помнить, что въ военной области удачный выборъ начальника, обладающаго сильными душевными качествами, удваиваетъ матеріальныя средства борьбы и служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха.

Частная или видовая классификація. Въ каждой основной или родовой группѣ характеровъ отдѣльныя лица сохраняютъ свою индивидуальность, свое личное „я“. Личнымъ „я“ или личными склонностями опредѣляется родъ дѣятельности каждаго отдѣльнаго человека. Поэтому геній, таланты, дарованія и обыкновенныя способности бываютъ военные, философы разныхъ школъ, изобрѣтатели въ разныхъ областяхъ, спеціальныя исполнители по разной части—художественной, технической и проч. Комбинація разнообразныхъ душевныхъ особенностей даетъ вполне опредѣленный видовой характеръ, въ дополненіе къ характеру основному или родовому. Видовой характеръ уже въ точности опредѣляетъ всѣ особенности даннаго лица.

Такъ какъ каждый человекъ непременно имѣетъ въ себѣ четыре самостоятельныя стороны души—умъ, чувство, волю и совѣсть, то очевидно, что каждая сторона можетъ проявляться самостоятельно, въ очень разнообразной формѣ и въ разной комбинаціи съ сосѣдними душевными особенностями, какъ это указано на приведенныхъ выше схемахъ. Вотъ почему нѣтъ возможности все огромное число существующихъ въ дѣйствительности характеровъ свести въ нѣсколько группъ. Но съ другой стороны, безъ точной, ясной и вполне отвѣчающей жизни классификаціи характеровъ—немыслимо составить себѣ представленіе о душевныхъ достоинствахъ или недостаткахъ даннаго лица. Какъ же выйти изъ столь труднаго положенія?

Для рѣшенія вопроса необходимо воспользоваться приведенными выше схемами, на коихъ изображены разновидности воли, ума, чувствъ и совѣсти. Схемы эти могутъ быть дополнены еще большими подробностями, и тогда каждая схема представитъ всѣ душевныя явленія и душевныя состоянія, какія наблюдаются среди людей. Имѣя подобныя схемы и *наблюдая поступки* лица, характеръ котораго желательно опредѣлить, можно въ точности выяснить всѣ четыре душевныхъ стороны, т. е. можно дать вполнѣ вѣрный и точный характеръ человѣка.

Изложенное видно изъ слѣдующаго примѣра. Требуется описать характеръ господина А. Б.

Основной характеръ — *талантъ*, военный.
 Видовой " — *упрямый*... воля.
 — *расчетливый*... умъ.
 — *честолюбивый*... чувства.
 — *правдивъ*... совѣсть.

Второй примѣръ. Требуется опредѣлить характеръ г. М. Н.

Основной характеръ — *обыкновенный*, живописецъ.
 Видовой " — *уравновѣшенный*... воля.
 — *благоразумный*... умъ.
 — *благожелательный*... чувства.
 — *нравственный*... совѣсть.

Изъ приведенныхъ двухъ примѣровъ видно, что полное опредѣленіе характера человѣка можно дать *шестью* словами; выразить же весь характеръ *однимъ* словомъ, какъ это пытаются сдѣлать многіе психологи, невозможно. Однимъ словомъ можно только опредѣлить основной характеръ, что для практическихъ цѣлей недостаточно.

Мною печатаются подробныя „Таблицы характера“, въ коихъ даны всѣ разновидности душевныхъ явленій и душевнаго состоянія. Пользуясь таблицами, можно совершенно точно описать характеръ; т. е. дать характеристику лица.

Правильная и точная характеристика имѣетъ огромное значеніе въ практической жизни. Во первыхъ—по даннымъ характеристики можно безошибочно опредѣлить, чего надлежитъ ожидать отъ интересующаго насъ человѣка; во вторыхъ—возможно принять мѣры исправить характеръ даннаго лица и этимъ устранить зло, иногда очень большое. Дабы характеристика удовлетворяла двумъ этимъ основнымъ требованіямъ, необходимо наблюденія надъ душевными проявленіями человѣка производить безпристрастно, внимательно и постоянно. Самымъ главнымъ основаніемъ для характеристики служить дѣятельность взрослога человѣка, поведеніе юноши и ребенка. Но современная психологія разрабатываетъ еще особый отдѣлъ, подъ названіемъ „физиогномика“, съ цѣлью установить научныя основанія для опредѣленія характера человѣка по чертамъ лица, по движенію рукъ и другимъ тѣлодвиженіямъ.

Слово физиогномика означаетъ искусство распознавать характеръ и склонности человѣка по внѣшнимъ признакамъ. Уже въ IV столѣтіи до Р. Хр., во времена Аристотеля и Гиппократата, физиогномика была систематическимъ ученіемъ. Нѣкоторыя изъ указаній Аристотеля признаются правильными и въ наши дни. Напр., „прямолинейныя брови указываютъ на кроткій характеръ“; бѣгающіе глаза служатъ признакомъ неувѣренности; низкій, откинутаго лобъ указываетъ на упрямство и т. п. Физиогномикой усиленно занимались въ XV и XVI столѣтіяхъ, но затѣмъ интересъ къ этой наукѣ упалъ.

Въ половинѣ прошлаго XIX столѣтія, когда была установлена полная зависимость между душевнымъ состояніемъ человѣка и сокращеніемъ отдѣльныхъ мышцъ лица,—физиогномика получила вполнѣ научное основаніе.

Въ военномъ отношеніи, физиогномика даетъ безошибочный отвѣтъ—насколько воинскій чинъ владѣетъ собою. Такъ какъ самообладаніе, особенно въ бою, оказываетъ непосредственное и чрезвычайно сильное вліяніе на подчи-

ненныхъ, то вопросъ, напр., о перемѣнѣ въ лицѣ, подъ давленіемъ душевнаго волненія, имѣетъ огромное значеніе. Измѣнчивость и подвижность лица, окраска его или блѣдность, блескъ и безпокойное движеніе глазъ—все это служить внѣшнимъ показателемъ мужества, храбрости, упадка духа, и вообще душевнаго состоянія, которое мгновенно передается подчиненнымъ. Въ виду сего, въ характеристику непременно должно быть включено указаніе, въ какой степени данный чинъ выражаетъ свое душевное состояніе перемѣнами въ лицѣ и внѣшними дѣйствіями. Иными словами, въ какой мѣрѣ развито самообладаніе.

Въ военномъ дѣлѣ, отъ удачнаго выбора начальника всецѣло зависитъ успѣхъ; съ другой же стороны, неудачное назначеніе вызываетъ непроизводительную убыль людей и расходъ боевыхъ средствъ. Вотъ почему безусловно необходимо создать прочное основаніе для правильнаго рѣшенія столь капитальнаго вопроса о выборѣ начальниковъ. Такимъ основаніемъ должна служить *характеристика*, по указанной выше классификаціи.

Но этого мало.

При оцѣнкѣ душевныхъ качествъ невозможно избѣжать нѣкотораго пристрастія, нѣкотораго субъективнаго отношенія къ вопросу, такъ какъ человѣкъ, при всемъ желаніи быть безпристрастнымъ, не можетъ всецѣло отрѣшиться отъ собственныхъ чувствъ. Поэтому необходимо еще дополненіе къ характеристикѣ и при томъ такое, чтобы дополненіе контролировало данную оцѣнку.

Дополненіемъ должна служить *служебная лѣтопись*, въ которую надлежитъ вносить свѣдѣнія о служебной дѣятельности воинскаго чина. Такъ какъ для характеристики самое существенное значеніе имѣетъ практическая дѣятельность, то лѣтопись составитъ самое надежное и документальное основаніе для опредѣленія характера даннаго лица.

Въ служебной лѣтописи должно быть подробно описано—въ какой обстановкѣ и какая именно работа выполнена или невыполнена; въ какой формѣ проявились четыре стороны души исполнителя.

Характеристика и служебная лѣтопись вполне замѣняютъ всѣ аттестаціи, съ большой пользой для дѣла, такъ какъ два указанныхъ документа совершенно опредѣленно отвѣтятъ на вопросъ—какой характеръ воинскаго чина и на что этотъ чинъ способенъ.

Формированіе характера. Зная, какимъ образомъ формируется характеръ, легко принять мѣры, дабы формировались характеры полезные, а затѣмъ—возможно исправить характеры неудовлетворительные. Такимъ образомъ, указанный въ заголовкѣ вопросъ имѣетъ огромное практическое значеніе.

Въ формированіи характера участвуютъ—темпераментъ, наслѣдственность, воспитаніе, среда, памятники и живопись, печать, праздники частей.

Выше выяснено, что темпераментъ—это свойство нервовъ; слѣдовательно, темпераментъ составляетъ физическое основаніе характера. Возникаетъ вопросъ—можно ли измѣнить темпераментъ? Наблюденія показали, что подобная цѣль вполне достижима, въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ. Измѣнивши условія питанія, физической работы, перемѣнивши климатъ, возможно до нѣкоторой степени укрѣпить нервы сангвиника и приблизить его къ холерику, а нервы меланхолика сдѣлать болѣе воспримчивыми. Точно также профессія, а еще болѣе—возрастъ въ значительной степени мѣняетъ нервную систему, укрѣпляя или расслабляя такую, что въ результатѣ измѣняетъ почву для формированія характера. Соотношеніе темперамента и характера слѣдующее:

холерикъ и флегматикъ	—	основа	сильнаго	характера
сангвиникъ	—	—	средняго	—
меланхоликъ	—	—	слабаго	—

Такимъ образомъ, темпераментъ составляетъ тотъ физическій зародышъ, изъ котораго впоследствии вырастаетъ характеръ.

Человѣкъ получаетъ жизнь отъ жизни, дѣти—отъ родителей. Естественно поэтому ожидать, что физическія особенности родителей передаются дѣтямъ. Кромѣ того, особенности предковъ могутъ перейти къ потомкамъ черезъ нѣсколько поколѣній. Независимо преемства физическаго, наблюдается также преемство душевное. Такъ, напр., опредѣленные таланты появляются, или какъ говорятъ—фиксируются въ извѣстной фимильной группѣ. Законы наследственности еще не изучены, и во многихъ случаяхъ явленія дѣйствительной жизни нарушаютъ извѣстныя въ настоящее время гипотезы о наследственности. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать огромнаго значенія наследственности въ дѣлѣ формировація характера.

Темпераментъ, т. е. свойство нервовъ, и наследственность—вотъ двѣ физическихъ причины характера. Если бы обѣ эти причины дѣйствовали неизмѣнно и постоянно, то опредѣленные, разъ установившіеся характеры передавались бы изъ рода въ родъ съ математическою точностью, и тогда вопросъ о формироваціи характеровъ разрѣшался бы очень легко. Однако, темпераментъ даже отдѣльнаго человѣка можетъ быть нѣсколько измѣняемъ, а наследственность достигаетъ очень небольшого предѣла, давая въ то же время значительныя уклоненія. Естественно поэтому спросить—какое же значеніе имѣютъ темпераментъ и наследственность въ дѣлѣ формировація характера? Отвѣтъ слѣдующій: темпераментъ и наследственность даютъ *предрасположеніе* къ формироваціи того или иного характера, не закрывая возможности улучшить характеръ посредствомъ душевнаго воздѣйствія, о чемъ говорится ниже.

Что же касается воспитанія, то въ этомъ отношеніи существуютъ противоположныя ученія. По мнѣнію одной школы (Джонъ Локкъ, англійскій философъ—врачъ XVII вѣ-

ка), душа новорожденнаго представляетъ листъ бѣлой бумаги, на которой можно написать какой угодно характеръ. По мнѣнію другой школы, люди рождаются съ опредѣленнымъ характеромъ, и послѣдующая жизнь весьма слабо вліяетъ на душевный складъ человѣка. Надо, однако, помнить, что истина лежитъ посрединѣ, и правы тѣ психологи, которые говорятъ, что дитя рождается съ нѣкоторымъ предрасположеніемъ къ тому или иному характеру, каковой формируется впоследствии. Поэтому, наши душевныя особенности формируются въ дѣтствѣ, „подъ вліяніемъ кормилицъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что семья и систематическое воспитаніе, главнымъ образомъ примѣры, создаютъ различныя привычки, изъ коихъ слагается характеръ. Дитя европейца, отданное въ семью дикаго племени, несомнѣнно, получитъ много чертъ, общихъ съ дѣтьми этого племени. Обратное, маленькій дикарь, воспитанный въ семьѣ европейца, во многомъ измѣнится.

Характеръ вырабатывается подъ вліяніемъ очень многихъ мелкихъ обстоятельствъ. Каждое явленіе, каждая мысль, чувство, встрѣча, непріятность, отношеніе окружающихъ, и проч., все это составляетъ атмосферу, насыщаясь которой человѣкъ мало по малу формируется въ опредѣленный типъ. Конечно, въ дѣлѣ подобнаго формировація первенствующее значеніе имѣетъ внутренняя, душевная переработка впечатлѣній въ душѣ самого человѣка. Вотъ почему задача воспитанія сводится къ тому, чтобы означенную переработку поставить на правильный путь, дать полезное направленіе.

Воспитаніе преслѣдуетъ опредѣленныя цѣли, соотвѣтственно которымъ готовится человѣкъ, начиная съ первыхъ же дней сознательной жизни. У кочевыхъ племенъ, всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы дѣти вышли сильными, храбрыми, надежными защитниками своего племени. Одновременно съ физическимъ развитіемъ, усваивались обычаи, которые признавались похвальными, что въ результатѣ давало характеръ. Когда въ Европѣ религіоз-

ные вопросы получили главенствующее значение, юношей начали воспитывать в религиозном направлении. После появления рыцарских орденов, воспитание получило специально военный характер. В общем, каждая эпоха, каждое племя имеют свои воспитательные цели, к которым неуклонно стремятся. Определенные требования создают определенные условия жизни, в зависимости от которых душевные особенности человека получают устойчивость. В настоящее время, профессия тоже оказывает громадное влияние на выработку характера. Длинный ряд однородных занятий, упражнений и душевных настроений, несомненно усиливает некоторые свойства человека, другие же притупляет. Такая переработка совершается быстрее в том случае, когда профессия избрана по природному влечению. Воинственный от природы, попадая в военную службу, укрепит свой холерический темперамент, еще больше разовьет твердый и решительный характер, под воздействием благоприятных для сего впечатлений. Резко обрисованные характеры получают нарицательное имя. Так, напр., если говорят—спартанец, рыцарь, иезуит и т. п., то все знают, какими отличительными свойствами обладает человек указанной группы.

Нынче окончательно признано, что характер человека образуется именно в семье, под воздействием семейного воспитания, т. е. поведения и примера взрослых, семейных традиций, добродетелей или пороков, умственных занятий, профессии и всего того, из чего состоит повседневная жизнь семьи. Семья создает человека,—говорит пословица. „Фиговое дерево, глядя на другое, становится плодоносным“, поэтично выражают арабы влияние семьи.

В семье отец—мозг; мать—сердце. Гармоническое развитие ума, воли, чувства и совести дают самый совершенный характер. Отсюда ясно, что родители в равной мере обязаны развивать характер детей и в равной степени ответственны за развитие характера своих наследников.

Самая главная и существенная задача воспитания заключается в том, чтобы приучить человека к правильному, систематическому и полезному труду, так как именно труд вырабатывает практический и твердый характер. Затем, постоянное и неутомимое трудолюбие начальника незаметно втягивают в работу подчиненных, и, благодаря этому, сильные характеры еще больше крепнут, а неустойчивые и ленивые исправляются. Наблюдения показали, что труд вырабатывает мужество и самообладание,—два качества, наиболее полезные в практической деятельности.

Под „средю“ надо понимать школу, товарищество, общество и свою воинскую часть.

Среда действуют двояко: как пример и как средство самообразования. Пример воспитывает наглядно, при посредстве зрения и слуха, органов наиболее совершенных, а потому очень сильно действующих. Человеку поддается влиянию видимого и слышанного, незаметно перенимает добродетели или пороки своей среды. „Водись с хорошими людьми, и ты будешь в числе их“, говорит английская поговорка. Из педагогики известно, что пример составляет самое главное средство воспитания.

В деле образования, живое слово действительно впечатного. Всякая беседа оставляет в уме следы, которые могут дать то или другое направление мысли в голове слушателя. Хороший совет или счастливая мысль могут совершенно изменить мышление человека, что в результате дает изменение характера.

Казарменная и лагерная жизнь, в среде товарищей по оружию, развивают такие особенности, которые в общем создают тип воинского чина. Из дня в день, незаметно передаются от одного к другому главные свойства военного—мужество, послушание и самоотвержение, если часть правильно воспитана и дух части резко выражен. При обратных условиях, влияние среды будет вред-

ное, въ разной степени, а подъ воздѣйствіемъ вреднаго вліянія неизбежно создаются характеры, непригодные для военнаго дѣла.

Огромное значеніе примѣра видно изъ такой замѣтки французскаго психолога: „когда поручикъ видитъ, что его полковой командиръ стоитъ на вытяжку передъ генераломъ, то извлекаетъ отсюда полезный урокъ насчетъ собственныхъ отношеній къ ротному командиру“.

Что же касается пріобрѣтенія специальныхъ свѣдѣній, дающихъ характеру увѣренность и самостоятельность, то своя воинская часть служитъ наиболѣе совершенной школой. Огромное количество свѣдѣній, практическихъ споровъ и весьма цѣнныхъ совѣтовъ, подсказанныхъ опытомъ, передаются незамѣтно въ простой бесѣдѣ и усваиваются гораздо легче, чѣмъ во время передачи тѣхъ же свѣдѣній въ официальномъ порядкѣ, напр., во время занятій словесностью.

Памятники и живопись даютъ образы великихъ людей. Слѣдовательно, какъ бы создаютъ общество тѣхъ, кому надлежитъ подражать. Видъ памятника или изображенія великаго духомъ воинскаго чина вызываетъ размышленіе о его подвигахъ; мысль невольно получаетъ теченіе, благоприятное для личнаго обновленія и совершенства воина; незамѣтно и непроизвольно зрѣетъ желаніе идти вслѣдъ сподвижнику, которому благодарные потомки создали бессмертность. Подъ воздѣйствіемъ столь благотворнаго вліянія, крѣпнеть и улучшается характеръ того, кто сознательно обращаетъ свой взоръ на изображеніе исторической личности. Но живопись можетъ и разрушить воинскій духъ, можетъ въ сильнѣйшей степени портить характеръ. Последнее наблюдается въ томъ случаѣ, когда живопись даетъ образы безнравственные, уродливые, представляющіе низменныя страсти человѣка.

Книги и журнально-газетная печать образуютъ особый, отвлеченный міръ, неотразимо дѣйствующій на душу чело-

вѣка. Не даромъ говорятъ, что характеръ человѣка легко узнать по книгамъ, журналамъ и газетамъ, которые человѣкъ читаетъ. Печать уподобляется духовному обществу, болѣе доступному и понятному, чѣмъ общество живыхъ людей. Не имѣя убѣдительности живого слова, печать дѣйствуетъ болѣе продолжительное время и, благодаря этому, оставляетъ впечатлѣнія болѣе сильныя и болѣе разнообразныя.

Въ военномъ отношеніи, наибольшее значеніе имѣютъ біографіи выдающихся воинскихъ чиновъ и полковыя исторіи. Тѣ и другія дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, на чувства, вызывая иногда неподдѣльный восторгъ и неудержимое стремленіе подражать любимому герою.

Что же касается журнально-газетной печати и беллетристики, то въ настоящее время въ Европѣ печать эта раздѣлилась на два лагеря—лѣвый и правый. Лѣвая печать умышленно искажаетъ военныя явленія, съ цѣлью дать *отрицательные* образцы, отлично понимая, что такимъ пріемомъ легче всего испортить даже лучшіе характеры. Ежедневно читая все только скверное объ арміи, человѣкъ невольно пропитывается этимъ сквернымъ и прежде всего теряетъ уваженіе къ своей профессіи. Правая печать, желая якобы помочь власти искоренить злоупотребленія,—тоже даетъ исключительно отрицательные типы. Въ результатѣ *вся печать* возводитъ на степень необычайнаго событія каждое ненормальное явленіе, неизбежное въ средѣ многотысячной арміи, по законамъ природы; выставляетъ на показъ, въ видѣ образца, такія отступленія отъ нормы, какія въ дѣйствительности совершенно не выражаютъ внутренняго содержанія арміи. Къ этимъ принципиальнымъ причинамъ прибавились еще два побужденія, весьма некрасиваго свойства. Первое—заработать побольше денегъ, описывая несуществующія въ войскахъ изьяны. Второе побужденіе—путемъ печати пріобрѣсти популярность и составить личную карьеру, описывая свое якобы колоссальное усердіе

при раскрыті злоупотребленій въ военныхъ учрежденіяхъ. Въ общемъ, всѣ сотрудники повременной печати строятъ свое личное благополучіе *на позоръ арміи*, при чемъ позоръ этотъ создается искусственно, съ нарушеніемъ элементарной порядочности.

Можно воскликнуть—что вы дѣлаете, г.г. сотрудники и беллетристы? Неужели вы не понимаете, что только подъ защитою войскъ можно построить свое личное благополучіе! Зачѣмъ же вы разрушаете эту защиту?! Добиваться положительныхъ результатовъ нужно положительными средствами, но никоимъ образомъ нельзя искоренить зло, описывая его на тысячу ладовъ и разнося по всему свѣту семейные недочеты. Самый ярый сотрудникъ, съ пѣною у рта трактующій о растратѣ казенной копѣйки, не позволитъ прикоснуться къ его семьѣ, если жена и дочь этого сотрудника совершаютъ даже гнуснѣйшіе поступки. Но вѣдь мораль то одна для всѣхъ людей; что нехорошо въ арміи, то нехорошо и въ семьѣ. Нельзя касаться и выносить на базаръ семейныхъ явленій, будь они трижды отрицательные, на томъ основаніи, что семья представляетъ отдѣльный міръ и въ семьѣ имѣется отвѣтственный глава. По той же причинѣ, не слѣдуетъ разносить по всему земному шару дурную славу объ арміи, такъ какъ въ составѣ ея находится цѣлый рядъ отвѣтственныхъ начальниковъ, которые могутъ и обязаны искоренять все ненормальное. Газетный гвалтъ, пошлыя нравоученія и клевета не только не помогаютъ начальникамъ, не только не улучшаютъ дѣло, но въ сильнѣйшей степени вредятъ подготовкѣ войскъ, по ихъ прямому назначенію. Давайте войскамъ положительные образцы, возвеличивайте таланты, укрѣпляйте доблесть воинскую, и тогда сама армія, безъ помощи полуграмотныхъ писакъ, выброситъ изъ своей среды все негодное, неотвѣчающее требованіямъ военной службы.

Твердо помните, что армія—это драгоцѣннѣйшая семья, которую всячески надо оберегать и хранить, какъ зеницу ока своего!

Подъ воздѣйствіемъ нескончаемыхъ обвиненій и нападокъ теряется довѣріе и къ своей средѣ, и къ самому себѣ; понижается частная инициатива; является стремленіе оградить себя отъ неприятностей, хотя бы цѣною отказа отъ самонужнѣйшей работы. Въ общемъ, зрѣтъ трусость и формируются *трусливые характеры*. Что можетъ быть хуже?!!

Праздники войсковыхъ частей, празднованіе годовщинъ великихъ событій и юбилеи имѣютъ въ высокой степени полезное значеніе. Подобныя празднества приводятъ въ движеніе всѣ лучшія чувства воинскаго чина; увеличивается дѣятельность воображенія и предъ умственными очами проносятся картины славнаго прошлаго; усиливается внутренняя органическая связь чиновъ части и тогда „полкъ“, какъ нѣчто живое, становится полнымъ господиномъ своихъ послушныхъ сыновъ; крѣпнеть воинская доблесть и гибнуть затаенныя стремленія, не отвѣчающія высокому идеалу могучаго защитника всего сущаго! Несомнѣнно, двинутая съ мѣста торжества въ бой, часть проявила бы героизмъ, во много разъ больше обычнаго! Таково вліяніе военныхъ торжествъ!

Понятно, что вызванное торжествомъ мужество прокладываетъ очень замѣтный нервный путь, по которому легко уже пробѣгаютъ всѣ послѣдующія возбужденія, ведущія къ славѣ! Формируются характеры истинно боевые!

Итакъ, характеръ можно измѣнить къ лучшему, возможно устранить существенные недостатки, если поставить воинскаго чина подъ воздѣйствіе благопріятныхъ условій. Мало того, наблюденія показали, что обыкновенный характеръ можетъ быть переработанъ въ талантъ, путемъ настойчивыхъ упражненій въ данной области. Если человѣкъ добросовѣстно изучитъ свою специальность, напр., военное дѣло, а затѣмъ будетъ столь же настойчиво и добросовѣстно исполнять свои обязанности, то онъ разовьетъ въ себѣ способность доводить свою дѣятельность до высокой

степени совершенства; такая способность и составляет талантъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо помнить, что человѣкъ надѣленъ отъ природы стремленіемъ къ подражанію. Поэтому, какой образецъ данъ для руководства, въ такомъ направленіи воинскій чинъ и будетъ совершенствоваться.

2. *Характеръ расъ.* Въ настоящее время признается три первобытныхъ расы людей:

Бѣлая или Европейская (Кавказская).

Желтая или Монгольская (Азіатская).

Черная или Негритянская (Африканская).

Бѣлая раса отличалась наиболѣе правильнымъ и наиболѣе сильнымъ развитіемъ ума, воли и чувствъ. Поэтому эта раса достигла наибольшаго совершенства въ области душевной дѣятельности: создала возвышенную религію, науки, искусства и поэзію; въ области практической—организовала государственныя и общественныя учрежденія, отвѣчающія культурнымъ потребностямъ человѣка; улучшила жизненную обстановку при помощи техническихъ усовершенствованій.

Въ военномъ отношеніи, бѣлые народы обладаютъ воинской доблестью въ полной мѣрѣ; проникнуты чувствомъ долга до полного самозабвенія, во имя высшихъ идеаловъ; военное искусство создали и усовершенствовали въ предѣлахъ человѣческой возможности.

Изложенное относительно бѣлой расы относится только къ племенамъ, населяющимъ Европу.

Желтая раса отличается преобладаніемъ воли; поэтому она настойчива и неутомима въ мирномъ физическомъ трудѣ; умъ и чувства значительно ниже, чѣмъ у бѣлой расы, вслѣдствіе чего желтые не создали ни наукъ, ни искусствъ. Въ военномъ отношеніи желтая раса болѣе фанатична, чѣмъ мужественна; болѣе хитра, чѣмъ талантлива. Легко поддаваясь страстямъ, желтые на войнѣ проявляютъ ненужную жестокость. Военное искусство желтыхъ основано на подражаніи и не имѣетъ самобытности.

Черная раса наименѣе одарена духовными способностями. Умъ и чувства развиты въ гораздо меньшей степени, чѣмъ у другихъ расъ, и лишены творческой силы; воля не уступаетъ волѣ желтаго человѣка. Наиболѣе слабую сторону черныхъ народовъ составляетъ умъ, непригодный для продуктивной работы, въ культурномъ смыслѣ. Въ военномъ отношеніи черные отличаются большой храбростью, но подъ гнетомъ сильнаго суевѣрія, при неблагоприятныхъ примѣтахъ, легко поддаются паникѣ. Военное искусство чернымъ недоступно.

Соотношеніе трехъ указанныхъ расъ слѣдующее.

Въ физическомъ отношеніи. Бѣлая раса, около 800 милліоновъ, изъ коихъ 400 милліоновъ заняли Европу, лежащую въ умѣренномъ климатѣ, въ высокой степени благоприятномъ для развитія человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ полярной полосѣ и въ тропикахъ физическія условія для европейца измѣняются иногда до полной невозможности даже существовать. На сѣверѣ эскимось, дабы согрѣть свое тѣло, поѣдаетъ ежедневно такое количество мяса и жира, какое европеецъ не могъ бы использовать въ теченіе 20 дней. Кромѣ того, эскимось пьетъ китовую ворвань, какъ мы пьемъ воду. При такихъ условіяхъ абсолютно всѣ силы человѣка расходуются на добываніе пищи и перевариваніе ея въ организмѣ. Для умственной дѣятельности не остается ни времени, ни силъ. Въ тропикахъ, у субъекта бѣлой расы быстро наступаетъ обѣднѣніе крови и истощеніе нервовъ. Отъ этого понижается работа мускуловъ и живость ума; воля значительно ослабѣваетъ. Третье поколѣніе европейца вымираетъ отъ лихорадки. Изложенное убѣждаетъ, что въ полярныхъ странахъ и въ тропикахъ нормальное развитіе бѣлой расы невозможно. Граница бѣлой расы опредѣляется умѣренной полосой земного шара. Населеніе бѣлой расы въ Европѣ удваивается въ 75 лѣтъ.

Рождаемость, напр., у кельтовъ иногда не восполняетъ убыли; громадное число европейцевъ выселяется въ Новый Свѣтъ и въ колоніи. Наконецъ, въ Европѣ все болѣе и болѣе создаются антигигіеническія условія жизни, вслѣдствіе чего понижается физическая крѣпость организма родителей и увеличивается вырожденіе поколѣній.

Желтая раса, около 600 милліоновъ, заняла Азію, расселилась въ умѣренномъ и тропическомъ поясахъ и одинаково приспособилась къ климатическимъ условіямъ обѣихъ полосъ. Занимаясь преимущественно земледѣліемъ, человекъ желтой расы выработалъ воздержанность въ пищѣ и огромную выносливость. Желтая раса удваивается въ 60 лѣтъ.

Черная раса, около 100 милліоновъ, заняла Африку и отлично приспособилась къ жаркому климату. Негры могутъ двигаться по пустынѣ подъ палящимъ солнцемъ въ теченіе трехъ дней безъ пищи и питья. Одна ночь отдыха и немного пищи совершенно восстанавливаютъ силы. У нѣкоторыхъ племенъ черной расы сердце, легкія и ноги такъ развиты, что люди скачутъ между скалами лучше антилопы, а на равнинѣ свободно слѣдуютъ за лошадей, идущей галопомъ. Черная раса удваивается въ 40 лѣтъ.

Въ психическомъ отношеніи. вмѣстѣ душевныхъ силъ, головной мозгъ значительно отличается у различныхъ расъ. Европейецъ, въ среднемъ, имѣетъ мозгъ вѣсомъ 1534 грамма; человекъ желтой расы—1460 граммъ; черной расы—1371 граммъ. Въ частности, австралиецъ—1228 граммъ. Слѣдовательно, мозгъ бѣлаго человека способенъ къ наибольшему совершенствованію, какъ имѣющій больше матеріала для психической работы. Кромѣ этой количественной разницы, изслѣдованія показали, что существуетъ еще очень большое качественное различіе въ достоинствѣ мозга различныхъ расъ. А именно, мозгъ желтой и черной расы не способенъ подняться до силы генія и даже крупнаго таланта, тогда какъ въ средѣ бѣлой расы очень много лю-

дей, одаренныхъ исключительными способностями. Однако, та же особенность мозга создала большую разницу въ другомъ направленіи: мозгъ бѣлой расы силенъ умомъ; мозгъ желтой и черной—инстинктами. Поэтому бѣлая раса даетъ великія изобрѣтенія, дать которыя желтая и черная не можетъ; но примѣнять эти изобрѣтенія, въ предѣлахъ необходимаго, съ цѣлью получить достаточную пользу,—желтая раса можетъ съ успѣхомъ; черная же на такую эксплуатацію пока еще не способна. Но колоссальная сила инстинктовъ чернаго человека видна изъ слѣдующаго примѣра. Въ пустыняхъ Африки, гдѣ европейецъ погибаетъ отъ жажды, негръ способенъ открывать присутствіе подпочвенной воды на очень далекомъ разстояніи: онъ ложится на землю и различаетъ вдали совершенно неуловимые европейскимъ глазомъ пары, которые поднимаются надъ небольшими участками почвы, пропитанной сыростью. Итакъ, умъ бѣлой расы способенъ на великія изобрѣтенія и очень силенъ въ области отвлеченнаго мышленія. Умъ желтой и черной расы выработалъ огромную остроту внѣшнихъ впечатлѣній, быстроту воспріятія и практическія умственные качества, необходимыя для борьбы за существованіе. Европейецъ стремится къ идеямъ и обобщеніямъ; желтый и черный человекъ только къ полезному.

Чувства европейца, облагороженные идеями, достигли высокой степени совершенства. Чувства желтой и черной расы черствы и во многомъ остались въ состояніи свирѣпости.

Воля европейца чрезвычайно расслабляется цивилизаціей и страхомъ за завтрашній день. Этотъ страхъ и даже трусость такъ велики, что европейцы начинаютъ сбиваться въ стада и табуны, подобно звѣрямъ, въ надеждѣ облегчить борьбу за существованіе. Ничѣмъ инымъ, какъ позорной трусостью и недовѣріемъ къ своимъ личнымъ силамъ объясняется успѣхъ социалистическихъ ученій, забастовокъ, революцій и тому подобныхъ насилій, совершенно

не отвѣчающихъ величію духа европейца. Трусость—вотъ основаніе для развитія воли европейца. На такомъ основаніи воля можетъ только ослабѣвать, что повсемѣстно и замѣчается. Не то мы видимъ среди желтыхъ и черныхъ. Ежедневный упорный трудъ желтаго человѣка вырабатываетъ необыкновенную настойчивость въ достиженіи цѣли, къ тому же вполне опредѣленной. Европейскій ребенокъ боится кошки и собаки; желтый ребенокъ подчиняетъ своей волѣ огромнѣйшаго верблюда, заставляетъ его стать на колѣни и слушаться голоса при навьючиваніи. Ни одинъ человѣкъ въ лѣсахъ Суматры, вооруженный однимъ дротикомъ, не отступить передъ нечаяннымъ нападеніемъ тигра. Желтые и черные охотники до змѣй подползаютъ въ одиночку къ своему страшному, ядовитому противнику и смѣло хватаютъ его руками за шейные позвонки. Одно же извѣстіе о нахожденіи въ лѣсу безобиднаго ужа обращаетъ въ бѣгство толпу молодыхъ европейцевъ, вооруженныхъ самыми совершенными револьверами и увѣсистыми палками.

Совѣсть европейца развита далеко за предѣлы необходимаго и въ настоящее время чрезвычайно усложняетъ взаимныя отношенія людей. Безконечные софизмы затемнили истину, а ложная клятва подъ присягой разрушаетъ послѣдніе нравственные устои. Совѣсть желтаго и чернаго, не обремененная противорѣчивыми толкованіями, ясно представляетъ себѣ обязанности человѣка къ Божеству, власти и ближнему. Поэтому въ области совѣсти нѣтъ безконечныхъ тонкостей, но за то нѣтъ и колебаній. Совѣсть спокойна. Таково соотношеніе душевныхъ силъ различныхъ расъ.

Въ военномъ отношеніи—соотношеніе выясняется сравненіемъ физическихъ и духовныхъ особенностей. Въ физическомъ отношеніи европеецъ слабѣе желтаго и чернаго человѣка. Но черный совершенно не можетъ существовать въ Европѣ и погибаетъ отъ легочныхъ болѣзней.

Въ умственномъ отношеніи, европеецъ неизмѣримо выше желтаго и чернаго; превосходитъ вооруженіемъ, которое до послѣдняго времени не было извѣстно желтой расѣ и незнакомо еще черной.

Воля европейца уступаетъ волѣ желтаго и чернаго человѣка. Черная раса подвержена суевѣрному ужасу, что уничтожаетъ волю въ борьбѣ съ европейцемъ, который можетъ искусственно возбуждать суевѣрный страхъ; подобныя явленія наблюдались во время экспедиціи англичанъ въ бассейнъ р. Нигера, въ 1874 году.

Такимъ образомъ, въ вооруженной борьбѣ расъ единственное преимущество европейца надъ желтымъ и чернымъ это—умъ, и, какъ слѣдствіе сего,—лучшая организація вооруженныхъ силъ, лучшее вооруженіе. Но европейцы собственными руками уничтожаютъ эти преимущества. Соперничая въ торговлѣ и гоняясь за рынками, европейцы усиленно снабжаютъ желтыхъ и черныхъ не только оружіемъ, но даже техниками, инструкторами и другими специалистами. Благодаря сему, въ военномъ отношеніи между расами быстро уравниваются матеріальныя средства борьбы, но воля желтыхъ и черныхъ нисколько не ослабляется. Но такъ какъ на войнѣ побѣждаетъ духъ, подъ главенствомъ воли, то слабовольная Европа готовитъ себѣ могилу своимъ хваленнымъ умомъ и своими собственными руками.

Этотъ умъ, затуманенный идеями и жадной золотомъ, забылъ даже кровавое предостереженіе исторіи.

Западная имперія бѣлыхъ была уже разъ покорена и разрушена желтыми. Восточная имперія обращена въ рабство. Татары цѣлые вѣка занимали три четверти Россіи. Турки въ XVII вѣкѣ осаждали Вѣну. Такъ было въ прошломъ. Въ ближайшемъ будущемъ Китай и Японія, благодаря европейцамъ, получаютъ дешевое топливо, добывая его изъ своихъ же каменно-угольныхъ копей, получаютъ желѣзные дороги и всѣ вообще современныя средства сообщенія; заводятъ техническія школы, быть можетъ не столь мно-

гоумныя, какъ въ Европѣ, но совершенно достаточныя, чтобы уничтожить разницу въ вооруженіи; поднимуть промышленность до одинаковой степени совершенства съ Европой.

Какое же преимущество останется въ рукахъ бѣлой расы? Искусство—нѣтъ. Количество населенія—нѣтъ, ибо желтые и черные удваиваются скорѣе бѣлыхъ, какъ выше указано. Духовныя силы—нѣтъ, такъ какъ въ практической дѣятельности наибольшее значеніе имѣетъ воля, а она то слабѣе у европейца, чѣмъ у цвѣтныхъ. Что же останется? стучится въ сознаніе наше тревожный вопросъ.

Отвѣтъ имѣется.

Черная раса, въ силу своей неспособности переносить суровый климатъ Европы, не опасна для бѣлой расы. Иное дѣло—желтые, которые привыкли къ очень большимъ морозамъ. Проникнуть въ Европу воднымъ путемъ желтая раса не можетъ. Остается путь черезъ Сибирь, Кавказъ и Европейскую Россію. Находящіяся въ наибольшемъ удаленіи отъ этого пути кельты заявляютъ: „когда во Франціи рождается одинъ солдатъ, въ Германіи рождается цѣлый полкъ, а въ Россіи цѣлый корпусъ“.

Такъ вотъ на чемъ основана надежда остановить цвѣтныя волны съ Дальняго Востока! Надежда конечно правильная, но зачѣмъ же усиливать боевыя средства этихъ волнъ умомъ европейца, которому грозитъ столь страшная будущность?! Не выгоднѣе ли усилить корпуса и полки своего родного материка?!

Исторія убѣждаетъ, что по мѣрѣ развитія культуры, во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, постепенно объединялись однородные элементы. Въ военномъ отношеніи, для борьбы съ противникомъ объединялись древніе города, затѣмъ объединялись племена, наконецъ, государства. Въ нашу эпоху необходимо объединиться всѣмъ государствамъ Европы противъ остальныхъ материковъ земного шара. Только такое объединеніе сохранить родную намъ

цивилизацию и проложить пути къ дальнѣйшему совершенствованію бѣлой расы.

Миръ, солидарность и военное могущество Европы— вотъ что остановитъ цвѣтныя волны и не допуститъ ихъ затопить бѣлый, самый совершенный оазисъ человечества!

Характеръ племени. Ниже разсмотрѣны только племена бѣлой расы. Характеръ племени представляетъ среднюю величину изъ характерныхъ особенностей всѣхъ людей, даннаго племени. Кромѣ указанныхъ выше условій, формирующихъ характеръ отдѣльнаго человѣка, на развитіе и укрѣпленіе характера и племени оказываетъ вліяніе еще условіе борьбы за существованіе цѣлаго племени. Къ условіямъ борьбы за существованіе отдѣльный человѣкъ приспособляется воспитаніемъ и семейной обстановкой; но цѣлое племя обязано считаться не только съ природой, но еще и съ политическимъ положеніемъ среди сосѣдей. Въ томъ случаѣ, когда условія борьбы за существованіе племени тяжелы,—характеръ укрѣпляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается сплоченность и единеніе, съ цѣлью увеличить силы сопротивленія. Вотъ почему у племени, обладающаго твердымъ характеромъ, всегда сильно развиты чувства взаимной выручки и солидарности. Когда же природа и политическая обстановка не требуютъ постоянного и очень сильнаго напряженія воли для добыванія средствъ къ жизни и для огражденія безопасности, то воля ослабляется, за недостаткомъ упражненій, племя теряетъ работоспособность, и характеръ постепенно становится слабымъ.

Славяне выступили на историческую сцену подъ именемъ венедовъ или вендовъ,—у писателей I и II вв. по Р. Хр. Имя славянъ является впервые у писателей VI вѣка. Надо полагать, что подъ „славянами“ тогда понимали только часть племени, а затѣмъ имя это распространилось и на все племя. Славяне составляютъ наиболѣе многочисленную

арійскую отрасль *бѣлой* расы*). Въ настоящее время славянъ насчитывается около 150 миліоновъ человѣкъ; ежегодный приростъ славянъ около 2¹/₂ миліоновъ человѣкъ. Въ географическомъ отношеніи славянъ сводятъ въ три группы: восточную—русскіе; южную—болгары, сербо-хорваты и славинцы; западную—чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки, кошубы. Въ политическомъ отношеніи, сьорганизовались въ національныя государства только Россія, Сербія, Черногорія, Болгарія, въ составъ коихъ вошли около 77% всѣхъ славянъ, или 115 милліоновъ человѣкъ. Остальные славяне находятся въ составѣ другихъ государствъ. Исторія убѣждаетъ, что подѣ иноземное владычество подпали только тѣ славяне, которые были одержимы духомъ внутренняго раздора, которые личные счеты и споры ставили выше національнаго чувства, а потому не могли сьорганизоваться и отстоять свою политическую, а иногда и національную самобытность. Таково огромное значеніе національной солидарности!

Съ точки зрѣнія психологіи, славяне обладаютъ такимъ же весьма благопріятнымъ основаніемъ для душевной жизни, какимъ обладаютъ и всѣ остальные племена *бѣлой* расы; но подѣ вліяніемъ историческихъ условій не всѣ стороны души славянина развились въ одинаковой степени. Ниже разсмотрѣнъ характеръ только русскіхъ и поляковъ,—двѣ отрасли, имѣющія наибольшее значеніе по содержанію настоящаго труда.

Русская отрасль славянскаго племени заключаетъ три разновидности—великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Русскіе, съ перваго дня исторической жизни въ Европѣ, занимали обширныя земли, покрытыя дремучими лѣсами, прорѣзанныя большими рѣками. Поэтому добываніе пищи и постройка жилищъ не представляли особыхъ затрудненій,

* *Бѣлая* раса дѣлится на три отрасли: арійцевъ—или достойныхъ, высшихъ, въ переводѣ съ санскритскаго слова *Aryas*; семитовъ—потомковъ Сима; хамитовъ—потомковъ Хама.

но требовали физической силы, приучали къ лишениямъ. Земельный просторъ, вмѣстѣ съ суровымъ и холоднымъ климатомъ, вложили въ душу русскаго мечтательность и особаго рода грусть, спокойную и добродушную. Окруженные хотя однообразной, но могучей и таинственной природой, русскіе очень сильно прониклись религиознымъ чувствомъ, соединеннымъ съ покорностью судьбѣ. Всѣ означенныя усповія въ достаточной степени развили умъ и чувство, но для укрѣпленія воли не было подходящей почвы. Вотъ почему воля составляетъ слабѣйшую сторону русской души. Въ области военнаго дѣла, недостатокъ воли восполнялся военной дисциплиной, которая, ссоставляя какъ бы продолженіе дисциплины семейной, объединяла русскіхъ на твердомъ волевомъ основаніи. Историческія событія, какъ то, удѣльное междоусобіе, татарское иго и нескончаемыя войны на три стороны, выработали въ русскомъ необычайно высокія достоинства воина: преданность своей вѣрѣ; преданность князю—монарху; безстрашіе; способность не теряться въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ и даже подбадривать окружающихъ мѣткой шуткой; безпримѣрную способность переносить невзгоды войны: проявлять величіе духа и стойкость въ несчастіи; воинскую доблесть настолько высокую, что, по заявленію одного изъ великихъ полководцевъ запада, русскаго мало убить—его надо еще и повалить!

Неудивительно поэтому, что русскіе покорили ближайшія финскія племена; завоевали Сибирь, Приамурье, Кавказъ, Крымъ, Туркестанъ, Польшу, Литву, Финляндію; неудивительно также, что знамена русской арміи побѣдно развѣвались почти во всѣхъ столицахъ Западной Европы, на высотахъ Альпъ, на крайнемъ сѣверѣ, на равнинахъ Азіи! И совершенно понятно, что столь могучее племя, во главѣ великоруссовъ, раздвинуло границы государства до трехъ океановъ, заняло одну шестую часть суши и образовало единую могучую Имперію!

Поляки — составляют весьма талантливую отрасль славянского племени, но коренные особенности своего племени получили въ душѣ поляка неправильное развитие и значительно нарушили равновѣсіе, полезное для практической дѣятельности. Занимая центральныя области славянской территории, преимущественно бассейнъ рѣки Вислы, мѣста болѣе теплыя и веселыя, чѣмъ Восточная Европа, поляки развили въ себѣ и болѣе веселый, горячій темпераментъ. На этой именно почвѣ созрѣлъ характеръ мягкій, слабый, неуравновѣшенный. Богато одаренный отъ природы, умъ способенъ быстро и удачно схватывать сущность явлений, но, не сдерживаемый волей, — умъ поляка размѣнялся на мелочи повседневной жизни въ границахъ своихъ родичей. За то чувства получили необыкновенно сильное развитие, въ ущербъ другимъ сторонамъ души, особенно за счетъ воли. Чувства поляка, выражающіяся прежде всего въ глубокой привязанности къ родному очагу, даютъ мечтательное настроеніе. Поляки, такъ-же, какъ и русскіе, обладаютъ удивительными свойствами воина; доблесть воинская отличается сильными порывами, но слабой устойчивостью. Легко воспламеняясь и легко создавая себѣ недостижимыя цѣли, поляки лишены практической дѣловитости въ области государственной, а потому не въ силахъ сорганизоваться въ прочное, устойчивое и многовѣковое государство. Такія, напр., славныя страницы въ исторіи Польши, какъ походы подъ Вѣну и Псковъ, составляютъ рѣдкое исключеніе, которымъ, однако, поляки справедливо гордятся, но которые никоимъ образомъ не могутъ равняться съ походами русскихъ къ берегамъ Тихаго океана, къ подножію Гиммалайскихъ горъ, въ Италію — навстрѣчу міровому генію. Наконецъ, въ такіе тяжелые годы испытанія, какъ, напр., смутное время, русскіе легко и властно стряхнули съ себя надвинувшуюся гибель; поляки же при первыхъ ударахъ судьбы собственными руками уничтожили свое историческое наслѣдство.

Слишкомъ сильно развитыя чувства, слабость воли и все историческое прошлое указываютъ, что поляки не могутъ занимать первое мѣсто среди прочихъ отраслей славянского племени. Благоразуміе и личная польза повелительно диктуютъ полякамъ укрѣпить, на почвѣ чувствъ, національную солидарность съ русскими, подчинить свою волю требованіямъ Двуглаваго Орла и затѣмъ идти рука объ руку подъ знаменами той славянской отрасли, которой судьба указала занять господствующее положеніе въ Славянскомъ мірѣ.

Германцы — заняли мѣсто въ Европѣ между славянами и кельтами, вслѣдствіе чего были вынуждены вести борьбу за существованіе на два фронта. Столь тяжелыя условія въ началѣ исторической жизни создали твердую волю. Въ борьбѣ участвовали также и женщины, что превращало семью въ боевую единицу, и это значительно увеличивало семейныя чувства, но на дѣловой почвѣ. Впослѣдствіи, уже въ средніе вѣка, германцы настойчиво и упорно начали развивать свой умъ въ области религіозной и философской и достигли огромныхъ успѣховъ. Позднѣе, въ прошломъ столѣтіи, подъ давленіемъ требованій эпохи, развитие ума было направлено въ сторону утилитарныхъ наукъ, въ область промышленности и земледѣлія. Такимъ образомъ, германцы постепенно подняли свою волю и свой умъ на очень большую высоту, отводя чувствамъ второстепенное мѣсто. Въ общемъ, получился характеръ весьма твердый, самоувѣренный и дѣловитый.

Французы, возродившіеся изъ кельтовъ и галловъ, заняли лучшія по климату и плодородію мѣста Европы, что содѣйствовало образованію веселаго, живого и подвижного темперамента. На такой именно почвѣ сформировался умъ острый, быстрый и воспримчивый. Сильная впечатлительность нервной системы значительно увеличила чувства, а достаточно твердая воля перешла по наслѣдству отъ галловъ. Въ результатѣ получилась изумительная гармонія

душевныхъ силъ, съ окраскою чувствъ. Такой характеръ требуетъ частой смѣны впечатлѣній и постояннаго общенія съ людьми, а взамѣнъ сего выдвигаетъ все новыя и новыя идеи, организуетъ человѣческую мысль.

Англичане—представляютъ весьма счастливое сочетаніе кельтовъ, германцевъ и нормановъ. Несомнѣнно, опасности моря и океана выработали въ англичанахъ необыкновенно сильную волю, а необходимость увеличить небольшія владѣнія и полученная отъ нормановъ страсть къ предпріятіямъ—выработали предприимчивость, инициативу. Добиваясь исключительно практическихъ результатовъ, умъ получилъ практическое направленіе и дошелъ до возможнаго совершенства въ области торговли и промышленности. Постоянная дѣловитость заглушила чувства, замѣнивъ таковыя стремленіемъ къ порядку и личной независимости.

Евреи—принадлежать къ бѣлой расѣ, но къ племени семитовъ. За много столѣтій до Р. Хр. бѣдное пастушеское племя семитовъ Бени-Израиль двинулось изъ глубины Аравіи къ низовьямъ Евфрата, заняло здѣсь пастбища и основалось на много лѣтъ. Но затѣмъ, племя вновь двинулось на сѣверъ, по долинѣ Евфрата, дошло до горной страны Паддамъ-Арамъ, въ верховьяхъ рѣки, и здѣсь опять остановилось на нѣсколько вѣковъ. Отъ верховьевъ Евфрата, племя двинулось на западъ, заняло Ханаанъ и перешло въ Египетъ, откуда вскорѣ вернулось въ Палестину, гдѣ образовало государство, со столицею—Іерусалимъ. Два раза столица подвергалась разрушенію и вновь возобновлялась. Наконецъ, въ первомъ столѣтіи до Р. Хр., римляне совершенно уничтожили самобытное существованіе евреевъ въ Палестинѣ и окончательно разсѣяли ихъ по всѣмъ странамъ. Въ Европу евреи прошли тремя путями—черезъ Кавказъ, по берегамъ Чернаго моря и черезъ приморскіе города Средиземнаго моря. Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, исторія евреевъ.

Во время многовѣковыхъ странствованій евреи смѣшивались съ туземными племенами, хотя въ очень незначительной степени; часто находились въ трагическомъ положеніи и даже на краю гибели. Въ смыслѣ территоріи, у евреевъ три отечества—внутреннія области Аравіи; указанная выше верховья Евфрата—Паддамъ-Арамъ, къ этому второму отечеству очень долгое время тяготѣли потомки Авраама; третьимъ отечествомъ считается Палестина.

Имѣть три отечества, это значитъ—не имѣть ни одного; вѣковое же скитаніе развило изумительную способность приспособляться къ самымъ разнообразнымъ климатамъ. Отсутствіе единого отечества и указанная способность выработали въ еврейхъ территоріальный космополитизмъ. Вотъ почему евреи не любятъ территорію, на которой они живутъ, какъ свою родину, а цѣнятъ землю только какъ объектъ денежной спекуляціи. Но природа требуетъ равновѣсія. Поэтому, за неимѣніемъ земельного единства, въ еврейхъ въ сильнѣйшей степени укрѣпилось единство племенное, подъ воздѣйствіемъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Въ минуту несчастья, человѣку свойственно обращаться за нравственной поддержкой къ лучшимъ людямъ. Таковыми у евреевъ были пророки, которые, дѣйствительно, обладали очень большою наблюдательностью, отлично знали исторію и характеръ своего народа, а потому могли давать благіе совѣты и указанія въ то время, когда другіе впадали въ отчаянье. Тѣ же пророки пытались найти основную причину всѣхъ несчастій еврейскаго племени. Послѣ долгихъ исканій, остановились на мысли, что бѣдствія происходятъ вслѣдствіе смѣшенія евреевъ съ другими племенами и малой духовной устойчивости, малой самобытности племени. Тогда пророки рѣшили совершенно выдѣлить и обособить евреевъ отъ окружающихъ народовъ и создать въ полной мѣрѣ самостоятельное племя. Работа въ этомъ направленіи велась особенно усиленно въ восьмомъ и седь-

момъ столѣтїяхъ до Р. Хр. Прежде всего нужно было создать единую религію, съ очень прочнымъ культомъ. И вотъ, при царѣ Іосїи, 729 г. до Р. Хр. пророки добились, что жертвенники и алтари внѣ Іерусалима были разрушены, священнослужители были умерщвлены. Съ этого времени созданъ былъ единый алтарь въ Іерусалимѣ и, по разъясненію пророковъ,—только въ Іерусалимѣ можно было поклоняться истинному Богу. вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ установленъ довольно сложный культъ и обрядности, которые строго соблюдаются и по настоящее время. Отступившіе отъ своей вѣры предавались смертной казни.

Далѣе, нужно было рѣшить земные вопросы. Прежде всего пророки потребовали совершенно и абсолютно отдѣлиться отъ прочихъ народовъ, а потому браки разрѣшалось заключать только въ своемъ племени; вступившій въ бракъ съ иноплеменной—подвергался смертной казни. Такими, очень суровыми законами достигалась чистота крови; и дѣйствительно, изъ всѣхъ извѣстныхъ племенъ евреи болѣе другихъ сохранили физическія особенности своихъ предковъ. Дабы отдѣлиться отъ другихъ племенъ формально, былъ созданъ искусственнымъ путемъ еврейскій языкъ, которымъ евреи пользуются и въ настоящее время.

Наконецъ, всѣ помышленія евреевъ были направлены къ достиженію матеріальныхъ благъ. Сопоставляя разныя средства,—земледѣліе, промышленность и денежные обороты, предки евреевъ пришли къ заключенію, что болѣе независимымъ и вѣрнымъ средствомъ служить торговля, комиссіонерство и денежные обороты. На этомъ и остановились. Уже въ восьмомъ вѣкѣ до Р. Хр. въ Вавилонѣ былъ еврейскій торговый домъ, подъ фирмою „Братья Эгиби“, который занималъ на востокѣ такое положеніе, какое занимаетъ въ наши дни въ Европѣ домъ Ротшильдовъ. Дабы объединить и прочно спаять всѣ духовныя потребности племени, безъ коихъ немислимо существованіе чловѣка, евреямъ была указана чрезвычайно заманчивая,

въ высокой степени грандіозная цѣль, подсказанная необузданной фантазіей нѣкоторыхъ фанатиковъ-пророковъ, а именно—всемірное господство, на томъ основаніи, что только евреи представляютъ избранный народъ Божій.

Итакъ, современный типъ еврея образовался благодаря совершенному физическому обособленію еврейскаго племени отъ другихъ народовъ, благодаря настойчивой обработкѣ душевныхъ силъ еврея въ узко специальномъ направленіи и систематическому подавленію другихъ душевныхъ сторонъ.

Съ точки зрѣнія психологіи, получаютъ такія опредѣленія: умъ еврея—одностороненъ и всецѣло направленъ на матеріализмъ; поэтому у еврея нѣтъ призванія ни къ философіи, ни къ наукѣ, ни къ искусству, кромѣ музыки. Бываютъ, конечно, исключенія, но таковыя считаются единицами за много тысячелѣтій.

Воля—необыкновенно настойчива и неутомима, но опять таки въ области достиженія матеріальныхъ благъ.

Чувства—очень сильны къ своей семьѣ и своему племени, но весьма враждебны ко всѣмъ остальнымъ народамъ.

Совѣсть—оправдываетъ всякое нарушеніе морали и права въ отношеніи иноплеменниковъ.

Такимъ образомъ, физическое и духовное развитіе евреевъ, а также его современное состояніе направлено къ устойчивому сохраненію племенного единства; въ этомъ отношеніи евреи занимаютъ первое мѣсто настолько, что иноземная культура, въ смыслѣ переработки характера,—на еврея совершенно не дѣйствуетъ. Какимъ былъ еврей за много лѣтъ до Р. Хр., такимъ онъ остается и въ настоящее время.

Что же касается характера еврея въ военномъ отношеніи, то одинъ ученый изслѣдователь сего вопроса заявляетъ слѣдующее: „въ эпоху царей, евреи были такіе плохіе воины, такіе ненадежные солдаты, что ихъ царь

быль вынужденъ поручать оборону страны и свою личную охрану чужеземнымъ наемнымъ войскамъ; въ еврейхъ было такъ мало воинской предприимчивости, къ дальнимъ завоеваніямъ, что одинъ видъ моря пугалъ ихъ“.

Современныя статистическія данныя объ отбываніи евреями воинской повинности убѣждаютъ, что характеръ еврея въ военной области не измѣнился, что доказываетъ огромное число уклоняющихся отъ службы въ войскахъ, хотя бы цѣною личнаго увѣчья. Бываютъ исключенія, что еврей становится въ уровень съ арійцемъ, но чрезвычайная рѣдкость подобнаго явленія доказываетъ справедливость указаннаго выше общаго правила.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Психологія толпы и арміи.

I. Толпа.

Въ настоящее время толпа принимаетъ дѣятельное участіе въ государственной жизни. Воинскимъ же чинамъ приходится часто имѣть дѣло съ толпой. Вотъ почему означенный вопросъ разсматривается въ предлагаемой книгѣ.

Первоначально надо выяснитъ—что такое толпа?

Слово толпа даетъ понятіе собирательное, подъ коимъ понимается собраніе людей. Но можно ли каждое собраніе людей назвать толпою? Очевидно нельзя, такъ какъ люди собираются по разнымъ причинамъ, вслѣдствіе разныхъ побужденій, а потому подобныя собранія получаютъ различную окраску.

Всѣ собранія людей можно раздѣлить на четыре вида: къ первому виду относятся собранія *государственныя*, имѣющія свою организацію и подчиненныя опредѣленной дисциплинѣ. Сюда относятся Думы, Совѣты, Парламенты, ученыя засѣданія, учебныя заведенія, земскія, городскія и другія собранія, съѣзды и проч.

Подобнымъ собраніямъ присвоены спеціальныя наименованія, каковыя даютъ понятіе о цѣли и характерѣ собранія. Дѣятельность указанныхъ собраній заранѣе предрѣшается закономъ, правилами, инструкціями и частными разрѣшеніями государственной власти.

Ко второму виду относятся собранія *общественныя*, не имѣющія организаціи, но подчиненные заранѣе установленнымъ правиламъ, согласно коимъ всѣ лица обязаны соблюдать опредѣленные порядки. Къ числу такихъ собраній относятся молящіяся въ храмахъ и молитвенныхъ домахъ, религиозныя процессіи, народныя гулянья, публика въ театрахъ, разрѣшенные митинги, торжественныя встрѣчи, и т. п.

Къ третьему виду относятся собранія *преступныя*, т. е. такія, которыя имѣютъ организацію и дисциплину, но неразрѣшены закономъ или установленной властью. Преступныя собранія представляютъ собранія лицъ, явно нарушающихъ законы, а потому лица эти должны быть зачислены въ разрядъ явныхъ враговъ государства. Къ числу указанныхъ собраній относятся собранія анархистовъ, социалистовъ, разбойниковъ, воровъ и проч. Участники подобныхъ собраній отвѣтственны двояко: за участіе въ неразрѣшенномъ собраніи, и за свою спеціальную дѣятельность въ преступной организаціи.

Къ четвертому виду относится *толпа* т. е. собраніе разнородныхъ лицъ, не имѣющихъ организаціи и дисциплины.

Такимъ образомъ, существенная разница между видами собранія заключается въ томъ, что два первыхъ вида имѣютъ организацію и дисциплину; третій видъ преступенъ; четвертый—толпа, неимѣетъ организаціи и дисциплины, являясь продуктомъ внезапно назрѣвшихъ обстоятельствъ. Поэтому, душевныя силы людей государственныхъ и общественныхъ собраній работаютъ по общимъ законамъ психологии, т. е. работаютъ нормально и планомерно, въ зависимости отъ цѣли собранія и характера каждаго отдѣльнаго субъекта. Душевныя силы преступнаго собранія работаютъ планомерно, но ненормально и даже болѣзненно, на почвѣ отрицательнаго душевнаго состоянія. Душевныя силы толпы, составляя случайную, безформенную смѣсь, въ коей не имѣется органической связи между отдѣльными побужденіями—работаютъ ненормально и непланомѣрно.

Въ дѣйствительной жизни наблюдаются явленія, что государственное или общественное собраніе можетъ превратиться въ толпу, разъ только собраніе потеряетъ свою организацію и дисциплину. Даже въ храмѣ и парламентѣ собравшіеся могутъ получить всѣ свойства толпы, если потеряютъ органическую связь и планомерность дѣйствій. Ниже разсматривается психологія только толпы.

Дабы понять психологію толпы, необходимо выяснитъ,— въ какой формѣ проявляются въ толпѣ четыре стороны души: умъ, чувство, воля и совѣсть.

Умъ есть духовная сила, познающая предметы и явленія. Дабы познать что либо, необходимо обладать во первыхъ—знаніями, а во вторыхъ—способностью обрабатывать знанія путемъ мышленія. Но мышленіе—это продолжительное напряженіе мозговыхъ центровъ; это правильная, послѣдовательная смѣна однородныхъ мыслей, стремящихся выяснитъ данный вопросъ. Чтобы мышленіе совершалось правильно, требуется спокойствіе, тишина, отсутствіе сильныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и время. Всѣхъ означенныхъ условій для мышленія толпа не имѣетъ; поэтому умъ толпы лишень возможности работать.

Затѣмъ, въ толпѣ находятся люди разнаго умственнаго развитія, обладающіе разными спеціальными свѣдѣніями. Однако, въ толпѣ нѣтъ почвы для проявленія умственныхъ дарованій. Эти послѣднія проявляются въ видѣ разсужденій; но толпа не терпитъ и не переноситъ холодныхъ разсужденій. Кромѣ того, всякія разсужденія, составляющія плоды умственнаго развитія даннаго субъекта, непременно встрѣчаютъ возраженія и критику со стороны лицъ противоположнаго мнѣнія. Слушать скучные споры толпа неспособна, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія. Если же исключить людей, умственно развитыхъ, то въ толпѣ останутся субъекты, умъ которыхъ стоитъ на низкой степени развитія, а потому неспособный къ самостоятельной обработкѣ получаемыхъ впечатлѣній. Въ результатѣ, толпа теряетъ

разумъ и возможность критически отнестись къ явленіямъ и даже къ тому, что говорятъ толпѣ вожаки ея.

Что же имѣется у толпы взамѣнъ ума? Лишенная разума, толпа не можетъ составить себѣ цѣли, къ которой стремится; но безъ всякой цѣли—толпа не станетъ нарушать обычные порядки, не станетъ рисковать жизнью. Очевидно, существуютъ какіе то умовые двигатели, руководящіе толпой. Такими двигателями служатъ предвзятія идеи, навязчивыя мысли. Въ наше время приманкой для толпы служитъ идея равенства и стремленіе равномерно подѣлить между людьми земныя блага. Подобныя идеи прививаются извнѣ и не составляютъ продукта мышленія толпы. Толпа вѣритъ на слово и превращаетъ чужія мысли въ свой собственный кумирь. Въ этомъ болѣе всего обнаруживается отсутствіе разума у толпы, которая не въ силахъ понять собственнымъ разсудкомъ, что не только земныя порядки, но весь міръ основанъ на *неравенствѣ*. Свѣтъ солнца, звѣзды и луны—неодинаковы. Физико-химическое состояніе планетъ,—земли, марса, юпитера и другихъ—неодинаково; вѣрованія, учрежденія, искусства у разныхъ народовъ—неодинаковы; получаемое при рожденія физическое здоровье и красота человѣка неодинаковы; умъ, воля, чувство и совѣсть людей—тоже неодинаковы. Но если абсолютно все, отъ мельчайшихъ атомовъ до колоссальныхъ міровыхъ величинъ, основано и существуетъ на неравенствѣ, то стремленія измѣнить главнѣйшій законъ природы нельзя называть иначе, какъ безумными. Подобныя стремленія безнравственны въ наивысшей степени, во первыхъ потому, что разрушаютъ фундаментъ, на коемъ основана вся земная жизнь человѣка, а во вторыхъ—развращаютъ человѣка до послѣдняго предѣла, такъ какъ коверкаютъ согласованную дѣятельность духовныхъ силъ, выдвигая на первый планъ низменные животныя инстинкты.

„Хлѣба и зрѣлищъ“ — вотъ обычный запросъ ума толпы.

Итакъ, толпа неспособна самостоятельно разсуждать и рѣшать вопросы разумно; дѣйствовать на умъ и разсудокъ толпы путемъ доказательствъ невозможно: толпа не въ состояніи слушать, понять доводы ума. Отсюда выводъ, что дѣятельность толпы—нелогична и неразумна.

Чувства, какъ извѣстно, это состояніе души. Прежде всего необходимо выяснитъ,—на какой же почвѣ слагаются чувства толпы?

Толпа сознаетъ свою физическую силу, какъ слѣдствіе многочисленности. Чѣмъ толпа больше, тѣмъ подобное сознаніе глубже. Сознаніе же силы значительно увеличиваетъ всѣ послѣдующія чувства, дѣлаетъ толпу заносчивой, дерзкой, самоувѣренной. Въ то же время, каждый отдѣльный человѣкъ, теряясь въ толпѣ, какъ личность, сознаетъ, что найти отвѣтственныхъ лицъ за дѣянія толпы невозможно. Сознаніе безотвѣтственности даетъ выходъ дурнымъ побужденіямъ, которыя внѣ толпы скрываются изъ страха наказанія. Наконецъ, толпа въ высокой степени воспримчива, такъ какъ внѣ впечатлѣнія, не сдерживаемыя разсудкомъ, сильно бьютъ по нервамъ, возбуждаютъ и раздражаютъ нервную систему. На такой то почвѣ, въ полной мѣрѣ непригодной для практической дѣятельности, создаются чувства толпы.

Сознаніе силы и могущества двигаетъ толпу къ цѣли стремительно, а наткнувшись на препятствіе,—вызываетъ *ярость*. И дѣйствительно, чувство ярости, превращающее толпу въ дикихъ звѣрей,—явленіе обычное. Чрезвычайно повышенная нервная воспримчивость дѣлаетъ толпу легковѣрной и весьма поддающейся внушенію. Такимъ состояніемъ пользуются опытные вожаки, которые бросаютъ въ толпу свои личныя желанія и въ сильныхъ выраженіяхъ требуютъ исполненія. Неспособная разсуждать, сознающая физическую силу и безотвѣтственность, толпа кидается по указанному направленію, совершаетъ убійства, грабежи, буйства и всякія иныя преступленія, съ общимъ характеромъ бессмысленнаго разрушенія и безобразной жестокости.

Въ общемъ, чувства толпы очень быстро и неожиданно переходятъ въ различныя страсти, т. е. сильнѣйшее душевное напряженіе, лишенное разума и воли, „опустошающее душу и превращающее ее въ развалины“! Страсти ослѣпляютъ человѣка, и въ такомъ состояніи человѣкъ становится рабомъ своихъ чувствъ и вожака толпы.

Итакъ, съ точки зрѣнія чувствъ, толпа является варварской, животной силой, могущей только разрушать и совершенно неспособной къ созидательной работѣ.

Воля—есть духовная сила двигающая, совершающая дѣйствіе. Выше выяснено, что сознательная личность въ толпѣ исчезаетъ, и толпа лишается разума; чувства же, доведенныя до страсти, принимаютъ одно стремительное направленіе, которое, однако, можетъ повернуться въ обратную сторону, безъ всякой видимой причины. Изложенное убѣждаетъ, что толпа впадаетъ въ экстазъ.

Экстазъ—по-русски значитъ—изступленіе; это такое возбужденное состояніе, когда душевныя силы перепутываются, нормальная душевная дѣятельность разстраивается, и человѣкъ теряетъ власть надъ собою, теряетъ волю. Въ экстазѣ человѣкъ не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ, и, находясь въ этомъ личномъ хаосѣ, совершаетъ рядъ непоследовательныхъ, чаще всего бессмысленныхъ дѣйствій, совершенно не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ это дѣлается.

Въ общемъ, находясь въ столь сильномъ возбужденіи, толпа теряетъ волю, становится слѣпой. Но каждый слѣпой требуетъ проводника, за котораго держится. Такимъ проводникомъ, вѣрнѣе—руководителемъ, служитъ вожакъ, въ которомъ сосредотачивается вся воля толпы.

Совѣсть—это духовная сила, которая указываетъ человѣку хорошее и дурное. Весь міръ знаетъ, что отъ толпы нельзя ждать чего либо *хорошаго*. Вотъ оцѣнка совѣсти толпы.

Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Несомнѣнно, въ толпѣ находятся лица добродушныя, сердечныя, нравствен-

ныя; но рядомъ съ ними стоятъ люди жестокіе, пьяницы, безстыжіе, извращенные, озлобленные, эгоисты и проч. Соединеніе столь разнородныхъ элементовъ приводитъ къ тому, что хорошія качества уничтожаются дурными. Мало того, такъ какъ эгоистическихъ побужденій въ человѣкѣ больше, чѣмъ гуманныхъ, то злыя инстинкты берутъ верхъ,—толпа утрачиваетъ представленіе о хорошемъ, становится рабомъ дурного. Даже въ парламентахъ, когда депутаты, нарушивши дисциплину, превратятся въ толпу,—немедленно начинаются дикія сцены разрушенія и драки, что указываетъ на совершенное паденіе нравственныхъ началъ, паденіе совѣсти. Но если возможны подобныя явленія въ толпѣ, состоящей изъ лучшихъ людей, то чего можно ожидать отъ уличной толпы, состоящей изъ людей, несомнѣнно худшихъ, чѣмъ депутаты?

Въ общемъ, толпа болѣе склонна ко злу, чѣмъ къ добру. Отсюда ясно, что въ толпѣ совѣсть *молчитъ*.

Итакъ, если суммировать всѣ душевныя побужденія толпы, то получится характеръ ея. Характеръ этотъ слѣдующій: толпа—неспособна разсуждать, въ высокой степени злобно-страстна, весьма измѣнчива въ своихъ чувствахъ, безвольна, лишена совѣсти, какъ нравственнаго регулятора. Характеръ не симпатичный и зловредный. Вотъ почему у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи, толпа признавалась за явленіе уродливое, нарушающее нормальную жизнь государства.

Вожакъ толпы занимаетъ совершенно обособленное положеніе. Вожакъ служитъ центромъ ума и воли толпы; поэтому обѣ эти стороны души у вожака должны быть развиты въ сильнѣйшей степени. Иначе вожакъ очень скоро не только лишается вліянія на толпу, но становится по смѣшищемъ и даже рискуетъ потерять жизнь. Изъ двухъ душевныхъ силъ, ума и воли, у вожака болѣе развита воля; поэтому вожаки люди дѣйствія, а не разсужденій. Подчиняться сильной волѣ—это природа толпы. Предвзятая идея

у вожака должна быть одинакова съ идеей толпы, иначе получится абсолютное непониманіе другъ друга. Что же касается чувствъ, то таковыя у вожака еще болѣе возбуждены, еще ярче выражены, чѣмъ у толпы. Только при такомъ условіи вожакъ можетъ дѣйствовать на толпу своими дѣйствіями, своими рѣчами. Сила же слова экзальтированнаго вожака настолько велика, что по его указаніямъ толпа готова совершить самыя постыдныя дѣянія. Совѣсть вожака молчитъ столь же упорно, какъ и у толпы, что необходимо для согласованности дѣйствій.

Соотношеніе вожака и толпы слѣдующее: толпа возбуждена; котель находится подъ давленіемъ пара, но еще не открыта заслонка, долженствующая выпустить паръ. Куча пороха приготовлена, но никто не поднесъ къ ней огня, чтобы ее воспламенить. Но вотъ подымается чело-вѣкъ, слышится крикъ вожака: „смерть такому-то, врагу народа!“ или: „освободить такого-то, друга бѣдныхъ!“—толчекъ данъ, заслонка открыта, порохъ воспламененъ. Толпа начинаетъ дѣйствовать въ сильнѣйшемъ изступленіи, звѣреподобно, совершенно утрачивая обликъ чело-вѣка!

Въ настоящее время опредѣлились два типа вожаковъ: вожакъ идеи и вожакъ власти.

Первый—самъ вѣрить въ идею, во имя которой ведетъ толпу; идетъ къ цѣли смѣло, безумно; увлекаетъ массы неудержимо. Вожакъ идеи занимаетъ первое мѣсто въ толпѣ и готовъ погибнуть вмѣстѣ съ ней. Вожакъ власти—эгоистъ, лицемеренъ, трусливъ, не ведетъ, а посылаетъ толпу разрушать, надѣясь на развалинахъ создать свою личную власть, свое личное благополучіе. Управляя массою издалика, прячась за спиною переднихъ бойцовъ, вожакъ власти немедленно бросаетъ толпу при первой неудачѣ и позорно скрывается, съ цѣлью избѣжать личной отвѣтственности.

Во всякомъ, однако, случаѣ и вожакъ идеи, и вожакъ власти одинаково составляютъ умъ и волю толпы, а потому одинаково отвѣтственны за дѣянія таковой.

Все изложенное убѣждаетъ, что толпа и ея дѣятельность составляетъ государственное зло, нарушающее нормальную жизнь народа; зло это необходимо предупреждать и уничтожать. Дабы предупредить зло, надлежитъ прежде всего выяснить природу толпы, т. е. ея *основныя свойства*. Познавши таковыя, каждый здравомыслящій чело-вѣкъ самъ убѣдится, что толпа, по своей природѣ не имѣетъ возможности осуществить идею, ради которой она собирается и дѣйствуетъ, не можетъ улучшить своего личнаго существованія силою кулака. Въ спокойномъ состояніи, чело-вѣкъ легко пойметъ всю нелѣпость притязаній толпы и позорную роль раба въ рукахъ вожаковъ. Затѣмъ, слѣдуетъ выяснить, что даже стихійныя силы, какъ, напр., землетрясеніе, наводненія, ураганы—не могутъ измѣнить законовъ природы, а даютъ только разрушенія, которыя приходится потомъ исправлять, съ громадными затратами времени и средствъ. Сила же толпы во много разъ меньше стихійной, а потому объ измѣненіи законовъ природы не можетъ быть рѣчи. Зачѣмъ же нарушать нормальный ходъ жизни и даже производить разрушенія? Очевидно, что дѣятельность толпы измѣнить ничего не можетъ, а только ухудшить положеніе, такъ какъ вызоветъ непроизводительную трату времени и средствъ. Бѣдствія народныя отъ неразумной силы толпы возможно предупредить, если каждый участникъ толпы хотя сколько нибудь подумаетъ о томъ, что онъ собирается дѣлать. Наконецъ, необходимо внушить, что улучшенныя формы общежитія людей, такъ называемая цивилизація, подъ коей надо понимать вѣрованія, учрежденія, искусства, создана творческимъ умомъ *отдѣльныхъ* лицъ, а не толпою, и что всѣ эти творенія составляютъ достояніе *всего народа*. Поэтому кучка недовольныхъ и озлобленныхъ людей не имѣетъ нравственнаго права портить или уничтожать все то, что создано другими и принадлежитъ народу, а не толпѣ. Относительно государственныхъ учреждений, якобы мѣшающихъ толпѣ достиг-

нута благополучія, можно сказать слѣдующее. Учрежденія— есть безплотный, духовный порядокъ, созданный вѣками. Порядокъ этотъ только *исполняется* современниками, но не создается ими. Поэтому данное, напр., чиновное лицо въ такой же мѣрѣ отвѣтственно за родъ и характеръ извѣстнаго учрежденія, какъ и сама толпа, ибо учрежденіе это создавали предки и чиновниковъ, и толпы. Вотъ почему изливать злобу на существующее учрежденіе несправедливо, безнравственно и бессмысленно. Древніе римляне отлично это понимали и оставили завѣтъ: „сохраняй—совершенствуя“.

Этотъ удивительно практической совѣтъ связываетъ настоящее съ прошлымъ, и только при такомъ условіи можетъ получиться хорошее будущее. Толпа, дѣйствуя неразумно, забываетъ благой совѣтъ народа, нѣкогда владѣвшаго міромъ, требуетъ будущаго, безъ всякой связи съ настоящимъ и прошлымъ. Но какъ невозможно уничтожить два первыхъ состоянія, такъ и невозможно создать блага безъ всякой связи съ исторической жизнью своего народа.

Попытка великой французской революціи порвать съ прошлымъ и начать жизнь на новыхъ основаніяхъ привела государство на край гибели. Къ счастью для Франціи, судьба послала ей величайшаго генія, желѣзная рука котораго остановила разрушеніе толпы. Безъ Наполеона I, Франція, какъ государство, была бы растерзана и кончила бы свое самостоятельное существованіе. Таковы неизбѣжныя послѣдствія работы толпы, по природѣ своей неспособной къ созидательному творчеству.

Въ Россіи, когда въ смутное время организація государства и дисциплина пошатнулись, весь народъ превратился въ толпу, со всѣми характерными особенностями, въ числѣ коихъ значителенъ стремленіе разрушить, но не создавать. И дѣйствительно, исторія говоритъ, что никто иной, а всевозможныя разновидности русской же толпы довели Россію до ужасающаго состоянія, довели ее до рубежа, за

которымъ лежала пропасть. Присяга небольшой русской толпы иноземному государю ясно обозначила дорогу къ гибели. Къ счастью для Россіи, государственная власть олицетворилась въ лицѣ Михаила Ѳеодоровича, нравственный авторитетъ котораго оказался неизмѣримо выше разрушительныхъ стремленій колоссальной толпы. Подъ скипетромъ очень молодого, но могучаго душевной чистотою царя, Россія вновь сьорганизовалась, быстро восстановила государственную дисциплину, что вернуло народу разумъ, чувства, волю и совѣсть.

Народъ русскій какъ бы прозрѣлъ, глядя на величайшій образецъ душевныхъ достоинствъ. Такова сила примѣра.

Толпа была побѣждена; государство спасено.

Безъ этого быть бы русскому народу подъ державою различныхъ государствъ четырехъ странъ свѣта; и гнуть бы спину русскій славянинъ подъ игомъ иноземной власти!

Два историческихъ примѣра, число коихъ можно увеличить до безконечности, указываютъ, сколь вредна и гибельна дѣятельность толпы. Такой характеръ дѣятельности составляетъ *нравственную обязанность* вызывать войска для обузданія толпы; составляетъ *нравственное основаніе* дѣйствовать силою оружія, дабы остановить зло, грозящее всенароднымъ бѣдствіемъ.

Каково же соотношеніе толпы и воинской части на психической почвѣ?

Въ присутствіи войсковой части, т. е. организованной и вооруженной силы, толпа теряетъ сознаніе своей собственной силы, фундаментъ своего превосходства, теряетъ источникъ своихъ страстей. Разсудокъ и воля до нѣкоторой степени возвращаются; чувства охлаждаются; совѣсть начинаетъ подсказывать, что можно, и чего нельзя дѣлать. Душевное состояніе толпы начинаетъ приходить въ равновѣсіе. Еще небольшое усиленіе сознанія,—и толпа начинаетъ

расходиться. Это отлично понимают вожаки и фанатики толпы. Сознавая невозможность открытой борьбы, вожаки направляют всё усилія уничтожить главнѣйшее оружіе воинской части—дисциплину и сплоченность. Для сего агитаторы и нѣкоторые субъекты изъ толпы настойчиво стремятся смѣшаться съ войсками, войти въ среду нижнихъ чиновъ, втереться въ ряды войскъ, разстроить воинскую часть. И дѣйствительно, лишь только среди воинскихъ чиновъ, находящихся въ строю, окажется хотя одинъ штатскій, сію же минуту нервы строя ослабляются, наступаетъ реакція того напряженнаго состоянія, въ какомъ находятся нижніе чины, готовые дѣйствовать оружіемъ. Совершается нѣчто неуловимое, но для воинской доблести гибельное. По неизвѣданнымъ еще нервамъ, начинается духовное общеніе между воиномъ и штатскимъ; начинается нейтрализація душевнаго состоянія обѣихъ сторонъ. Обѣ стороны смѣшиваются и, какъ слѣдствіе сего, — воинская часть выходитъ изъ рукъ начальника. Опытный ротный командиръ никогда не допуститъ къ своей ротѣ не только толпы, но даже одиночныхъ людей, прекрасно понимая и чувствуя, что авторитетъ и довѣріе къ начальнику стремительно падаютъ отъ прикосновенія штатской руки.

Конечно, въ воинской, а слѣдовательно дисциплинированной части разсудокъ работаетъ въ должной степени, работаетъ даже усиленно, подъ вліяніемъ многочисленныхъ впечатлѣній. Поэтому воинскіе чины отлично понимают все безуміе и вредъ толпы, которая стремится достигнуть благъ земныхъ посредствомъ разрушенія и насилій. Но дабы сохранить ясность ума воинской части и обаяніе оружія, безусловно необходимо держать толпу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ части. Тогда создается пропасть, морально непроходимая, весьма выгодная для дѣла. Воинская часть начнетъ побѣждать толпу силою своего духа; толпа, сдерживая свои страсти подъ угрозою оружія, — скорѣе одумается.

Буйство толпы своего рода заразная болѣзнь, которая можетъ довести до гибели даже цѣлое государство, какъ это удостовѣряютъ историческія событія. Отъ буйства толпы страдаетъ прежде всего бѣднѣйшій классъ населенія, питающийся поденнымъ заработкомъ. Разрушая этотъ заработокъ, толпа обрекаетъ ни въ чемъ неповинныхъ людей на страшныя мученія и даже на голодную смерть.

Объ этомъ воинскіе чины и толпа должны всегда помнить, находясь другъ противъ друга.

Но если указанное выше духовное воздѣйствіе войскъ не достигаетъ цѣли, то воинская часть *нравственно обязана*, во имя общаго блага, возстановить порядокъ силою оружія, дабы этимъ, повторяю, остановить всенародное бѣдствіе. Неизбѣжныя при этомъ единичныя жертвы, спасутъ тысячи благомыслящихъ людей отъ вѣрной гибели.

II. Армія.

По установленному выше порядку, первоначально надо опредѣлить понятіе, а затѣмъ уже его изслѣдовать. Поэтому необходимо выяснитъ, что такое армія?

Армія—есть государственная, вооруженная, сухопутная сила, организованная изъ современныхъ данной эпохи средствъ борьбы, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ человекъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія психологіи, армія представляетъ организованное собраніе людей, вполне дисциплинированныхъ. Организация и дисциплина сообщаютъ арміи всѣ особенности живого организма, душевныя силы котораго могутъ работать нормально и планомѣрно. Работа этихъ силъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Умъ, или духовная познающая сила, даетъ арміи специальную военную подготовку, на почвѣ общихъ законовъ психологіи. Въ мирное время подготовка состоитъ въ приобрѣтеніи специальныхъ познаній, въ изученіи средствъ

борьбы. Благодаря систематическимъ занятіямъ, армія умственно развивается въ области своей спеціальной задачи, своихъ обязанностей. Въ военное время армія выполняетъ свое назначеніе—стремится къ побѣдѣ, при чемъ дѣйствуетъ на противника силою своего духа и силою оружія. Комбинированіе двухъ этихъ силъ составляетъ военное искусство. Основаніемъ такого искусства служить прежде всего умъ, умственное развитіе.

Военное искусство, какъ и всякое иное, слагается изъ двухъ большихъ отдѣловъ—творчества и техники. Подъ творчествомъ надо понимать соединеніе или сочетаніе средствъ борьбы въ наилучшемъ отношеніи, въ зависимости отъ данной цѣли. Каждый воинскій чинъ, отъ рядового до главнокомандующаго включительно, примѣняетъ данныя ему средства борьбы на почвѣ своего умственного развитія. Но творческая часть военного искусства сосредоточена, главнымъ образомъ, въ умахъ начальниковъ. Чѣмъ начальникъ выше, тѣмъ область творческой дѣятельности больше. Въ лицѣ военного министра и главнокомандующаго воплощается все творчество арміи.

Техника военного искусства заключается въ томъ, чтобы въ полной мѣрѣ использовать техническія свойства и особенности каждаго средства борьбы—ружья, пушки, сабли, обозовъ, парковъ и проч.

Изложенное убѣждаетъ, что въ арміи, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, умъ или познавательная духовная сила работаетъ въ опредѣленномъ направленіи неустанно, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи. Слѣдовательно, съ психологической точки зрѣнія, дѣятельность арміи въ области ума—сознательна, логична и разумна.

Чувства арміи тоже основаны на общихъ законахъ психологіи, но войскамъ прививаются и укрѣпляются только благородныя чувства, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ чувство долга и чести.

Въ мирное время чувства расходуются на исполненіе службы, безъ особеннаго напряженія, но въ такихъ же самыхъ формахъ, въ какихъ они проявляются въ военное время, а именно—въ видѣ взаимной выручки, воинской солидарности, командованія, подчиненія, любви къ отечеству, безстрашнаго выполненія долга и т. п. Въ мирное время воинское честолюбіе, создающее воинственность, выражается въ войскахъ желаніемъ выдѣлиться отличнымъ исполненіемъ службы, опрятностью, весельемъ, бодрымъ и молодецкатымъ видомъ, который лучше всего убѣждаетъ, что въ воинскомъ чинѣ дѣйствительно живетъ „здоровая душа“. Чувство бодрости и веселья, конечно естественнаго, а не вызваннаго алкоголемъ, составляетъ почву, на которой быстро и роскошно вырастаютъ всѣ другія чувства, связанныя съ военнымъ дѣломъ.

Во всякое время, надъ всѣми душевными побужденіями должно господствовать чувство побѣды, чувство наступленія, мужества и всѣ разновидности его—храбрость, стойкость, воодушевленіе, энтузіазмъ. На театрѣ военныхъ дѣйствій, въ арміи появляется новое чувство, а именно—жажда славы. Чувство это служитъ могучимъ двигателемъ, который создаетъ героизмъ. Понятно, что подобное чувство не слѣдуетъ разрушать насмѣшками и кличкой „карьеристъ“. какъ это, къ сожалѣнію, часто практикуется. Карьера на полѣ сраженія создается цѣною собственной жизни, а такой путь непременно ведетъ къ побѣдѣ. Вотъ почему боевая карьера пользуется наибольшимъ почетомъ и даетъ наиболѣе блестящую славу.

Военная психологія указываетъ, что чувства въ арміи должны быть не только благородны, но непременно еще прочны, стойки. Безъ этого будутъ происходить въ душевномъ настроеніи войскъ колебанія, весьма вредныя для дѣла.

Итакъ, съ точки зрѣнія чувствъ, армія является могучей духовной силой, въ высокой степени благородной и наиболѣе совершенной. Изъ всѣхъ существующихъ собра-

ній людей только одна армія, съ музыкой и пѣснями, отдаетъ свою жизнь, во имя блага всего народа. Есть за что поклоняться арміи и превозносить ее превыше всѣхъ остальныхъ организацій и сословій въ государствѣ!

Воля, какъ двигающая сила, составляетъ основаніе всякой дѣятельности, а военной—въ особенности. Въ арміи существуетъ воля двухъ видовъ: общая—въ лицѣ военного министра или главнокомандующаго, и частная—въ лицѣ всѣхъ остальныхъ воинскихъ чиновъ, преимущественно частныхъ начальниковъ.

Военный министръ и главнокомандующій, при содѣйствіи воинской дисциплины, объединяютъ волю отдѣльныхъ лицъ въ одну общую волевою силу, которую направляютъ къ избранной цѣли. Въ отрядахъ и отдѣльныхъ воинскихъ частяхъ волю подчиненныхъ объединяетъ старшій начальникъ. Создается такимъ образомъ органическая зависимость воли исполнителей отъ воли распорядителей. Эта зависимость выражается прежде всего тѣмъ, что энергія, твердость и настойчивость подчиненныхъ повышаются или ослабляются, соотвѣтственно такимъ же колебаніямъ воли старшаго начальника.

Общая твердая воля даетъ всѣмъ чинамъ душевное равновѣсіе, что позволяетъ увѣренно распоряжаться и дѣйствовать, въ зависимости отъ обстановки. Слабая воля лишаетъ армію устойчивости, что выражается многочисленными контръ-приказаніями. Но приказанія и контръ-приказанія создаютъ беспорядокъ, разрушаютъ планомѣрность дѣйствій, раздробляютъ духовныя силы и матеріальныя средства борьбы. Въ такомъ состояніи, армія или отдѣльный отрядъ идетъ къ намѣченной цѣли не сосредоточенно и планомѣрно, а враздробь, безсистемно.

Общая твердая воля даетъ побѣду или выводитъ войска изъ положенія, казалось бы совершенно безвыходнаго. Сраженіе подъ руководствомъ начальника, обладающаго твердой волей, если не приведетъ къ успѣху, то во вся-

комъ случаѣ избавить отъ катастрофы. Общая слабая воля ведетъ къ неудачамъ и можетъ закончиться общей гибелью. Вотъ почему лучше стадо барановъ подъ командою льва, чѣмъ стадо львовъ—подъ командою барана.

Частная воля служитъ основаніемъ частной инициативы. Выше выяснено, что частная инициатива—это духовная волевая сила, которая создаетъ рѣшимость частныхъ начальниковъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, на свою личную отвѣтственность. Подчиненный, обладающій частной инициативой, исполняетъ распоряженіе *по духу*, т. е. въ зависимости отъ общаго распоряженія, но и въ строгой зависимости отъ обстановки. Подчиненный, не обладающій частной инициативой, исполняетъ распоряженія *по буквѣ*, безъ всякаго соотношенія къ обстановкѣ. Такое механическое исполненіе, безъ участія разума, очень вредно отражается на общемъ ходѣ дѣла.

Частная инициатива создаетъ полезную активность; отсутствіе инициативы—создаетъ вредную пассивность.

Въ общемъ, частная инициатива во много разъ увеличиваетъ силу арміи, дѣйствуя какъ множитель. Отсутствіе частной инициативы во много разъ уменьшаетъ силу арміи, дѣйствуя какъ дѣлитель, который вредно разлагаетъ волевою работу старшаго начальника.

Въ виду такого колоссальнаго значенія частной инициативы, всѣ проявленія таковой должны поощряться, а страхъ личной отвѣтственности необходимо искоренять рѣшительными средствами. Даже неудачное проявленіе частной инициативы надлежитъ разъяснять, но не ставить въ вину, дабы не подрывать увѣренности исполнителей. Но бездѣйствіе, нерѣшительность, опасеніе за послѣдствія, развивающія въ войскахъ *трусость*, составляютъ величайшее зло, которое должно быть устранено возможно скорѣе и рѣшительнѣе.

Частная инициатива проявляется во всѣхъ отдѣлахъ военного искусства: въ бою, въ хозяйственныхъ операціяхъ,

по санитарной части, въ дѣлѣ развѣдки и проч. Нѣтъ ни одной работы, въ коей нельзя было бы использовать частную инициативу. Современныя многотысячныя арміи занимаютъ столь огромныя позиціи, что на каждомъ участкѣ создается своя частная обстановка, требующая широкаго примѣненія частной инициативы. Но тѣ же многотысячныя арміи обслуживаются многими и очень сложными хозяйственными органами, для коихъ очень часто и во многихъ мѣстахъ театра военныхъ дѣйствій создается частная обстановка, требующая отъ чиновъ хозяйственнаго разряда широкаго проявленія частной инициативы. Безъ таковой, армія не получитъ своевременно средствъ, необходимыхъ для жизни и боя. Отсюда ясно, что современныя условія войны требуютъ творчества не только въ боевой, но и хозяйственной области. Поэтому всякія отношенія, имѣющія цѣлью оградить интересы казны, но связывающія частную инициативу, приносятъ арміи колоссальный вредъ и могутъ довести до катастрофы. Такъ, напр., если не доставить своевременно снаряды и патроны, то армія можетъ быть безнаказанно разстрѣляна съ близкаго разстоянія. Если не подвезти своевременно продовольствія, то армія можетъ быть вынуждена отказаться отъ геніальнаго стратегическаго плана или геніальной диспозиціи для боя.

Частная инициатива въ области стратегіи и тактики совершенно убивается наказаніями за неудачное проявленіе энергіи; понижается неумѣстной критикой; связывается такими точными распоряженіями, которыя предрѣшаютъ каждый шагъ подчиненнаго во время исполненія данной ему задачи. Дабы использовать частную инициативу, необходимо указать подчиненному цѣль, дать ему соотвѣтственныя средства для достиженія цѣли, напомнить главнѣйшія требованія военного искусства и предоставить все остальное частной инициативѣ подчиненнаго.

Частная инициатива чиновъ хозяйственнаго разряда убивается *трусостью* потерять казенный рубль въ хозяй-

ственныхъ операціяхъ, хотя хозяйственный рискъ столь же неизбеженъ, какъ и тактической; понижается недоверіемъ и подозрѣніемъ по адресу хозяйственной дѣятельности; связывается необычайно сложными правилами контроля и ревизіи, причѣмъ и контроль и ревизія поручаются гражданскимъ лицамъ, которыя не имѣютъ возможности понять очень сложную военную обстановку. Провѣрять же расходы внѣ обстановки, это все равно—что разбирать бой безъ позиціи и свѣдѣній о противникѣ.

Итакъ, въ арміи общая воля сосредоточена въ лицѣ старшихъ начальниковъ въ формѣ командованія; частная воля разредоточена среди подчиненныхъ, въ формѣ частной инициативы. Слѣдовательно, всѣ безъ исключенія воинскіе чины, на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи, *обязаны* разумно проявлять волю, съ цѣлью достигнуть общаго успѣха—боевого или хозяйственнаго.

Совѣсть—этотъ внутренній регуляторъ въ сознаніи человѣка, даетъ представленіе о нравственномъ и безнравственномъ, о правдѣ и неправдѣ; указываетъ, что надлежитъ дѣлать и отъ чего слѣдуетъ воздержаться.

Въ области совѣсти, дѣятельность арміи оцѣнивается двояко: съ точки зрѣнія общей нравственности, и съ точки зрѣнія морали профессиональной. По ученію психологіи, совѣсть развилась изъ чувства стыда. На почвѣ общей совѣсти, что стыдно и совѣстно въ дѣяніяхъ человѣка вообще, то стыдно и совѣстно въ дѣяніяхъ воинскаго чина. Понятіе о нравственномъ и безнравственномъ устанавливается у cadaго народа отдѣльно, и въ разныя эпохи выражалось различно, въ зависимости отъ цивилизаціи. Напр., понятія спартанцевъ о чужой собственности были совершенно иныя, чѣмъ у афинянъ, и прямо противоположныя современнымъ понятіямъ.

Воинскій чинъ, вступая въ ряды арміи, приноситъ съ собою такую совѣсть, какую онъ приобрѣлъ въ своей средѣ, до поступленія на службу. Въ арміи совѣсть значительно

улучшается, такъ какъ воинскій чинъ получаетъ воинское воспитаніе на почвѣ исключительно высоко-нравственныхъ идей и представлений. Находясь подъ контролемъ среды, проникнутой самой совершенной моралью, воинскій чинъ естественно перенимаетъ эту мораль и отрѣшается отъ понятій безнравственныхъ. Такова общая совѣсть воинскаго чина.

Профессиональная совѣсть развивается въ зависимости отъ характера военного искусства въ данную эпоху. Такъ, напр., было время, когда отравы, пытки, необычайная жестокость оправдывались совѣстью потому, что подобныя средства признавались необходимыми для одержанія побѣды. Но когда окрѣпло сознаніе, что для торжества оружія требуется только торжество духа, а не матеріи, понятія о средствахъ и приѣмахъ борьбы значительно измѣнились, и профессиональная совѣсть стала иначе оцѣнивать дѣянія воинскихъ чиновъ.

Въ наше время господствуютъ взгляды, что для успѣха требуется подчинить себѣ только волю противника, а не его тѣло, при чемъ для достиженія цѣли разрѣшается примѣнять строго необходимыя средства и приемы, чуждыя жестокости и сродныя гуманности. Такъ, напр., современное военное искусство вовсе не задается цѣлью непременно побольше убить людей. Напротивъ, военное искусство признаетъ, что раненые въ рядахъ арміи противника гораздо выгоднѣе убитыхъ. Раненые отвлекаютъ изъ строя очень большое число здоровыхъ, уменьшая боевую силу строевыхъ частей; увеличиваютъ нестройной элементъ въ тылу; создаютъ очень много хлопотъ и заботъ; вызываютъ огромные расходы. Если бы изобрѣли оружіе, которымъ наносились бы только раны, то такое оружіе было бы самымъ совершеннымъ, съ точки зрѣнія военного искусства.

Въ европейскихъ арміяхъ профессиональная совѣсть коснулась прежде всего раненыхъ, и согласно женеvской кон-

венціи 1864 г., гуманное отношеніе къ раненымъ, безъ различія національностей, стало обязанностью европейскихъ армій. Совѣсть армій древнихъ и среднихъ вѣковъ, а также совѣсть армій не европейскихъ, оправдывала и нынѣ оправдываетъ, напр., поголовное истребленіе раненыхъ, обращеніе плѣнныхъ въ рабство или принесеніе плѣнныхъ въ жертву божеству; уродованіе раненыхъ и плѣнныхъ, и т. п. Совѣсть современныхъ армій запрещаетъ и осуждаетъ подобное отношеніе къ противнику.

Величайшимъ образцомъ профессиональной совѣсти служить наказъ русской арміи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, данный въ руководство Маньчжурскимъ арміямъ, во время русско-японской войны. Наказъ этотъ проникнуть небывалой до сихъ поръ гуманностью не только въ области матеріи, но даже въ области духа. Такъ, напр., запрещалось объявлять, что никому не будетъ пощады! Подобное объявленіе создавало только моральный гнетъ, совершенно не касаясь физической природы человѣка. Тѣмъ не менѣе, и въ области духа, всякое насиліе, чуждое рыцарской почвы, было воспрещено.

Въ частности, означенный выше наказъ давалъ слѣдующія указанія.

„Воюешь съ непріятельскими войсками, а не съ мирными жителями. Рази врага въ честномъ бою. Безоружнаго врага, просящаго пощады, не бей. Уважай чужую вѣру и ея храмы. Когда окончилось сраженіе, раненаго жалѣй и старайся по мѣрѣ силъ помочь ему, не разбирая—свой ли онъ или непріятельскій. Раненый уже не врагъ твой“.

Далѣе—войска должны уважать жизнь и честь обывателей непріятельской страны, ихъ семейныя и имущественныя права, а также религію и обряды вѣры.

Во время военныхъ дѣйствій запрещалось употребленіе яда или отравленнаго оружія, а также употребленіе снарядовъ, способныхъ причинить излишнія страданія. Объявлять, что никому не будетъ пощады, разрушать или

захватывать непріятельскую собственность, за исключеніемъ имущества, имѣющаго значеніе военной добычи; отдавать на разграбленіе населенные пункты, и проч.

Въ общемъ, наказъ русской арміи въ полной мѣрѣ выражаетъ профессиональную совѣсть современныхъ армій, точно указывая, что дозволено и что запрещается во время военныхъ дѣйствій.

Если суммировать изложенное, то не трудно убѣдиться, что совѣсть арміи, какъ общая, такъ и профессиональная, вырабатывается и укрѣпляется практически, подъ неослабнымъ руководствомъ начальниковъ, на почвѣ весьма опредѣленныхъ законовъ. Поэтому совѣсть арміи является духовнымъ регуляторомъ, весьма устойчивымъ и вполне опредѣленнымъ. Повинуясь такому регулятору, преданная своему Верховному Вождю и знаменамъ, армія не можетъ совершать безнравственныхъ дѣяній.

Указанная выше психологія опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ характеръ арміи, какъ собранія людей: армія—сознательна и разумна; проникнута самыми высокими благородными чувствами; обладаетъ твердой волей, прекрасно организованной; руководствуется самыми совершенными нравственными велѣніями совѣсти. Въ общемъ, характеръ въ полной мѣрѣ благородный и симпатичный, заслуживающій поклоненія.

Ниже рассмотрѣно соотношеніе духовныхъ силъ арміи къ государству, къ другимъ органамъ государства и къ матеріальнымъ средствамъ борьбы.

Соотношеніе между арміей и государствомъ.

а) Исторія убѣждаетъ, что безъ арміи государство не можетъ образоваться, а въ дальнѣйшемъ—не можетъ развиваться и существовать.

б) Въ виду такой зависимости, могущество арміи— есть могущество государства; гибель арміи—гибель государства.

в) Цивилизація, т. е. вѣрованія, учрежденія и искусства, возможны только подъ покровомъ арміи.

г) Армія развиваетъ и укрѣпляетъ въ человѣкѣ всѣ четыре стороны души, и при томъ исключительно въ положительномъ, высоко-нравственномъ направленіи. Поэтому армія составляетъ отличную школу для усовершенствованія душевныхъ силъ человѣка. Военная служба закаляетъ характеръ и даетъ привычки, весьма полезныя для практической дѣятельности на другомъ поприщѣ, внѣ арміи.

Соотношеніе арміи къ другимъ органамъ государства.

Войска идутъ на вѣрную гибель во имя общаго государственнаго блага. Военскіе чины, повинуясь долгу, отдаютъ свое здоровье и свою жизнь. Указанный кровавый долгъ возлагается только на армію. Вотъ почему, въ душевномъ отношеніи, армія представляетъ величину, совершенно обособленную отъ всѣхъ остальныхъ государственныхъ учреждений. Создается особое міровоззрѣніе—военное и гражданское; создается особый складъ ума, особый кругъ понятій, совершенно невѣдомый штатскимъ лицамъ. Штатскій никогда не пойметъ военнаго, а потому гражданскія лица не могутъ составить правильнаго заключенія о дѣятельности воинскаго чина. То, что для воинскаго чина составляетъ основу его дѣятельности—боевая обстановка, совершенно недоступна пониманію штатскихъ лицъ. На войнѣ— обстановка командуетъ. Обстановка слагается изъ многочисленныхъ и весьма сложныхъ боевыхъ условій и обстоятельствъ, среди коихъ приходится дѣйствовать арміи и отдѣльнымъ чинамъ ея. Означенныя условія можетъ понять только военный, и притомъ обладающій достаточной научной и практической подготовкой. Если же не понимать обстановки, то какимъ же образомъ можно понять и оцѣнить дѣятельность военнаго чина?

Изложенное приводит къ заключенію, что въ правовомъ и психическомъ отношеніи армія должна представлять совершенно самостоятельный организмъ, который всецѣло подчиняется Верховному Вождю только черезъ военнаго министра или главнокомандующаго. Участіе гражданскихъ лицъ въ дѣлахъ арміи недопустимо, ибо два міровоззрѣнія — военное и штатское — совершенно несоизмѣримы. Перепутываніе этихъ міровоззрѣній можетъ вызвать недоразумѣнія, очень вредныя для дѣла и опасныя для государства. Опасность заключается въ томъ, что войска привыкають подчиняться гражданскимъ лицамъ, чуждымъ воинской дисциплинѣ, что вноситъ въ сознаніе военныхъ чиновъ вредное разномысліе.

Такъ, напр., въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, въ маѣ 1911 года, гражданскіе сановники воспротивились назначенію на должность военнаго министра генерала на томъ основаніи, что военный генералъ обратитъ исключительное вниманіе на *боевую* подготовку арміи, и не станетъ выдвигать на высокія должности людей, за ихъ вѣрность социалистическимъ идеямъ. Очевидно, штатскіе сановники не понимали, что вносить въ войска политику, это значитъ вести армію къ разрушенію и позорной гибели. Такова колоссальная разница во взглядахъ даже на основные вопросы военнаго дѣла.

Величайшій греческій ораторъ Демосѣенъ въ необычайно красивыхъ рѣчахъ, съ высоты трибуны, насмѣхался надъ аѣнскимъ народомъ, осуждая нерѣшительность и трусость его. Но попавши въ бой при Херонеѣ, 338 г., поспѣшно бѣжалъ съ поля сраженія; во время бѣгства, запутавшись въ чертополохѣ, Демосѣенъ, внѣ себя отъ страха, неистово кричалъ: „пощади!“.

Такова колоссальная разница между гражданскимъ краснорѣчіемъ на военныя темы и боевой дѣйствительностью. Очевидно, что при существованіи подобной разницы, военный и штатскій не могутъ понять другъ друга, да и нѣтъ надобности въ этомъ.

Государство представляетъ огромнѣйшій и весьма сложный организмъ, въ коемъ имѣются многочисленныя спеціальныя органы. Для правильной дѣятельности государства требуется, чтобы каждый органъ работалъ самостоятельно, искусно и добросовѣстно, въ области своей спеціальности, не мѣшая своему сосѣду. Вмѣшательство же одного органа въ работу другого неизбежно нарушитъ планомѣрность этой работы, создастъ тренія и вредно отразится въ моральномъ отношеніи. Подобно тому, какъ въ организмѣ челоуѣка всѣ органы обязаны другъ другу помогать, такъ и всѣ части государственнаго механизма должны быть солидарны между собою. Въ этомъ заключается духовное единство государства. Но какъ голова не можетъ вмѣшиваться въ работу рукъ, не имѣя къ тому средствъ, такъ и штатскія лица не могутъ вмѣшиваться въ работу арміи.

Каждому органу, каждому чину, военному и штатскому, отведено свое мѣсто, и вся задача, съ психической точки зрѣнія, заключается въ томъ, чтобы каждый былъ *на своемъ мѣстѣ*. Только при такомъ условіи возможна продуктивная и планомѣрная работа. Общей же связью между военными и гражданскими учрежденіями и лицами, общимъ основаніемъ для нихъ служить государство, т. е. Верховная власть, народъ, территория, а въ личныхъ сношеніяхъ — общечеловѣческія обязанности и правила общей морали. Но лишь только дѣло коснется спеціальности, то военные и штатскіе должны быть строго раздѣлены, для общей пользы.

Всѣ учрежденія обязаны только *помогать* арміи въ достиженіи боевой цѣли, при чемъ помощь эту необходимо оказывать въ той формѣ, и въ такомъ размѣрѣ, какіе опредѣлены закономъ и заявлены *самой арміей*.

Соотношеніе арміи и населенія. Въ Россіи дѣйствуетъ уставъ о воинской повинности 1874 года. Согласно уставу, воинская повинность общеобязательна въ томъ очень узкомъ смыслѣ, что воинской повинности подлежатъ все мужское поколеніе, но только способное носить оружіе. Отношеніе-

же къ арміи всѣхъ остальныхъ подданныхъ въ уставѣ не опредѣлено. Постановка вопроса не совсѣмъ правильна.

Прежде всего, воинскую повинность надо установить не только общеобязательную, а *всеобщую*. Иными словами, всѣ безъ исключенія подданные, какъ-то: мужчины и женщины; старые, молодые и даже дѣти; здоровые, калѣки и даже выздоравливающіе, всѣ *поголовно* обязаны прежде всего — давать арміи людей, способныхъ носить оружіе, а во вторыхъ — оказывать содѣйствіе, въ мѣрѣ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ. Такія обязанности возлагаются на поданныхъ, гдѣ бы они ни находились: въ своемъ ли отечествѣ, или за предѣлами его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежало бы точно выяснитъ, что всеобщая воинская повинность не составляетъ какое то одолженіе государству или правительству, о чемъ трактуютъ нынѣ даже ученые корпорации, но составляютъ *личную выгоду* каждаго подданнаго въ такомъ же смыслѣ, какъ страховка собственной жизни или своего имущества. Безъ арміи государство существовать не можетъ, а слѣдовательно безъ арміи немислимо личное благосостояніе каждаго порознь подданнаго. Поэтому, если подданныя желаютъ пользоваться благами земными, то прежде всего они обязаны организовать защиту этихъ благъ, а именно—*всеобщими силами* организовать и содержать армію.

Это практичная постановка вопроса. Но безъ духовныхъ побужденій человѣка жить не можетъ. Въ области военной, духовныя побужденія выражаются нравственной потребностью нормальнаго человѣка защищать *Престоль*, олицетворяющій народную душу, достоинство, честь и славу отечества.

Воспитанные въ указанномъ духѣ, подданные несомненно стремились бы помогать арміи, въ доступныхъ размѣрахъ и формѣ. Подобное сознаніе можетъ прививаться и развиваться только уставомъ *всеобщей воинской повинности*.

Соотношеніе душевныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ борьбы.

Исторія неопровержимо доказываетъ, что побѣждаетъ *воинскій духъ*, а не оружіе. Хотя существуетъ зависимость между качествомъ оружія и духомъ войскъ, но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе такой зависимости. Конечно, лучше вооруженная армія получаетъ нѣкоторое преимущество надъ противникомъ; однако, разница вооруженія должна быть очень значительной, чтобы заглушить нравственный элементъ въ войскахъ плохо вооруженныхъ. Использовать въ полной мѣрѣ то, что имѣется, дѣло военного искусства; войска же обязаны твердо помнить, что прашъ въ рукахъ пастуха, воодушевленнаго страстнымъ чувствомъ побѣды, гораздо дѣйствительнѣе совершеннаго оружія Голиафа. По словамъ величайшаго военного генія, три четверти успѣха зависятъ отъ моральныхъ силъ, и только одна четверть отъ матеріальныхъ средствъ борьбы.

Съ точки зрѣнія военной психологіи, наибольшее значеніе имѣютъ вопросы о воинской дисциплинѣ и воинской доблести. Вопросы эти разсмотрѣны въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Воинская дисциплина.

Вотъ центральный вопросъ военной психологіи, а между тѣмъ, вопросъ этотъ въ наукѣ совершенно неизслѣдованъ. Даже не установлено, что надлежитъ понимать подъ словами „воинская дисциплина“. Ниже даны разъясненія на почвѣ основныхъ психологическихъ положеній, отвѣчающихъ требованіямъ военнаго дѣла.

По буквальному толкованію, слово дисциплина значить — ученіе, учиться. Уже въ глубокой древности, подъ словами, равнозначущими современному слову дисциплина, дѣйствительно понимали всю систему обученія и воспитанія, съ цѣлью получить хорошаго бойца, воина, солдата. Началось, конечно, съ дисциплины семейной, и прежде всего—въ охотничьихъ племенахъ, дѣятельность коихъ требовала спеціальныхъ приемовъ, строя тожъ, и послушанія въ борьбѣ съ опасными, сильными и многочисленными хищниками.

Тогда впервые же зародилось и окрѣпло сознаніе, что единство и согласованность дѣйствій составляетъ главное условіе успѣха въ каждой массовой борьбѣ. Естественно поэтому, что все то, что подходило подъ понятіе о единствѣ и согласованности, было тоже включено въ понятіе о дисциплинѣ. Отсюда произошло требованіе подчинить дисциплинѣ однородную дѣятельность также и отдѣльныхъ лицъ, работающихъ не въ массѣ, а вдали отъ таковой. Въ общемъ, мало по малу, въ кругъ понятія о дисциплинѣ была включена вся физическая и духовная дѣятельность людей, коимъ

дано одно дѣло, поставлена одна общая цѣль. Такимъ путемъ создалась дисциплина духовенства, дисциплина воинская, школьная, фабричная, купеческая, политическихъ партій и пр. Означенный очень краткій очеркъ пути, на которомъ появилась и затѣмъ развивалась дисциплина, вообще, убѣждаетъ, что самое главное, самое существенное назначеніе дисциплины заключается въ томъ, чтобы *объединять* и направлять усилія многихъ лицъ къ единой цѣли.

Однако, существуетъ огромная разница между дисциплиной гражданской и дисциплиной воинской. Первая стремится объединить, установить порядокъ и полнѣе эксплуатировать силы человѣка, съ цѣлью дать тому же человѣку лучшія условія жизни и благополучіе, какъ оно понимается въ данной средѣ и обществѣ; воинская же дисциплина служить могучимъ двигателемъ достигнуть цѣли кровавыми средствами, не для себя лично, а во имя общей государственной пользы. Вотъ эта то колоссальная разница въ конечномъ стремленіи даетъ огромную разницу въ назначеніи, примѣненіи и формѣ дисциплины гражданской и дисциплины воинской.

Ниже рассмотрѣна только воинская дисциплина.

Человѣкъ состоитъ изъ двухъ половинокъ: физической и духовной. Такъ какъ въ массовой работѣ требуется объединить и физическую силу, и духовныя стремленія, то естественно, что воинская дисциплина распадается на два вида: физическую и духовную.

Физическая дисциплина прежде всего объединяетъ всѣ средства борьбы въ одно цѣлое, въ одинъ физическій организмъ, который носитъ наименованія въ мирное время—Военнаго Вѣдомства, въ военное время—Арміи, подъ главенствомъ главнокомандующаго. Физическая дисциплина объединяетъ человѣка, лошадей, орудія, ружья, лопату, повозки и всѣ вообще одушевленные и неодушевленные предметы, которые признаны необходимыми или полезными для военнаго дѣла и включены въ число средствъ борьбы. Физиче-

ское объединение начинается съ элементарнаго соединенія двухъ тѣлъ, при посредствѣ чувства локтя—въ пѣхотѣ; чувства стремени—въ кавалеріи; чувства интервала—въ артиллеріи; чувства соразмѣрности величинъ и линій—въ инженерномъ искусствѣ; чувства нагрузки и дистанці—въ обозахъ. При помощи означенныхъ чувствъ, устанавливается необходимое и полезное физическое соотношение элементовъ, составляющихъ средства борьбы, и какъ, слѣдствіе сего,—объединяется дѣятельность мускуловъ, металла, дерева, разныхъ инструментовъ и проч. Если въ строю будетъ нарушена физическая дисциплина, то сейчасъ же начнется несогласованность физической работы, что, конечно, не можетъ содѣйствовать успѣху. Вотъ почему маловажная на первый взглядъ утрата, напр., чувства локтя или стремени; утрата чувства соразмѣрности укрѣпленій на позиціи—должны быть устранены немедленно, иначе въ дальнѣйшемъ развитіи непременно доведутъ до утраты физической дисциплины, а затѣмъ до неудачи. Первичныя единицы соединяются въ единицы большаго состава, въ такъ называемыя войсковыя части. Но соединяя, напр., нѣсколько ротъ въ батальонъ; полки—въ дивизію, опредѣляется взаимное соотношеніе между войсковыми единицами, въ видѣ интерваловъ и дистанцій. Физическая дисциплина требуетъ строго соблюдать установленное соотношеніе, иначе получится толпа, а не воинская часть. Той же дисциплинѣ подчиняется всякая дѣятельность, направленная къ наиболѣе выгодному использованию опредѣленныхъ предметовъ; напр., говорятъ—„дисциплина огня“, „дисциплина инженерныхъ работъ“, „дисциплина нагрузки обозовъ“ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ дисциплиной понимается наиболѣе выгодное объединеніе данныхъ предметовъ, для достиженія ближайшей частной цѣли. Опытъ убѣждаетъ, что наилучшіе результаты получаются въ томъ только случаѣ, когда объединеніе производится въ строгомъ порядкѣ, на почвѣ физической дисциплины; чѣмъ эта

дисциплина т. е. чѣмъ объединеніе предметовъ производится точнѣе, тѣмъ работа продуктивнѣе.

Въ дополненіе къ изложенному, необходимо сказать нѣсколько словъ относительно церемоніальнаго марша, парадовъ и хожденія ящикомъ на ученіяхъ большихъ войсковыхъ частей. Всѣ означенные вопросы получили въ настоящее время неправильное и для военнаго дѣла весьма опасное освѣщеніе, а именно. Три указанныхъ вида дѣятельности въ мирное время признаются утратившими значеніе потому, что глубокія сомкнутыя колонны не имѣютъ примѣненія на современныхъ поляхъ сраженія. Въ виду сего хожденіе, напр., ящикомъ является непроизводительной тратой времени. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Основное положеніе военнаго искусства слѣдующее: двигаться врознь, драться—вмѣстѣ. Однако, современный бой ведется тоже по типу одиночнаго боя, тоже врознь. Спрашивается,—гдѣ и когда войска могутъ приучаться чувствовать физическое объединеніе, чувствовать тяготѣніе къ физическому единству? Если обученіе вести „врознь“, то воинскіе чины никогда даже не увидятъ „массы войскъ“, не увидятъ того физическаго объединенія, къ которому они должны стремиться въ бою. Продолжительныхъ походныхъ движеній въ мирное время не производятъ; обученіе ведется „врознь“; хожденіе ящикомъ не практикуется. Откуда же можно получить впечатлѣніе „массы“? Не получивши такого впечатлѣнія, трудно составить представленіе умозрительно о физическомъ объединеніи большаго количества войскъ. Но къ такому именно объединенію долженъ стремиться каждый воинскій чинъ, дабы сражаться вмѣстѣ. Вотъ почему необходимо еще въ мирное время выработать тяготѣніе къ массѣ, выработать навыкъ объединяться, не взирая на то, что фактически приходится дѣйствовать въ разсыпномъ строѣ и сильно разомкнутыми рядами. Цѣль можетъ быть достигнута такими упражненіями мирнаго времени, когда войска объединяются въ большія массы и

опытнымъ путемъ вырабатываютъ привычку стремиться къ объединенію. Такими упражненіями служатъ: церемоніальный маршъ, парады и хожденіе ящикомъ большихъ массъ.

Независимо сего, церемоніальный маршъ имѣетъ еще одно психическое значеніе. Дѣло въ томъ, что воинская часть очень скоро перенимаетъ характеръ своего начальника. Вотъ этотъ то характеръ въ полной мѣрѣ обнаруживается во время церемоніального марша. Выправка людей, сноровка, навыкъ держаться вмѣстѣ сразу показывается; находится ли часть въ рукахъ своего начальника или распущена. Опытный глазъ безошибочно опредѣлитъ, по неуловимымъ примѣтамъ церемоніального марша,—степень боевой готовности роты, батальона, полка.

Изложенное показываетъ, что упражненія большими сомкнутыми массами мирнаго времени развиваютъ и укрѣпляютъ физическую дисциплину, безъ которой невозможно достигнуть объединенія, невозможно выработать навыкъ драться вмѣстѣ.

Итакъ, физическая дисциплина объединяетъ *всѣ предметы* въ физическомъ отношеніи, при помощи интерваловъ, дистанцій и вообще такого соотношенія между предметами, какое признано необходимымъ и полезнымъ для военнаго дѣла.

Духовная дисциплина—объединяетъ всѣ *духовныя силы* человѣка. Средствомъ объединенія служатъ особыя, такъ сказать—спеціальныя виды дѣятельности души. Средства эти черпаются изъ указанныхъ выше четырехъ областей душевной жизни, а именно:

Изъ области *ума*—размышленіе, что одинъ человѣкъ всегда слабѣе многихъ людей, слабѣе массы, приводитъ къ сознанію, что только въ единеніи съ другими пріобрѣтается непреодолимая сила. Размышленіе о томъ, что въ такой очень сложной работѣ, какъ война, требуются спеціальныя и весьма разнообразныя свѣдѣнія, каковыхъ каждый въ отдѣльности воинскій чинъ не имѣетъ, приводятъ къ со-

знанію личной слабости. А сознаніе своей слабости заставляетъ искать помощи и содѣйствія знающихъ людей, что естественно ведетъ къ объединенію. Напр., пѣхота ждетъ помощи отъ артиллеріи; артиллерія требуетъ личной защиты отъ пѣхоты. Подобныя стремленія всецѣло основаны на постигаемыхъ умомъ свойствахъ родовъ оружія и полезности соединія таковыхъ.

Изъ области *воли*—подъ вліяніемъ численности, дающей увѣренность въ своихъ силахъ, энергія и настойчивость увеличиваются, воля крѣпнетъ. Въ то же время, лишь только соберется нѣсколько человѣкъ, преслѣдующихъ одну общую цѣль, немедленно обнаруживается потребность организовать работу, что приводитъ къ установленію командованія и подчиненія. И дѣйствительно, даже въ случайной толпѣ сейчасъ же появляется вожакъ, который служитъ выразителемъ желаній толпы и которому толпа повинуется, иногда до фанатизма. Посредствомъ командованія и подчиненія воля отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ часть, объединяется и создается единая, огромная волевая сила.

Изъ области *чувствъ*—прежде всего чувство долга въ части значительно увеличивается и переходитъ даже въ непреодолимую страсть. Чувствуемый тысячами сердець—воинскій долгъ превращается въ колоссальный моральный двигатель, который господствуетъ надъ всѣмъ духовнымъ складомъ отдѣльныхъ лицъ. Чувства этихъ послѣднихъ поглощаются чувствомъ массы. Духъ войскъ значительно поднимается, такъ какъ колебанія и малодушіе нѣкоторыхъ субъектовъ исчезаютъ подъ воздѣйствіемъ массы. Повышается также чувство взаимной выручки, такъ какъ при со-вмѣстной работѣ весьма наглядно обнаруживается польза взаимной помощи. Наконецъ, воодушевленіе можетъ достигнуть своего крайняго предѣла только въ массѣ, которая въ состояніи возбужденія теряетъ способность считаться съ препятствіями.

Изъ области *совѣсти*—въ воинской части создается взаимный контроль, очень быстрая оцѣнка дѣятельности каждаго, создается коллективная совѣсть, направляющая къ героизму.

Выше выяснено, что каждая изъ сторонъ душевной жизни вѣдаетъ специальной областью душевныхъ явленій. Конечно, такая дѣятельность не является въ организмѣ человѣка обособленной; напротивъ—всѣ четыре области соединены между собой нераздѣльно и каждая порознь оказываетъ неотразимое вліяніе на всѣ остальные, въ разной формѣ, въ разной степени. Но дабы получить болѣе точное опредѣленіе, что такое духовная дисциплина, необходимо взять изъ массы душевныхъ явленій главнѣйшія, взять такія, которыя выражаютъ сущность вопроса, сущность основной идеи. Такими главнѣйшими отдѣлами душевной дѣятельности, съ точки зрѣнія воинской дисциплины, служатъ долгъ, командованіе и подчиненіе.

Итакъ, духовная дисциплина объединяетъ прежде всего воинскій *долгъ*, т. е. чувство побѣды и *волю*, т. е. стремленіе къ побѣдѣ, на почвѣ повелѣній сверху, и послушанія снизу.

Выше выяснена сущность двухъ видовъ дисциплины—физической и духовной. Но воинская дисциплина *одна*. Спрашивается, подъ какимъ же общимъ флагомъ, подъ какимъ общимъ опредѣленіемъ соединяются эти два вида дисциплины?

Въ отвѣтъ предлагается такое опредѣленіе:

Воинская дисциплина—это духовная сила, которая объединяетъ всѣ средства борьбы въ одинъ живой организмъ, на почвѣ долга, командованія и послушанія.

Вотъ наиболѣе правильное опредѣленіе воинской дисциплины, съ точки зрѣнія военной психологіи.

Можно возразить,—значить, умъ и совѣсть не нужны для воинской дисциплины?

Напротивъ, не только нужны, но безусловно необходимы, однако входятъ въ дисциплину не главными составными частями, а какъ регуляторы долга. Безъ участія ума и совѣсти выполнить долгъ совершенно немыслимо; каждое дѣйствіе, хотя бы оно было указано совершенно точно, требуетъ участія ума—для выполненія, и совѣсти—для контроля.

Данное опредѣленіе воинской дисциплины вполне отвѣчаетъ требованіямъ науки; но опредѣленіе это не можетъ быть предъявлено къ исполненію въ научной формѣ. Исполнителямъ должны предъявляться требованія въ формѣ закона, понятнаго каждому воинскому чину, даже никогда не слышавшему о существованіи военной психологіи. Нельзя, напр., давать мастеру, изготовляющему ружье, научныя формулы, опредѣляющія свойства металла, дерева и проч. Мастеру необходимо предъявить осязательныя, вполне реальныя условія относительно длины ружья, калибра, наръзовъ и т. п.

Въ нашемъ законѣ имѣется опредѣленіе воинской дисциплины въ формѣ точныхъ, вполне понятныхъ указаній, какъ оно и должно быть въ каждомъ практическомъ дѣлѣ.

Ниже разсмотрѣно это опредѣленіе закона и сдѣлано сравненіе съ опредѣленіемъ научнымъ.

Формальное опредѣленіе воинской дисциплины.

Воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами.

Военно-психологическія основы такого опредѣленія.

Правила, предписанныя военными законами, устанавливаютъ весь укладъ военнаго дѣла, опредѣляютъ всѣ обязанности воинскихъ чиновъ, опредѣляютъ мѣсто и назначеніе каждому предмету. Отсюда ясно что пер-

вая половина формальнаго опредѣленія говоритъ о томъ физическомъ и духовномъ единеніи, о связи всѣхъ средствъ борьбы, о коей сказано въ приведенномъ выше научномъ опредѣленіи воиской дисциплины. Но такъ какъ правилъ, предписанныхъ закономъ, очень много и не всѣ эти правила имѣютъ для военнаго дѣла одинаковую цѣнность, то столь общее требованіе, какое предъявляется первой половиной формальнаго опредѣленія воинской дисциплины, было бы тоже мало понятно исполнителямъ. Вотъ почему, на почвѣ общихъ требованій исполнять всѣ вообще военные законы, предъявляются требованія въ болѣе понятной формѣ, что видно изъ нижеслѣдующаго.

Поэтому, она обязываетъ точно и безпрекословно исполнять приказанія начальства, строго соблюдать чинопочитаніе, сохранять во вѣренней командѣ порядокъ, добросовѣстно исполнять обязанности службы и

Вторая половина уже опредѣленно говоритъ, какіе преимущественно законы надлежитъ понимать подъ воинской дисциплиной; это именно тѣ законы, которые опредѣляютъ правоотношенія начальниковъ и подчи-

не оставлять проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія.

ненныхъ, это законы командованія и послушанія. Такимъ образомъ, вторая половина формальнаго опредѣленія даетъ именно ту организацію волевыхъ силъ, о которой заявляетъ военная психологія.

Разъ только главная цѣль военной службы указана общими законами, а цѣль эта—побѣда подъ своими знаменами, то остается организовать или соединить волю всѣхъ воинскихъ чиновъ въ одну—единую волевою силу, дабы достигнуть главной цѣли военной службы,—побѣды.

Требуемая организація достигается законами о командованіи и послушаніи.

Указанное сопоставленіе приводитъ къ заключенію, что существующее въ нашихъ законахъ формальное опредѣленіе воинской дисциплины находится въ полномъ согласіи съ научными опредѣленіями, установленными военной психологіей.

Воинская дисциплина составляетъ главнѣйшее основаніе военнаго дѣла; безъ этого основанія средства борьбы не могутъ быть соединены въ одинъ организмъ, не могутъ быть приведены въ дѣйствіе. Слѣдовательно, безъ воинской дисциплины существованіе вооруженныхъ силъ въ государствѣ немыслимо. Но выше указано, что безъ арміи существованіе государства невозможно. Вотъ почему смѣло

можно утверждать, что воинская дисциплина есть основа бытія самого государства. Такова огромная важность, колоссальное значеніе воинской дисциплины.

Всѣ народы, во всѣ эпохи отлично понимали, что паденіе воинской дисциплины составляетъ весьма тревожный признакъ въ государствѣ. Вотъ почему всегда и вездѣ принимались рѣшительныя мѣры держать воинскую дисциплину на должной высотѣ.

Необходимо коснуться двухъ понятій, входящихъ въ составъ воинской дисциплины, а именно—о воинской субординаціи и воинскомъ чинопочитаніи.

Слово *субординація*, въ переводѣ на русскій языкъ, значить—подчиненіе. Казалось бы, что подчиненіе составляетъ вторую половину указаннаго выше опредѣленія воинской дисциплины. На самомъ же дѣлѣ, это не совсѣмъ такъ. Какъ извѣстно, въ войскахъ установлена лѣстница начальствующихъ лицъ, и каждой должности опредѣленъ закономъ кругъ обязанностей и правъ. Воинская субординація заключается въ томъ, чтобы распоряженія и донесенія отдавались и представлялись непременно по командѣ, т. е. въ порядкѣ постепенности, сверху внизъ и обратно, не перескакивая командныхъ ступеней. Такой порядокъ необходимъ для ориентировки всѣхъ начальствующихъ лицъ по данному вопросу; необходимъ для того, чтобы каждый воинскій чинъ зналъ все, что дѣлается въ кругу его обязанностей. Такимъ образомъ, субординація есть *обязанность сноситься по командѣ*. Конечно, подобная обязанность входитъ въ составъ воинской дисциплины, но какъ служебный приемъ, а не какъ сущность самой дисциплины.

Воинское чинопочитаніе—есть *обязанность оказывать внѣшнія формы вѣжливости*, установленныя въ войскахъ. Означенныя формы разныя, въ разныхъ арміяхъ. Было время, когда снимали шапки передъ начальникомъ; когда нижніе чины становились во фронтъ всѣмъ офицерамъ. Нынѣ прикладываютъ руку къ головному убору; во фронтъ

становятся не всѣмъ. Словомъ, *форма* вѣжливости измѣняется въ зависимости отъ возрѣній данной эпохи на означенный вопросъ. Конечно, воинское чинопочитаніе безусловно необходимо для поддержанія престижа начальника, а затѣмъ—имѣетъ огромное значеніе, какъ приемъ, содѣйствующій объединенію всѣхъ чиновъ арміи. Воинское чинопочитаніе входитъ въ составъ воинской дисциплины, тоже какъ обязанность, подлежащая точному и строгому исполненію, но не составляетъ сущности самой дисциплины.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Воинская доблесть.

I.

Первоначально надлежит опредѣлить понятие — что такое воинская доблесть? Воинская доблесть—самоотверженная, твердая *рѣшимость одержать победу, хотя бы цѣною личной шбелн*. Степень этой рѣшимости опредѣляетъ высоту доблести: чѣмъ рѣшимость больше—доблесть арміи выше, и обратно.

Побѣда одерживается силою духа и матеріальными средствами борьбы. Поэтому воинская доблесть обязываетъ содержать въ порядкѣ эти средства. Въ виду сего, необходимо разсмотрѣть духовныя и матеріальныя данныя, изъ коихъ слагается воинская доблесть.

1) *Духовная часть* воинской доблести слагается изъ воинской дисциплины и мужества, въ составъ коего входитъ энергія, самообладаніе, настойчивость и храбрость. Какъ извѣстно, воинская дисциплина объединяетъ всѣ духовныя силы воинскихъ чиновъ на почвѣ долга, командованія и подчиненія. Создается единый могучій двигатель, который и направляется для разрушенія духа противника. На этомъ общемъ, весьма благоприятномъ основаніи, мужество отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ можетъ проявляться въ наивысшей степени, увеличивая общій успѣхъ.

2) *Физическія силы человека*. Въ числѣ средствъ борьбы человекъ занимаетъ первое мѣсто; поэтому, здоровье и мускулы человека въ военномъ дѣлѣ имѣютъ значеніе цен-

тральнаго физическаго двигателя. Для полезной работы на войнѣ годенъ только здоровый работникъ. Отсюда ясно, что содержать свой организмъ въ должномъ порядкѣ—воинскій чинъ обязанъ по долгу службы.

Военная исторія убѣждаетъ, что человекъ, владѣющій вполне своими силами, хотя бы былъ вооруженъ плохой гладкостволкой, все же будетъ опаснѣе солдата, не сохранившаго силъ для дѣйствія изъ своей винтовки, какой бы усовершенствованной системы она ни была. Сила людей вліяетъ непосредственно на весь ходъ военныхъ дѣйствій, и, растерявши силы, не только не съ чѣмъ будетъ дать сраженіе, не съ чѣмъ будетъ вести и самой войны. Наконецъ, здоровье составляетъ основаніе энергии, храбрости и вообще,—духовной крѣпости человека.

Такъ напр. по окончаніи похода данесеніе начальника, что больныхъ и отсталыхъ нѣтъ, звучитъ также воинственно, какъ и реляція о блестяще выигранномъ сраженіи. За этимъ „нѣтъ“ кроется грозная сила, высокія моральныя качества, истинно боевая подготовка. Обратно, воинская часть, чины которой наполняютъ госпитали и всюду отстаютъ—не можетъ считаться доблестной.

Относительно начальниковъ имѣется такое указаніе великихъ полководцевъ:—„недостаточно быть храбрымъ и хорошо командовать подъ огнемъ, нужно еще умѣть довести до него возможно большее число людей и въ наилучшемъ для нанесенія удара состояніи“.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія физической, воинская доблесть заключается въ томъ, чтобы сохранять ряды въ полномъ комплектѣ и порядкѣ, во всякомъ положеніи, въ мирное и военное время.

3) *Оружіе* и всѣ вообще матеріальныя средства борьбы даютъ возможность разрушать противника сильнѣе и скорѣе, чѣмъ это можно сдѣлать только мускулами человека; слѣдовательно, оружіе является вѣрнымъ и надежнымъ другомъ воинскаго чина,—въ бою, на походѣ и отдыхѣ. Эле-

ментарная порядочность обязывает относиться къ своему столь дорогому другу съ любовью, заботливо, съ большимъ вниманіемъ. Чувства эти выражаются тѣмъ, что оружіе и всѣ вообще матеріальныя средства борьбы содержатся въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, въ полной готовности дѣйствовать безъ отказа, по первому требованію. Армія, у которой оружіе покрыто ржавчиной, не можетъ быть доблестной. Вотъ почему состояніе оружія и всего хозяйства безошибочно указываетъ,—на какой высотѣ находится воинская доблесть арміи или отдѣльныхъ частей войскъ.

4) *Знаніе* военного дѣла заключается въ томъ, чтобы въ совершенствѣ владѣть своимъ оружіемъ, умѣло и своевременно пользоваться всѣми средствами борьбы, съ цѣлью достигнуть успѣха. Безъ этого, колоссальная, чрезвычайно дорого стоящая матеріальная часть арміи будетъ представлять бесполезный, мертвый грузъ. Высшія знанія или творчество въ области военного искусства составляютъ обязанность начальниковъ всѣхъ степеней, въ предѣлахъ дѣятельности каждаго изъ нихъ. Такъ, напр., унтеръ-офицеръ, производящій развѣдку, не только обязанъ въ совершенствѣ лично владѣть оружіемъ, но обязанъ также умѣло вести развѣздъ, отдавать надлежащія приказанія, посылать донесенія и проч. Чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ кругъ его дѣятельности больше, что обязываетъ увеличивать свои познанія. Геній—это особый даръ Божій, а потому нельзя требовать, чтобы всѣ начальники были геніи; но пріобрѣсти талантъ—можетъ и долженъ каждый воинскій чинъ. Талантъ—есть способность человѣка доводить до совершенства свои познанія, свою дѣятельность и достигать благоприятныхъ результатовъ. Способность эта развивается и укрѣпляется путемъ систематическихъ упражненій, умѣло ведомыхъ. Очевидно, то и другое находится въ рукахъ человѣка, находится въ предѣлахъ возможнаго. Армія, не знающая своего оружія и тактики своей эпохи,—не можетъ быть доблестной. Напротивъ армія, отлично изучившая всѣ

средства борьбы и умѣющая пользоваться этими средствами,—доказываетъ, что воинская доблесть находится на должной высотѣ.

Итакъ, воинская доблесть слагается изъ четырехъ указанныхъ выше данныхъ; прежде всего и важнѣе всего—твердой и неизмѣнной рѣшимости побѣдить; затѣмъ—физической силы людей, совершенства оружія и всѣхъ вообще матеріальныхъ средствъ борьбы; наконецъ—знанія и талантливости всѣхъ чиновъ. Сумма этихъ положительныхъ данныхъ образуетъ *воинскую доблесть*.

Конечно, воинская доблесть—сила духовная. Но она проявляется рѣшительно во всемъ, что относится къ военной дѣятельности. Только человѣкъ, твердо рѣшившій побѣдить,—будетъ заботиться о сохраненіи силы мускуловъ, необходимыхъ для побѣды, о содержаніи оружія въ надлежащемъ порядкѣ и о пріобрѣтеніи специальныхъ познаній. Воинскій чинъ, лишенный воинской доблести, будетъ относиться равнодушно къ средствамъ и способамъ одержать побѣду.

Въ военное время, воинская доблесть выражается въ безропотномъ перенесеніи тягостей войны, неизбѣжныхъ при самой совершенной организаціи хозяйства; въ неудержимомъ, подчасъ—бѣшеномъ, искусномъ наступленіи и въ желѣзной стойкости въ томъ случаѣ, когда обстановка заставляетъ временно держаться оборонительныхъ дѣйствій. Воинская доблесть составляетъ сущность военного дѣла, военной службы и военного искусства.

Въ заключеніе надо сказать, что только воинская доблесть даетъ побѣду. Если же враждебныя арміи одинаково доблестны, то происходитъ рядъ сраженій, не рѣшающихъ вопроса. Тогда вмѣшивается политика, которая опредѣляетъ результаты войны. Очевидно, съ точки зрѣнія военного искусства, въ частности—воинской доблести, политика является нежелательнымъ посредникомъ.

II.

Въ государственномъ отношеніи, воинская доблесть составляетъ величайшее благо, дающее увѣренность, что армія свято исполнитъ свое назначеніе, а именно—оградить государство отъ посягательствъ со стороны внѣшнихъ враговъ и не позволить врагамъ внутреннимъ нарушать спокойствіе. Въ виду столь огромнаго значенія, необходимо выяснитъ, какія данныя укрѣпляютъ или разрушаютъ воинскую доблесть. Данныя эти и вліяніе таковыхъ указаны ниже.

а) *Воинственность народа*, т. е. твердая рѣшимость добиваться благоприятнаго рѣшенія историческихъ вопросовъ силою оружія, ежели обстоятельства этого потребуютъ,—служитъ фундаментомъ воинской доблести. Воинственный народъ выдѣляетъ изъ своей среды только доблестную армію.

Воинственность народа создается чувствомъ собственного достоинства, національной гордостью, пониманіемъ своего историческаго назначенія. Всѣ эти данныя, моральнаго происхожденія, благотворно вліяютъ на народное самосознаніе, закаляютъ характеръ, даютъ увѣренность. Естественно что юноша, выросшій въ подобной средѣ, получаетъ благоприятную почву для развитія воинской доблести.

Степень воинственности народа зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: религиозныхъ чувствъ, которыя переходятъ иногда въ фанатизмъ, какъ это наблюдалось во время Крестовыхъ походовъ и въ мусульманскомъ мірѣ. Затѣмъ, отъ воспитанія юношества. Развитіе въ дѣтскомъ возрастѣ любви къ военному строю и военнымъ упражненіямъ создаетъ военное міровоззрѣніе, вырабатываетъ привычку и полезно въ военномъ отношеніи. Наконецъ, народныя традиціи и успѣхъ оружія въ прошломъ значительно поднимаютъ общее боевое настроеніе.

Какое огромное значеніе для государства имѣетъ воинственность народа, видно изъ событій нашихъ дней. Княжество Черногорія, имѣющее всего 300 тысячъ населенія, возведено на степень королевства; имперія Корея, имѣющая 11 миллионовъ населенія, потеряла политическую самостоятельность и обращена въ провинцію сосѣдней державы.

б) *Вмѣшательство гражданскихъ учреждений* въ дѣла арміи. Учрежденія эти безусловно необходимы для государства, но только по своей специальности. Каждый согласится, что если въ учрежденіяхъ одного министерства начнутъ распоряжаться лица другого министерства, то ничего хорошаго изъ этого не получится. Вмѣшательство же гражданскихъ элементовъ въ дѣла арміи разрушаетъ единство командованія, разрушаетъ главнѣйшій фундаментъ организациі войскъ.

Печальной памяти Гофкригсратъ, который вмѣшивался въ дѣла даже союзныхъ армій, былъ причиною многихъ пораженій и довелъ государство до весьма печальнаго состоянія. Напротивъ, въ кампаніи 1866, 1870 и 1871 г.г. всѣ безъ исключенія гражданскія учрежденія, съ желѣзнымъ канцлеромъ Бисмаркомъ во главѣ, относились съ полнымъ уваженіемъ къ совершенной свободѣ дѣйствій военнаго вождя Мольтке; результаты получились иные.

Современные европейскіе парламенты и всевозможныя междувѣдомственныя комиссіи, составленныя изъ случайныхъ лицъ, неотвѣтственныхъ за военное дѣло и совершенно съ этимъ дѣломъ незнакомыхъ, берутся за разрѣшеніе сложнѣйшихъ военныхъ вопросовъ. Лица, не обладающія познаніями и качествами простыхъ солдатъ, считаютъ себя военными геніями и полководцами. Ничего нѣтъ легче писанія проектовъ на листѣ бѣлой бумаги, руководствуясь собственной фантазіей. Но спросите практиковъ, насколько далеки эти фантастическіе проекты отъ дѣйствительной жизни!

Затѣмъ, гражданскія лица, сознавая свое безсиліе въ области стратегіи и тактики, вмѣшиваются въ дѣла арміи, главнымъ образомъ, на почвѣ военного хозяйства. Но военное хозяйство тоже находится въ совершеннѣйшей зависимости отъ обстановки, и нельзя себѣ представить военно-хозяйственную операцію, которая производилась бы внѣ потребностей подготовки войскъ, мобилизаціи или боевыхъ дѣйствій. Всѣ эти обстоятельства совершенно невѣдомы гражданскимъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе, гражданскія лица все больше и больше вторгаются въ армію; всѣ хотятъ ревизовать, контролировать, провѣрять войска. Подобная опека со стороны лицъ, которыя *не обязаны жертвовать жизнью*, въ отношеніи воинскихъ чиновъ, обязанныхъ *идти на вѣрную гибель*, подрываетъ авторитетъ и значеніе военной іерархіи, что, конечно, понижаетъ воинскую доблесть. Дошло наконецъ до того, что въ одной изъ европейскихъ армій, на должность военного министра назначаются штатскія лица, преимущественно изъ числа тѣхъ, которыя сочувствуютъ вреднымъ для военного дѣла идеямъ и не признаютъ значенія арміи въ современномъ государствѣ.

Военное дѣло — есть искусство подготовить армію и вести войну. То и другое требуетъ обширныхъ специальныхъ познаній, свѣдѣній, опыта, навыковъ, техническихъ приѣмовъ, ремесла. Словомъ, военное дѣло, войска и армія имѣютъ *свои собственные законы дѣятельности*. Законы эти постигаются или заблаговременной, систематической подготовкой въ мирное время, или продолжительнымъ кровавымъ опытомъ на войнѣ. Отсюда ясно, что лица, не имѣющія ни перваго, ни втораго, *ни въ какой формѣ* не могутъ вмѣшиваться въ работу арміи. Если отрицать сказанное и признавать, что каждое гражданское учрежденіе и лицо можетъ вмѣшиваться въ военное дѣло, то надо признать, что каждый человѣкъ, не получившій медицинскаго образованія, можетъ лечить больныхъ. Но какъ немыслимо

довѣрять здоровье человѣка не специалисту, такъ немыслимо здоровье арміи довѣрять учреждениямъ и лицамъ, не обладающимъ специальной подготовкой въ военномъ дѣлѣ. Въ виду сего, армія должна быть избавлена отъ вмѣшательства элементовъ, не изучавшихъ и не постигающихъ военного искусства.

Всѣ безъ исключенія гражданскія учрежденія и лица только *помогаютъ* войскамъ, но не должны вмѣшиваться въ дѣла арміи, съ правами власти распорядительной.

в) *Общественное мнѣніе* — есть сужденіе большинства относительно даннаго событія или дѣянія. Но большинство правильно выражаетъ только свои симпатіи или антипатіи. Что же касается разума, то исторія убѣждаетъ, что большинство не можетъ правильно оцѣнить современное событіе, по многимъ причинамъ. Во первыхъ, большинство не знаетъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ коихъ слагается данное событіе; во вторыхъ, поддаваясь чувствамъ болѣе, чѣмъ размышленіямъ, большинство утрачиваетъ душевное равновѣсіе, безъ коего немыслимо сдѣлать правильное заключеніе. Такъ, напр., испытывая тягостное впечатлѣніе войны, большинство можетъ потребовать скорѣе заключить миръ, хотя бы невыгодный для государства.

Военное дѣло требуетъ особенно осторожнаго отношенія къ нему общественнаго мнѣнія. Военное искусство, захватывая абсолютно всего человѣка, всѣ стороны чело-вѣческой дѣятельности, представляетъ область необычайно сложную. Разобраться въ этой области могутъ только специалисты, и то одаренные выдающимся талантомъ. Между тѣмъ, военныя событія настолько сильно дѣйствуютъ на человѣка, что чувство симпатіи или антипатіи къ военному дѣлу переходитъ въ страсть; а тогда совсѣмъ уже теряется возможность правильно оцѣнивать военныя явленія. Вотъ почему необходимо согласиться, что въ вопросахъ военного дѣла общественное мнѣніе не компетентно. Общественное мнѣніе можетъ и обязано требовать отъ арміи только по-

бѣды, торжества оружія и славы, предоставляя войскамъ полную свободу дѣйствій въ достиженіи означенной цѣли.

Признавая, однако, что общественное мнѣніе составляетъ очень крупную моральную силу, военная психологія заявляетъ, что сила эта должна быть направлена исключительно на *укрѣпленіе*, а не разрушеніе духа арміи. Поэтому большинство, во имя общаго успѣха и общаго блага, обязано воздерживаться отъ такихъ сужденій и дѣйствій, которыя могутъ вредно повліять на моральное состояніе войскъ. Подобное заявленіе военной психологіи имѣетъ особенно важное значеніе въ военное время, когда нервы арміи становятся необычайно чувствительными. Таково общее психологическое основаніе.

Какимъ образомъ выражается общественное мнѣніе?

Въ настоящее время общественное мнѣніе выражается при посредствѣ органовъ печати—журналовъ и газетъ. Дѣйствительная жизнь убѣждаетъ, что современная печать не столько выражаетъ, сколько *фабрикуетъ* общественное мнѣніе, благодаря борьбѣ политическихъ партій. Вся печать въ государствѣ дѣлится, прежде всего, на два большихъ лагеря: печать столичную и печать провинціальную.

Столичная печать, располагая лучшими силами и болѣе освѣдомленная, даетъ общее направленіе печати вообще; печать провинціальная служитъ только отголоскомъ печати столичной, въ рѣдкихъ случаяхъ проявляя свою самостоятельность въ вопросахъ мѣстнаго хозяйства.

Два указанныхъ лагеря дѣлятся на политическія партіи, которыя въ общемъ образуютъ три направленія: правое, лѣвое и умѣренное. Такъ какъ въ области духа сохранить абсолютное равновѣсіе немислимо, то умѣренное направленіе чаще всего колеблется между правымъ и лѣвымъ, примыкая по разнымъ вопросамъ то къ одному, то къ другому флангу.

По основному ученію лѣвой печати, постоянная армія не вызывается государственной надобностью. Вотъ почему,

въ силу своихъ убѣжденій, лѣвая печать не можетъ относиться къ арміи и военнымъ явленіямъ дружелюбно. Отсюда понятное слѣдствіе—лѣвая печать настойчиво выдвигаетъ на первое мѣсто малѣйшіе изъяны въ войскахъ, а для большей наглядности—дѣлаетъ изъ мухи слона; неблагоприятныя свѣдѣнія печатаетъ пятивершковыми буквами. Такимъ путемъ лѣвая печать надѣется подорвать довѣріе къ военнымъ учрежденіямъ, сфабриковать якобы общественное мнѣніе, что армія не нужна и можетъ быть распущена.

Правая печать, признавая необходимость постоянныхъ вооруженныхъ силъ, желаетъ оказать содѣйствіе военнымъ учрежденіямъ посильными средствами. Но, не имѣя возможности правильно судить по вопросамъ стратегии и тактики, правая печать полемъ дѣятельности избрала военное хозяйство. Произошло слѣдующее. Непорядки въ военномъ хозяйствѣ, столь же неизбежныя, какъ и беспорядки даже въ стихійной жизни нашей планеты, напр., землетрясенія, наводненія, ураганы и проч., служатъ единственною темою многочисленныхъ газетныхъ статей. Въ общемъ, по военнымъ вопросамъ создалось представленіе, создалось общественное мнѣніе, что въ военномъ хозяйствѣ только одни беспорядки и нѣтъ ни одной свѣтлой страницы. Насколько подобное мнѣніе беспочвенно, видно изъ того, что наиболѣе талантливые органы правой печати не въ состояніи даже отвѣтить, что такое военное хозяйство, какова психологія этого огромнаго отдѣла военнаго искусства и въ какомъ отношеніи къ государству находится означенный отдѣлъ. Органы печати не понимаютъ, что, возводя въ культъ беспорядки военнаго хозяйства, въ высокой степени подрывается довѣріе къ военной іерархіи, разрушается дисциплина, создается представленіе, что центръ тяжести военнаго дѣла лежитъ именно въ военномъ хозяйствѣ. Сфабрикованное такимъ путемъ общественное мнѣніе начинаетъ относиться къ арміи недружелюбно, а въ войскахъ создается моральный гнетъ.

Естественно спросить—что же дѣлать, если въ войскахъ замѣчено даже преступное отношеніе къ казенному имуществу? Дѣлать совершенно тоже самое, что дѣлается въ *каждой порядочной семьѣ*, а именно—устраняются замѣченные изъяны, безъ всякаго участія базарныхъ сплетниковъ. Въ арміи обязанность устранять изъяны лежитъ на военной іерархіи, и только она одна компетентна оцѣнить и устранить зло.

Общественное же мнѣніе, отмѣчая непорядокъ, какъ явленіе общественной жизни, не должно забывать, что замѣнить негодные солдатскіе сапоги новыми—очень легко, но возстановить разрушенный духъ арміи—очень и очень трудно. Поэтому надо быть чрезвычайно осторожнымъ въ сужденіяхъ по всѣмъ вопросамъ военнаго дѣла, но еще осторожнѣе надлежитъ выбирать средства исправить зло. Ни одинъ докторъ не предложитъ отрубить больную голову; аналогично съ этимъ, нельзя искоренять зло въ арміи такими средствами, которые разрушаютъ воинскую дисциплину, подрываютъ авторитетъ военной іерархіи, уничтожаютъ самое дорогое—воинскую доблесть, которые рубятъ голову арміи. Искоренять зло въ арміи публичнымъ, всесвѣтнымъ шельмованіемъ воинскихъ чиновъ—пріемъ самоубійственный, съ точки зрѣнія военной психологіи и воинской доблести, а въ государственномъ отношеніи—пріемъ въ высокой степени опасный, какъ разрушающій моральный фундаментъ арміи. Нельзя воспитывать армію на отрицательныхъ примѣрахъ. Развивать и укрѣплять добродѣтель можно только при содѣйствіи положительныхъ образцовъ. Никто не станетъ въ семьѣ ежедневно рассказывать дѣтямъ только скверное о родныхъ; никто не станетъ въ школѣ рассказывать только скверное о людяхъ вообще. Почему же признается возможнымъ ежедневно печатать о воинскихъ чинахъ только отрицательныя свѣдѣнія? Но еще хуже дѣянія тѣхъ, которые *выдаютъ* матеріалы для шельмованія отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ. Ко-

нечно, свѣдѣнія сообщаются съ цѣлью сдѣлать личную карьеру, отличиться на позорѣ арміи или заработать построчную плату. Такія дѣянія, съ точки зрѣнія военной психологіи, преступны въ сильнѣйшей степени, равны тѣмъ дѣяніямъ противниковъ государства, которые стремятся разрушить современный строй. Военная доблесть—есть бытіе арміи, а бытіе арміи—есть бытіе государства. Объ этомъ надо всегда помнить.

г) *Противогосударственныя ученія*, изъ коихъ главное—*антимилитаризмъ*, т. е. ученіе, отрицающее войну и необходимость вооруженныхъ силъ, посягаетъ на бытіе арміи, стремится разрушить воинскую доблесть, эту основу военнаго дѣла.

Подъ словами „противогосударственное ученіе“ надо понимать ученіе противъ только *современнаго* государства. Сущность ученія самыхъ ярыхъ противниковъ современнаго государства сводится къ тому, чтобы замѣнить существующее государство—общезитіемъ, т. е. тоже государствомъ, которое предлагаетъ данная политическая партія. Такимъ образомъ, необходимость государства, необходимость организованнаго общежитія не отрицается. Въ чемъ же тогда дѣло?—спроситъ изумленный читатель. А дѣло въ томъ, что предлагается только *иная форма* общежитія. Значитъ, дѣло сводится не къ серьезному, научно обоснованному ученію, могущему дать что то совершенно новое *взаимнѣ* государства вообще, а къ ребяческому желанію заставить всѣхъ людей подчиниться *личной фантазії* данной политической партіи. Выражаясь проще, каждый молодецъ желаетъ перестраивать государство на свой образецъ, и матеріаломъ для такой перестройки должны служить . . . люди. Естественно, что только скудоумные субъекты добровольно предлагаютъ себя для столь изумительныхъ опытовъ. Все же остальное человечество желаетъ существовать въ такомъ общежитіи, какое выработано вѣками, усиліями многихъ поколѣній. Каждый здравомыслящій разсуждаетъ, что лучше

синица въ рукахъ, т. е. спокойное, обеспеченное существованіе въ настоящемъ, чѣмъ журавль въ небѣ, т. е. земной рай въ будущемъ.

Натолкнувшись на сопротивленіе со стороны человѣческой природы, проповѣдники земного рая сразу теряютъ душевное спокойствіе и подъ флагомъ „свобода“, начинаютъ приводить въ жизнь свою идеи насиліемъ, бомбами. Такъ, напр., анархисты, желающіе замѣнить современное государство—„свободнымъ“ союзомъ вольныхъ общинъ, т. е. тоже государствомъ, но иного порядка, съ деспотической властью анархистовъ во главѣ, совершаютъ убійства государственныхъ дѣятелей, разрушаютъ народное богатство, въ надеждѣ, что такими приемами будетъ доказана несостоятельность современнаго строя, и какъ слѣдствіе сего—будутъ приняты проекты анархистовъ. Но въ природѣ человѣка лежитъ стремленіе къ спокойствію, безопасности и порядку. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, насилія и разрушенія менѣе всего способствуютъ торжеству идей политическихъ фантазеровъ и недорослей. Однако, каждый порознь человѣкъ не можетъ отражать силу—силой. Для этой цѣли существуютъ государственныя организаціи, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ *армію*, какъ силу, способную уничтожить всякое сопротивленіе.

Вотъ логическій путь, по которому всѣ противогосударственныя ученія доходятъ до сознанія, что единственнымъ препятствіемъ осуществить данное ученіе—служить армія. Отсюда происходятъ всѣ стремленія уничтожить армію, разрушить основу таковой—воинскую дисциплину, чувство долга, воинскую доблесть.

Но армія—есть продуктъ неизмѣннаго человѣческаго духа. Значитъ, попытки уничтожить армію равносильны попыткамъ измѣнить природу, измѣнить міровые законы. Попытки бессмысленны—съ точки зрѣнія разума, и совершенно безнадежны—съ точки зрѣнія чувствъ. Эти послѣднія настойчиво утверждаютъ, что свободное, въ пре-

дѣлахъ закона, существованіе подданнаго подъ защитой арміи гораздо пріятнѣе, чѣмъ существованіе раба подъ гнетомъ деспота—анархиста.

Противогосударственныя ученія отрицаютъ войну и необходимость арміи. Разсмотримъ два означенныхъ вопроса.

Война. Все земное подчиняется закону борьбы за существованіе. Законъ этотъ двигаетъ цивилизацію, культуру, науки, искусства и проч. Государство тоже обязано вести борьбу за свою самостоятельность, свободу и всѣ прочія блага, какъ духовныя, такъ и матеріальныя. Война и есть *организованная борьба за существованіе цѣлаго государства*. Нравственнымъ основаніемъ подобной борьбы служить такая истина христіанскаго ученія: „Христіанская любовь—это полнѣйшее самоотверженіе для блага другихъ, до готовности даже положить за нихъ душу свою“ (Іоан. XV, 13). Пока не измѣнится природа человѣка, на что нѣтъ надежды, до тѣхъ поръ война будетъ служить единственнымъ средствомъ рѣшать историческіе вопросы, дающіе или отнимающіе государственныя блага. Чувство собственнаго достоинства, стремленіе человѣка достигнуть возможнаго на землѣ духовнаго совершенства, физическаго развитія и матеріальнаго благополучія создавали, создаютъ и будутъ создавать положенія, единственнымъ выходомъ изъ которыхъ служить только война. Культура мѣняетъ не сущность войны, а формы таковой въ томъ смыслѣ, что устраняются боевыя средства излишнія, съ точки зрѣнія военнаго искусства и общей морали данной эпохи.

Даже вожаки противогосударственныхъ ученій, поразмысливши серьезно по вопросу о войнѣ, начинаютъ совершенно иныя пѣсни. Такъ, напр., извѣстный нѣмецкій экономистъ и социологъ Каутскій, род. 1854 г., пишетъ: Война есть катастрофа, посѣщающая современное общество время отъ времени съ желѣзною необходимостью“.

Но вѣдь современное общество составляет историческое наслѣдіе очень многих поколѣній и дѣятельности геніальныхъ людей, умъ и душевныя достоинства которыхъ были во всякомъ случаѣ не ниже ума современныхъ проповѣдниковъ социализма. Слѣдовательно, природа войны совершенно не зависитъ отъ „современнаго общества“, а отъ природы міровыхъ законовъ.

Въ виду изложеннаго, противогосударственныя ученія не въ силахъ вычеркнуть войну изъ условій земной жизни. Поэтому нѣтъ ни малѣйшаго смысла отрицать войну, какъ міровой законъ, но имѣется большой смыслъ желать мира и всячески содѣйствовать этому желанію, съ точки зрѣнія государственной. Но если война неустранима, то надо готовиться къ ней и надо содержать армію.

Армія, по мнѣнію противогосударственныхъ ученій, не вызывается необходимостью; въ крайности—армію можно замѣнить милиціей. Означенной цѣли противники арміи добиваются двояко: путемъ пропаганды и путемъ наталкиванія воинскихъ чиновъ на воинскія преступленія. Если первое средство можно назвать глупостью, то второе относится къ средствамъ въ сильнѣйшей степени безнравственнымъ. Но глупость и безнравственность не могутъ выражать здоровыхъ идей.

Военная психологія отмѣчаетъ такія явленія: лишь только вопросъ о существованіи арміи текущія событія поставятъ рѣзко, опредѣленно:—„быть или не быть“,—немедленно главари и убѣжденные сторонники противогосударственныхъ ученій отказываются отъ основныхъ своихъ положеній. Такъ, напр., Бебель, одинъ изъ весьма талантливыхъ вождей нѣмецкой социаль-демократіи, род. 1840 г., заявилъ въ рейхстагѣ: „Въ виду внѣшнихъ опасностей необходимо, чтобы и послѣдній способный носить оружіе человѣкъ имѣлъ возможность защищать свободу и независимость своего отечества. Я даю вамъ слово, что мы, со-

ціалисты, всѣ до послѣдняго и даже старѣйшіе изъ насъ, готовы взять ружье и защищать нашу германскую землю. Я, несмотря на мой возрастъ, взялся бы самъ за ружье въ борьбѣ за независимость своей родины“.

Такъ говорятъ социалисты, умудренные опытомъ жизни и образованіемъ. Но кому не хватаетъ и перваго, и втораго, тотъ разноситъ пропаганду, которую лучшіе же представители социализма называютъ „глупостью“.

Наконецъ, вотъ что заявляютъ представители „свободнаго“ режима. 4 декабря 1905 года, президентъ С.-Американскихъ штатовъ, въ своемъ посланіи конгрессу, говоритъ. „Есть лица, которыя полагаютъ, что такъ какъ въ цивилизованныхъ странахъ отдѣльному человѣку нѣтъ уже больше надобности защищать свое право оружіемъ, то и народамъ нѣтъ больше необходимости быть готовыми для защиты своихъ правъ (постоянная армія не нужна). Эти лица принесли бы непоправимое зло всякому народу, который послушался бы ихъ совѣта. Въ настоящее время нельзя себѣ представить большаго бѣдствія, какъ если бы свободные, просвѣщенные и миролюбивые народы разоружились, предоставивъ свободу оставаться вооруженнымъ всякому варварству“. С.-Американскіе штаты находятся въ столь исключительномъ положеніи, что, казалось бы, вопросъ о разоруженіи можно было бы осуществить. Но дѣйствительная жизнь даетъ иной отвѣтъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше посланія.

Итакъ, въ огражденіе воинской доблести современныхъ армій, необходимо выяснить и твердо установить, что противогосударственныя ученія—это фантастическіе проекты политическихъ недорослей; это проекты, которые никогда не были и не могутъ быть осуществлены. Въ частности, антимилитаризмъ—это ученіе, основанное на глупости и безнравственности; ученіе, которое ведетъ государство къ вѣрной гибели; *тайная* цѣль ученія заключается въ томъ,

чтобы уничтожить армию и открыть себѣ дорогу къ достиженію личной власти и богатства, посредствомъ насилія, руками своихъ приверженцевъ.

д) *Чествованіе военныхъ событий и военныхъ героев* выражаетъ благодарность народа за военные подвиги. Чествованіе событий или юбилеи увеличиваютъ общую воинственность, что служитъ основаніемъ военной доблести. Чествованіе живыхъ и отошедшихъ въ лучшій міръ военныхъ героев посредствомъ памятниковъ, описанія подвиговъ, картинъ и портретовъ вызываетъ благородное соревнованіе и увеличиваетъ честолюбіе, что ведетъ къ личному героизму. Въ виду изложеннаго, указанная выше чествованія приносятъ огромную пользу, съ точки зрѣнія воинской доблести.

ж) *Самостоятельность и увѣренность* военной іерархіи—служитъ основаніемъ энергіи; любви къ военной службѣ; заботливости и желанія совершенствоваться порученное дѣло до наивысшей степени. Самостоятельность и увѣренность вытекаютъ изъ *чувства собственности* въ области военного искусства.

Чувство собственности относится къ природнымъ и совершенно неотдѣлимымъ отъ человѣка душевнымъ особенностямъ. Чувство это является въ первую же минуту сознательной жизни ребенка, который прежде всего научается произносить слово „мой“, „моя“ и неудержимо стремится къ своимъ родителямъ и предметамъ. Уничтоженіе частной собственности совершенно невыполнимо, какъ противорѣчающее коренному сознанію человѣка и безусловной практической необходимости. Даже тѣ религіозные ордена, которые въ основу своего общежитія положили требованіе отрѣшиться отъ всякой собственности, вынуждены были сдѣлать исключеніе и разрѣшить монахамъ имѣть *свои* излюбленныя книги, монахинямъ—*свои* рукодѣля, садики и проч. Философія и психологія опредѣленно заявляютъ, что чувство собственности—одно изъ могущественныхъ, лич-

ныхъ чувствъ человѣка, а опыты дѣйствительной жизни убѣждаютъ, что чувство это невозможно вырвать изъ природы человѣка.

На такомъ то именно могучемъ чувствѣ собственности основана вся цивилизація, культура, прогрессъ и совершенствованіе данной работы или данной области практической дѣятельности.

Собственникъ земельного участка, дома, завода и дѣла вообще, чувствуетъ себя совершенно иначе, чѣмъ арендаторъ. Разрушать и колебать чувство собственности—это значитъ уничтожать фундаментъ всякой культуры, вносить хаосъ въ правовыя отношенія, уничтожать дисциплину профессій.

Военная іерархія должна управлять арміей на *чувствѣ собственности* и при томъ собственности абсолютной, безъ всякихъ исключеній. Въ дѣйствительной жизни чувство собственности выражается тѣмъ, что воинскій чинъ подчиняется только своему ближайшему начальнику—и никому другому. Означенное подчиненіе прочно свяжетъ всѣ ступени военной іерархіи отъ ефрейтера до военного министра и главнокомандующаго включительно, и каждый начальникъ будетъ чувствовать себя *хозяйномъ*, а не *арендаторомъ* порученнаго ему дѣла. Только при такихъ условіяхъ можетъ укрѣпиться самостоятельность и увѣренность военной іерархіи.

Несамостоятельные и неуѣренные въ себѣ начальники, арендаторы, а не собственники военного дѣла, не могутъ быть доблестными.

Въ нашу эпоху замѣчается сильное шатаніе чувства собственности, подѣ въздѣйствіемъ ложныхъ ученій. Къ этому надо еще прибавить стремленіе каждаго человѣка къ власти и желаніе играть роль вершкомъ выше назначенной ему закономъ.

Подобныя ненормальности въ сильнѣйшей степени отражаются на арміи въ томъ смыслѣ, что въ армию втор-

гаются, какъ указано выше, чуждые ей элементы, разрушающіе самостоятельность и увѣренность военной іерархіи, что весьма вредно отражается на душевномъ состояніи воинскихъ чиновъ. Для пользы дѣла, необходимо установить и неуклонно проводить въ жизнь слѣдующія положенія: армія составляетъ собственность законнаго Государя. Только по указанію законной Верховной власти въ арміи распоряжается военный министръ, главнокомандующій и начальники всѣхъ степеней,—тоже на правахъ собственности, каждый въ предѣлахъ своихъ штатныхъ обязанностей. При такихъ условіяхъ начальникъ дѣйствительно будетъ отцомъ для своей части, а подчиненные составятъ дружную семью, которая будетъ защищать свое собственное духовное достояніе—воинскую честь, всѣми своими силами.

з) *Традиціи воинской части* составляютъ внутренній, свой собственный источникъ военной доблести.

Подъ словомъ „традиціи“ надо понимать словесныя и письменныя преданія о воинской доблести въ прошломъ и характеръ части въ настоящемъ. Традиціи образуютъ очень прочный *духовный міръ*, въ которомъ *воспитываются* воинскіе чины, вновь поступающіе въ данную воинскую часть. Вотъ колоссальное значеніе традиціи. Подобно тому, какъ наше тѣло укрѣпляется или расслабляется, согласно данной пищѣ, такъ и душа человѣка втягивается въ добродѣтели или пороки, соответственно характеру даннаго общества. У новобранцевъ, молодыхъ людей, душа очень воспримчива и впечатлительна; на такую душу сильно дѣйствуютъ примѣры, образъ жизни окружающихъ лицъ, разговоры, внушенія. Кромѣ того, человѣкъ вообще склоненъ къ подражанію. Въ воинской части подражаніе героямъ прошлаго и современникамъ незамѣтно переходитъ въ личную привычку, а эта послѣдняя—во вторую натуру воинскаго чина. Такимъ психическимъ путемъ вырабатываются традиціонныя понятія части о воинской доблести.

То, что воинская часть признавала для себя обязательнымъ въ теченіе многихъ лѣтъ и даже столѣтій, то преемственно и непременно передается новымъ поколѣніямъ. Вотъ почему, если традиціи воинственны и прочны—воинская доблесть разовьется въ полной мѣрѣ, а воинскіе чины, въ силу неизмѣнной привычки, будутъ слѣдовать завѣтамъ своихъ славныхъ предковъ. Сохранять, укрѣплять и умножать доблестныя традиціи—важнѣйшая обязанность военной іерархіи въ области военной психологіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Психологія военного хозяйства.

Военное хозяйство составляет обширный, въ высокой степени сложный отдѣлъ военного искусства. Отдѣлъ имѣетъ цѣлью предоставить войскамъ все необходимое для жизни и вооруженной борьбы, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Психологія военного хозяйства до сихъ поръ не составляла предмета изслѣдованія, что лишаетъ возможности правильно судить о нравственной сторонѣ вопроса. Въ военномъ хозяйствѣ матеріальнымъ основаніемъ служатъ денежные суммы; отношеніемъ воинскихъ чиновъ къ этимъ суммамъ, главнымъ образомъ, выражается нравственный характеръ хозяйственныхъ операций. Дабы выяснитъ психологію вопроса, необходимо сопоставить моральныя и матеріальныя величины, изъ коихъ слагается военное хозяйство. Ниже сдѣланы сопоставленія, отвѣчающія сущности дѣла.

Въ области военного искусства командуетъ *обстановка*, и не существуетъ военного явленія внѣ обстановки. Точно также и въ военномъ хозяйствѣ обстановка составляетъ фундаментъ, на которомъ исполняются и должны проводиться хозяйственные операции.

Обстановка слагается изъ всѣхъ условій, требованій и обстоятельствъ, при коихъ рѣшается хозяйственная задача. Данныя обстановки изложены ниже, въ такомъ по-

рядкѣ, какой признается наиболѣе удобнымъ, для изслѣдованія военно-психологическихъ вопросовъ.

I. Прежде всего необходимо выяснитъ: съ точки зрѣнія военного дѣла, военное хозяйство — *искусство* или *ремесло*?

Если искусство, то значить въ военномъ хозяйствѣ должны господствовать общія основанія, а именно: *обстановка*, которая командуетъ всѣмъ и отъ которой зависятъ всѣ безъ исключенія дѣйствія воинскихъ чиновъ хозяйственного разряда; *творчество*, которое пользуется всѣми благоприятными данными и устраняетъ неблагоприятныя; *мужество*, которое обязываетъ воинскаго чина идти на рискъ, а иногда на вѣрную гибель, лишь бы удовлетворить хозяйственныя потребности войскъ*); *частная инициатива*, которая обязываетъ нарушать всѣ формальности, всѣ канцелярскія и контрольныя правила, ежели это требуется

*) Во время русско-японской войны, въ Августѣ и Сентябрѣ 1904 г., русская армія отступила отъ Ляояна къ Мукдену. Весь Мукденскій районъ не былъ подготовленъ въ продовольственномъ отношеніи; потребовалось экстренно отправить сухари на позиціи. Запасы имѣлись только въ Мукденѣ и отъ него, по радіусамъ, запасы экстренно отправлялись на транспортахъ. Необычайную трудность представляла доставка сухарей и патроновъ въ конные отряды, далеко выдвинутые къ югу отъ Мукдена, и наибольшія затрудненія встрѣтились при отправкѣ въ конный отрядъ генерала Любавина. Начальникъ транспортовъ, выяснивши обстановку, убѣдился, что если отправить транспорты въ отрядъ Любавина по тыловымъ дорогамъ, то отрядъ два дня не получитъ сухарей. Тогда транспорты были двинуты по кратчайшему пути, прошли линію конныхъ отрядовъ и двинулись вдоль фронта японской арміи, находясь къ ней ближе, чѣмъ къ своимъ войскамъ, и абсолютно ни чѣмъ не прикрытые. Насколько движеніе транспортовъ было смѣлое, до дерзости, и въ высокой степени опасное, видно изъ слѣдующей телеграммы генераль-квартирмейстера штаба Манчжурской арміи отъ 31 Августа 1904 года за № 8846: „Генераль Самсоновъ доноситъ, что ежедневно, черезъ расположеніе его передовыхъ постовъ слѣдуютъ транспорты съ продовольствіемъ въ отрядъ генераль-маіора Любавина. Начальникъ штаба арміи приказалъ просить васъ избрать для этихъ

обстановкой. Въ общемъ, хозяйственныя операціи подчиняются рѣшительно всѣмъ указаніямъ военной психологіи.

Если же военное хозяйство—ремесло, то дѣятельность чиновъ хозяйственнаго разряда сводится къ точному выполнению опредѣленныхъ правилъ, безъ всякаго участія душевныхъ побужденій. Въ этомъ случаѣ обстановка, а съ нею вмѣстѣ и потребности войскъ отходятъ на второй планъ; господствующее положеніе получаютъ канцелярскія и контрольныя правила, интересы казны, формальности.

Означенное сопоставленіе даетъ рѣшительный вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: военное хозяйство—есть *искусство*, и это обязываетъ руководствоваться такими же указаніями военной психологіи, какія имѣются въ отношеніи боя и всѣхъ прочихъ видовъ дѣятельности войскъ. На этомъ именно основаніи военная психологія заявляетъ: войска должны получить все необходимое для жизни и вооруженной борьбы, при всякой обстановкѣ, *хотя бы цѣною личной гибели воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда*. Если же хозяйственный чинъ, изъ страха личной отвѣтственности или опасенія начета, не выполнитъ своихъ обязанностей, то подобное дѣяніе именуется „трусостью“, со всѣми послѣдствіями столь тяжкаго преступленія.

II. Далѣе слѣдуютъ *потребности войскъ*, для которыхъ и предназначается вся работа хозяйственныхъ органовъ. Войскамъ требуется: продовольствіе, одежда, обувь, помѣщеніе, снаряженіе, вооруженіе, обозы, спеціальныя сооруженія и много всевозможныхъ предметовъ, число коихъ въ

транспортовъ болѣе безопасную дорогу. Такой дорогой можетъ служить дорога отъ Хунхепу на Гиндяю“.

Предерзостное движеніе транспортовъ между двумя враждебными арміями, безъ всякаго прикрытія вдоль фронта, весьма активнаго противника, спасло отрядъ отъ голодовки, т. е. въ полной мѣрѣ разрѣшило хозяйственный вопросъ. Приведенный примѣръ указываетъ, что обстановка, рискъ и мужество столь же обязательны для чиновъ хозяйственнаго разряда, какъ и для чиновъ строевыхъ.

нашу эпоху быстро увеличивается. Въ общемъ, войскамъ необходимо колоссальное имущество, на миллиарды рублей. Все это имущество составляетъ матеріальныя средства для жизни и вооруженной борьбы. Количество и состояніе этихъ средствъ предрѣшаетъ успѣхъ войны. Отсюда ясно, что требованія войскъ огромны, разнообразны и весьма срочны, а также и то, что своевременное исполненіе требованій имѣетъ громадное значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Въ виду изложеннаго, военно-хозяйственныя органы должны быть организованы въ надлежащемъ числѣ и надлежащаго состава, дабы въ полной мѣрѣ и своевременно выполнять хозяйственныя работы. Правильное соотношеніе силы распорядительной и силы исполнительной—вотъ главное психологическое основаніе военного хозяйства; вторая данная военно-хозяйственной обстановки.

III. Военное хозяйство слагается изъ слѣдующихъ величинъ:

- 1) потребностей войскъ;
- 2) работы воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда;
- 3) работы частныхъ лицъ,—поставщиковъ и подрядчиковъ;
- 4) чиновъ контроля, провѣряющихъ документальную отчетность;
- 5) чиновъ ревизіи, ревизующихъ хозяйственныя операціи въ порядкѣ чрезвычайномъ;
- 6) военно-ревизіонныхъ комиссій, провѣряющихъ хозяйственныя операціи по особымъ распоряженіямъ;
- 7) военно-слѣдственныхъ учреждений, провѣряющихъ хозяйственную работу, съ признаками преступнаго отношенія къ казенному имуществу и денежнымъ суммамъ;
- 8) общественное мнѣніе, въ лицѣ журналовъ и газетъ, осуждающихъ дѣятельность воинскихъ чиновъ на основаніи слуховъ и отрывочныхъ свѣдѣній.

Итакъ, *восемь* инстанцій, которыя вѣдаютъ или могутъ вѣдать военно-хозяйственными операціями. Означенные во-

семь величинъ, по характеру отношеній, распредѣляются такимъ образомъ:

потребляющихъ инстанцій	1
отвѣтственныхъ активныхъ работниковъ	1
вспомогательныхъ работниковъ	1
провѣряющихъ инстанцій	5.

Уже одно арифметическое сопоставленіе данныхъ указываетъ, что общая работа распредѣлена весьма неравномерно. Съ точки зрѣнія военной психологіи, центр тяжести всей хозяйственной операціи рѣзко переходитъ въ сторону *провѣрки*—контроля, ревизіи и проч., что *обязываетъ* воинскаго чина обратить исключительное вниманіе на инстанціи провѣряющія, какъ на величину главенствующую въ военномъ хозяйствѣ. Элементарная теорія вѣроятностей убѣждаетъ, что удовлетворить всѣмъ требованіямъ пяти провѣряющихъ инстанцій невозможно, такъ какъ которая нибудь изъ нихъ непременно найдетъ неправильности, хотя бы потому, что исполнителю свойственно ошибаться. Если же прибавить, что провѣрка производится *безъ обстановки*, что выяснено ниже, на почвѣ формальнаго закона и личныхъ соображеній провѣряющаго, то вѣроятность ошибокъ и ненормальностей увеличится до полной невозможности удовлетворить требованіямъ провѣряющихъ инстанцій.

Итакъ, воинскій чинъ хозяйственнаго разряда, въ моральномъ отношеніи, поставленъ въ необходимость считаться съ требованіями пяти провѣряющихъ инстанцій, а затѣмъ уже съ требованіями войскъ. Такое распредѣленіе душевныхъ силъ и помысленій исполнителя въ высокой степени невыгодно для арміи.

Къ этому надо прибавить еще одну психологическую особенность.

Войска, получивши или не получивши отъ военнаго хозяйства необходимое,—скоро забываютъ даже хозяйственные катастрофы, ибо таковыя смѣняются явленіями болѣе

грознаго характера—сраженіями. Слѣдовательно, для войскъ хозяйственныя операціи имѣютъ второстепенное значеніе, уступая мѣсто боевымъ событіямъ. Но инстанціи, провѣряющія хозяйство, весь смыслъ своей дѣятельности видятъ именно въ провѣркѣ, видятъ въ ней единственное средство показать свое служебное рвеніе, отличиться. Ну, а кому же не хочется пожать лавры?! Отсюда происходитъ столь непонятное на первый взглядъ явленіе—военно-хозяйственная катастрофа, когда войска, напр., голодали и мерзли, не оставляетъ сильныхъ впечатлѣній и скоро забывается; но малѣйшая неправильность въ документахъ, а тѣмъ болѣе—хотя бы маловажное преступленіе превращается въ событіе чрезвычайной важности, которое возмущаетъ служебныя сферы, поднимаетъ на ноги всю печать и волнуетъ общество въ сильнѣйшей степени. Какъ объяснить подобное явленіе?

Объясненіе очень простое. Для войскъ хозяйственная катастрофа представляетъ одну изъ тѣхъ неблагоприятныхъ и при томъ второстепенныхъ данныхъ, съ которыми не только въ военное, но даже въ мирное время надо считаться, не создавая изъ мухи слона. Но для провѣряющихъ инстанцій всякій неполадокъ въ военномъ хозяйствѣ—это вопросъ первостепенной важности, имѣющій огромное личное значеніе. Неудивительно поэтому, что подобные вопросы оцѣниваются въ повышенномъ тонѣ. Указанная особенность еще болѣе подчеркиваетъ господствующее значеніе провѣряющихъ инстанцій. Наконецъ, если военное хозяйство—есть военное искусство, то оцѣнить военно-хозяйственную операцію способенъ только воинскій чинъ, могущій разобраться въ данной обстановкѣ. Лица же невоеннаго званія, какъ несвѣдущія въ военныхъ вопросахъ, изслѣдовать хозяйственную операцію не имѣютъ возможности.

Приведенное сопоставленіе и психологическій анализъ явленій приводитъ къ убѣжденію, что для пользы дѣла необходимо измѣнить соотношеніе данныхъ, изъ коихъ сла-

гается военно-хозяйственная дѣятельность, а именно. Безусловно необходимо отвлечь всѣ помыслы, всю душу чина хозяйственного разряда *въ сторону войскъ*, а не въ сторону провѣрки; необходимо вкоренить убѣжденіе, что воинская доблесть требуетъ прежде всего удовлетворить потребности войскъ, а затѣмъ уже думать о провѣркахъ. Мало того, военная психологія совѣтуетъ воспитать взгляды, что всякая провѣрка обязана помогать и оказывать содѣйствіе чину хозяйственного разряда. Достигнуть цѣли можно установленіемъ прежде всего правильнаго соотношенія инстанцій.

На дѣлѣ подобное соотношеніе выражается въ слѣдующей формѣ:

- а) войска, инстанція требующая 1.
- б) работа чиновъ хозяйственного разряда 1.
- в) работа частныхъ лицъ 1.
- г) военно-ревизіонная комиссія изъ военныхъ чиновъ 1.

При указанномъ соотношеніи провѣрка получить значеніе обычныхъ служебныхъ обязанностей, на почвѣ общихъ условій военной службы. Такая провѣрка будетъ производиться въ зависимости отъ обстановки, хорошо знакомой чинамъ военно-ревизіонной комиссіи, и будетъ находиться ближе къ интересамъ войскъ, чѣмъ къ личнымъ интересамъ многочисленныхъ провѣряющихъ инстанцій, организованныхъ къ тому же изъ гражданскихъ лицъ, чуждыхъ военному дѣлу.

Передвинувъ центръ тяжести душевной дѣятельности чина хозяйственного разряда въ сторону войскъ, этимъ самымъ устранится рознь между строемъ и хозяйствомъ, а военная іерархія получитъ полную возможность производить внутренній, т. е. самый дѣйствительный контроль хозяйственныхъ операцій.

Что же касается всѣхъ прочихъ комиссій, какія могутъ быть подсказаны дѣйствительной жизнью, то психическіе интересы арміи требуютъ, чтобы комиссіи эти на-

ходились въ *исключительномъ* вѣдѣніи военной іерархіи и только по указанію этой іерархіи начинали свою специальную дѣятельность. Иначе въ душевное состояніе арміи вообще, чиновъ хозяйственного разряда, въ частности, вносится раздвоеніе, съ весьма естественнымъ вопросомъ— кто же на самомъ дѣлѣ распоряжается въ арміи: военная іерархія или случайно организованная комиссія? Этотъ жгучій вопросъ, съ точки зрѣнія военной психологіи, сильно понижаетъ воинскую доблесть. Единство духа арміи— есть первое условіе развитія и укрѣпленія воинской доблести.

IV. Четвертая группа данныхъ, изъ коихъ слагается военное хозяйство, слѣдующая:

- а) интересы службы;
- б) интересы казны;
- в) интересы частныхъ лицъ, подрядчиковъ и поставщиковъ.

Польза дѣла требуетъ выяснить относительное значеніе указанныхъ данныхъ, дабы каждому отвести надлежащее мѣсто.

Интересы службы. Основной характеръ военно-хозяйственныхъ операцій зависитъ отъ состоянія военного искусства въ данную эпоху. Было время, когда государство совершенно не заботилось доставленіемъ арміи всего необходимаго; военно-хозяйственныхъ операцій, въ современномъ смыслѣ, не существовало. Потребности войскъ удовлетворялись личными усиліями воинскихъ чиновъ. Въ нашу эпоху установились обратные порядки: всѣ хозяйственныя заботы объ арміи лежатъ на обязанности военной іерархіи; вопросы разрѣшаются путемъ очень сложныхъ военно-хозяйственныхъ операцій.

Современное состояніе военного искусства требуетъ, чтобы всѣ средства для жизни и боя были доставлены войскамъ своевременно, въ надлежащемъ количествѣ, надлежащаго качества. Вотъ сущность интересовъ службы, въ области военного хозяйства.

Войска назначены исключительно для боевых дѣйствій. Поэтому, выполняя свое главное назначеніе, войска не обязаны знать, какими приемами и по какой цѣнѣ приобрѣтено имущество; но войска очень заинтересованы, чтобы имущество удовлетворяло своему назначенію. Отсюда ясно, что интересы службы, занимая *первое мѣсто*, совершенно отдѣлены, обособлены отъ интересовъ казны и интересовъ частныхъ лицъ. Мало того,—такъ какъ войскамъ необходимо хорошее имущество, а стоимость такого имущества увеличивается по мѣрѣ улучшения качествъ, то значить интересы службы требуютъ увеличенія расходовъ, что противорѣчитъ интересамъ казны и частныхъ лицъ.

Интересы казны заключаются въ томъ, чтобы расходы были возможно меньше, а платежи производились возможно позже, послѣ исполненія хозяйственной операціи. Такимъ образомъ, служба требуетъ расходовъ возможно большихъ и скорѣйшихъ; казна—возможно меньшихъ и замедленныхъ. Возникаютъ пререканія, которыя заканчиваются въ предѣлахъ возможнаго, на почвѣ такъ называемыхъ смѣтныхъ исчисленій, указывающихъ, что именно надо приобрѣсти, и предѣльныхъ цѣнъ—по какой именно цѣнѣ разрѣшается приобрѣтать имущество. Смѣта и предѣльныя цѣны образуютъ тотъ кругъ, въ коемъ замкнута вся хозяйственная операція. Если хозяйственная операція завершена въ предѣлахъ смѣты и установленныхъ цѣнъ, а войска своевременно получили удовлетворительное имущество, то надо признать, что интересы службы и казны соблюдены въ полной мѣрѣ. Означенные общіе благопріятные результаты составляютъ ту именно хозяйственную цѣль, къ которой неудержимо, всѣми силами душевныхъ способностей, должны стремиться чины хозяйственного разряда, во всякой обстановкѣ мирнаго и военнаго времени.

Изложенное указываетъ, что интересы казны, во первыхъ, прямо противоположны интересамъ службы, а во вторыхъ, что казна, въ отношеніи службы, занимаетъ *вто-*

ростепенное мѣсто и служить вспомогательнымъ органомъ, съ точки зрѣнія военнаго искусства.

Военная же психологія предупреждаетъ, что смѣшивать интересы службы и казны ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ. Служба и казна, въ психическомъ отношеніи, двѣ совершенно разныя области. Поэтому необходимо эти области рѣзко отдѣлить одну отъ другой, дабы такъ же опредѣленно слагались душевныя побужденія чиновъ хозяйственнаго разряда. Несомнѣнно, что всѣ помыслы, всѣ духовныя силы хозяйственнаго чина должны быть направлены въ сторону интересовъ службы, а не казны. Безъ этого неизбѣжно явятся колебанія, трусость, и какъ слѣдствіе сего,—войска не получаютъ сухарей и патроновъ въ наиболѣ трудныя минуты, что можетъ закончиться неоправимой *боевой* катастрофой.

Дабы избѣжать такихъ послѣдствій, необходимо установить и твердо проводить въ жизнь слѣдующія основныя положенія: казна, въ частности деньги составляютъ только *средство* борьбы, а не цѣль хозяйственной дѣятельности. Затѣмъ, хозяйственные интересы *службы* должны занять господствующее положеніе, господствующее настолько, дабы не оставалось никакихъ сомнѣній, что собственно требуется—удовлетворить ли полностью хозяйственныя надобности войскъ, или сберегать казенныя суммы. Наконецъ, одинъ фактъ благопріятнаго рѣшенія хозяйственнаго вопроса долженъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что интересы службы соблюдены; въ этомъ случаѣ интересы казны вовсе не должны приниматься во вниманіе.

Судить о нарушеніи интересовъ службы могутъ только войска, которыя сами потребляютъ имущество, а потому имѣютъ о немъ самое правильное представленіе. Интересы казны опредѣляются сравненіемъ расходовъ со смѣтными исчисленіями и предѣльными цѣнами. Если смѣта и предѣльныя цѣны не нарушены, то, значить, интересы казны

соблюдены, ибо казна понесла расходы въ размѣрахъ, которые были заранѣе предрѣшены.

Интересы частныхъ лицъ, подрядчиковъ и поставщиковъ, заключаются въ томъ, чтобы получить возможно большій барышъ, возможно большую заработную плату. Достигнуть цѣли можно разными способами: законными и преступными. Въ первомъ случаѣ интересы службы и казны не страдаютъ, такъ какъ хозяйственныя операціи совершаются на почвѣ взаимныхъ выгодъ. Во второмъ случаѣ страдаютъ или интересы службы, если войска получаютъ негодное имущество, хотя бы дешевое; или интересы казны,—если расходы выше дѣйствительной стоимости имущества, хотя бы отличнаго по качеству.

Въ современную эпоху выполнить хозяйственныя операціи безъ содѣйствія частныхъ лицъ—невозможно. Слѣдовательно, интересы частныхъ лицъ являются неизбѣжной слагаемой военного хозяйства. Отношеніе этой слагаемой слѣдующее: если интересы частныхъ лицъ удовлетворяются на почвѣ законной, на почвѣ взаимной выгоды, то частныя лица являются полезными помощниками въ военномъ дѣлѣ. Если же интересы удовлетворяются на почвѣ незаконной, то частныя лица являются коммерческими противниками службы и казны.

Съ точки зрѣнія военной психологіи, стремленіе къ законной наживѣ не нарушаетъ общихъ законовъ борьбы за существованіе, а потому стремленіе это вполнѣ нравственное и не возмущаетъ совѣсть. Но если стремленіе къ наживѣ основано на почвѣ незаконной, то значитъ стремленіе это перешло въ страсть, утратило душевное равновѣсіе. Такая именно страсть служить главнѣйшей, а въ большинствѣ случаевъ, единственной причиной безпорядковъ и преступныхъ дѣяній въ военномъ хозяйствѣ.

Итакъ, соотношеніе данныхъ четвертой группы слѣдующее: интересы *службы*—должны занимать первое мѣсто, должны господствовать надъ всѣми душевными стремле-

ніями воинскаго чина хозяйственнаго разряда; интересы эти должны быть рѣзко отдѣлены отъ другихъ интересовъ и представлять совершенно самостоятельную цѣль.

Интересы *казны* должны занимать второстепенное мѣсто и служить только средствомъ, а не цѣлью военного хозяйства.

Интересы *частныхъ лицъ* занимаютъ третье мѣсто и служатъ вспомогательными органами военного хозяйства, органами—полезными или вредными, въ зависимости отъ характера дѣятельности.

Военная же психологія рѣшительно заявляетъ—не ставьте блескъ золота выше блеска военной славы; горе той арміи, въ которой казенный рубль получить господствующее положеніе и начнетъ угнетать сознаніе страхомъ личной отвѣтственности за малѣйшія промахи. Страхъ и слѣдствіе его трусость, дадутъ такіе результаты, которые никакими интересами казны не могутъ быть уравновѣшены.

V. *Хозяйственные органы* или рабочія силы, необходимыя для исполненія хозяйственной операціи. Очевидно, безъ рабочихъ силъ хозяйственная работа не выполнима. Чѣмъ расчетъ рабочихъ силъ сдѣланъ точнѣе и силъ этихъ больше, тѣмъ въ лучшей степени обезпеченъ успѣхъ хозяйственнаго предпріятія.

Рабочія силы опредѣляются штатами и табелями. Въ штатѣ указано, какое число чиновъ должно находиться въ хозяйственномъ управленіи, а табель опредѣляетъ имущество этого управленія, канцелярское, обозное и проч. Служебныя обязанности чиновъ хозяйственнаго разряда должны быть установлены соразмѣрно силамъ *средняю* челоуѣка. Только тогда можно быть увѣреннымъ, что работа будетъ исполнена въ полной мѣрѣ.

Законъ точно опредѣляетъ родъ и характеръ хозяйственныхъ операцій, а также кругъ штатныхъ обязанностей воинскаго чина хозяйственнаго разряда. Но въ дѣйствительной жизни наблюдаются два слѣдующихъ исключенія:

во первых—весьма часто возлагаются порученія сверхштатныя, а еще чаще—не даются достаточныя средства для выполненія опредѣленной работы.

Съ точки зрѣнія нормальныхъ условий, отъ исполнителя можно требовать работу только въ предѣлахъ штатныхъ обязанностей и въ мѣрѣ данныхъ ему средствъ. Но военная психологія, выдвигая на первое мѣсто интересы службы и воинскую доблесть, заявляетъ—воинскимъ чинамъ не дается права отказываться отъ сверхштатныхъ порученій; недостатокъ же средствъ и даже совершенное отсутствіе таковыхъ не даютъ моральнаго основанія отказываться отъ работы или плохо выполнять таковую. Съ точки зрѣнія воинской доблести, воинскій чинъ обязанъ или погибнуть, или выполнить данную ему задачу. Безъ этого коренного и неизмѣннаго условія въ военное дѣло будетъ внесено такое огромное количество личнаго усмотрѣнія, что общая планомѣрная работа станетъ совершенно невозможной.

Но, оцѣнивая дѣятельность воинскихъ чиновъ, немислимо обойти молчаніемъ, что данный чинъ выполнилъ не только прямыя свои обязанности, но выполнилъ также и сверхштатныя порученія. Кромѣ того, безусловно необходимо выяснитъ, были ли даны всѣ средства, необходимыя для работы, или же этихъ средствъ не доставало. Подобная справедливая оцѣнка въ значительной степени поднимаетъ работоспособность чиновъ и укрѣпляетъ сознание, что не только работа, но и оцѣнка таковой зависитъ отъ обстановки, т. е. отъ той данной, съ которой прежде всего надлежитъ считаться. Справедливая оцѣнка дѣятельности, въ зависимости отъ обстановки, весьма выгодна въ интересахъ службы, такъ какъ умножаетъ духовныя силы исполнителей. И если несмотря на то, что на воинскаго чина были возложены не только штатныя, но и сверхштатныя обязанности, а рабочихъ силъ не доставало, хозяйственная операція всетаки выполнена, то

о нарушеніи интересовъ службы не можетъ быть рѣчи. Иначе—будетъ убита всякая предприимчивость, инициатива, энергія, служебное самолюбіе и всѣ тѣ моральныя двигатели, благодаря которымъ одинъ человекъ выполняетъ работу за многихъ подчиненныхъ, не данныхъ ему вслѣдствіе недостатка личнаго состава или по инымъ причинамъ.

Невольно возникаетъ вопросъ—возможны ли такіе случаи, чтобы правильно исполняемая работа, даже сверхштатная, вызвала нареканія, за нарушеніе интересовъ службы? Въ дѣйствительной жизни подобные случаи вполне возможны, вслѣдствіе такихъ психическихъ особенностей. Благодаря несовершенству природы человека, человеку свойственно ошибаться; затѣмъ, кто много дѣлаетъ, тотъ больше даетъ ошибокъ. Эти послѣднія невольно привлекаютъ вниманіе, подобно тому какъ въ темнотѣ привлекаетъ взоръ свѣтящаяся точка. Отдаваясь же впечатлѣнію безъ участія ума, т. е. оцѣнивая работу только по тѣмъ даннымъ, которыя бросаются въ глаза прежде всего, легко сдѣлать ошибочное заключеніе, что данный воинскій чинъ плохо исполнилъ свои обязанности. Дабы избѣгнуть столь роковой несправедливости, необходимо прежде всего выяснитъ обстановку работы, въ частности—раздѣлить выполненную работу на штатную и сверхштатную, а затѣмъ опредѣлитъ, въ какомъ количествѣ даны были рабочія силы: въ полной мѣрѣ или силъ этихъ не доставало. Только сопоставляя *всѣ* данныя рабочей обстановки, можно сдѣлать правильное заключеніе о дѣятельности воинскаго чина. Та же психическая особенность—обращать преувеличенное вниманіе на ошибки, даетъ еще болѣе изумительные результаты, а именно. Человекъ, ничего не дѣлающій, не дѣлаетъ и ошибокъ. Отсутствіе таковыхъ создаетъ впечатлѣніе, что человекъ исполняетъ свои обязанности безъ шереховатостей, т. е. хорошо. На такомъ именно впечатлѣніи создается отличное мнѣніе о лицахъ, ничего не дѣлающихъ. Опытный въ житейскихъ дѣлахъ чинъ, подмѣ-

тивши указанную особенность, начинает уклоняться от работы и, как улитка, прячется въ свою штатную скорлупу, стремясь переложить даже свои прямыя обязанности на другихъ лицъ.

Къ этому надо прибавить еще одну особенность: работа лицъ, имѣющихъ протекцію, всегда возносится на степень колоссальной заслуги; работа же лица, протекціи не имѣющаго, понижается на много степеней, противъ дѣйствительной стоимости этой работы.

Дабы устранить всѣ указанныя ненормальности, въ сильнѣйшей степени понижающія работоспособность воинскихъ чиновъ, необходимо прежде всего выяснить обстановку работы, а затѣмъ результаты дѣятельности. Только на основаніи двухъ указанныхъ данныхъ можно правильно оцѣнить работу.

Военная психологія считается еще съ тѣмъ, что человекъ не можетъ быть въ полной мѣрѣ объективнымъ и безпристрастнымъ. Дабы устранить вредныя послѣдствія подобнаго недостатка, необходимо служебную дѣятельность воинскихъ чиновъ изображать въ видѣ голыхъ фактовъ и эти послѣдніе записывать въ особую *служебную лѣтопись*. Тогда изъ лѣтописи будетъ видно, кто, какую и въ какой обстановкѣ работу выполнилъ; такая лѣтопись послужитъ матеріальнымъ основаніемъ для оцѣнки заслугъ. Лѣтопись, составляя листы исторіи, будетъ благотворно дѣйствовать на самолюбіе воинскаго чина, подниметъ его энергію и работоспособность, потому что человекъ свойственно стремится къ извѣстности и одобренію. Кромѣ того, лѣтопись избавитъ отъ несправедливой аттестаціи и большихъ неприятностей, вызванныхъ завистью.

Въ области военного хозяйства, лѣтопись составитъ основной документъ провѣрки, такъ какъ изъ лѣтописи видно, въ какой мѣрѣ соблюдены интересы службы и въ какой именно обстановкѣ.

VI. Слѣдующей, весьма существенной слагаемой обстановки являются *требованія казны*.

Требованія армейской казны заключаются прежде всего въ томъ, чтобы на содержаніе войскъ и заготовленіе средствъ борьбы были выданы денежныя суммы полностью, согласно смѣтнымъ исчисленіямъ военнаго вѣдомства. Въ современную эпоху, означенныя требованія настолько велики, что ни одно государство въ мірѣ не располагаетъ такими денежными ресурсами, чтобы всѣ безъ исключенія требованія армейской казны могли быть удовлетворены. Между казной государственной и казной армейской происходятъ неизбѣжныя пререканія: одна сторона требуетъ сократить расходы, другая—покрыть ихъ цѣликомъ. Пререканія заканчиваются въ предѣлахъ возможнаго, такъ какъ государственная казна, повторяю, не въ силахъ дать, что требуется; но армія не можетъ отказаться отъ главнѣйшихъ, наиболѣе существенныхъ потребностей. Во время войны, на первое мѣсто выступаютъ боевыя условія, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ иногда участь государства. Вотъ почему въ военное время армія должна получить все, что ей необходимо для вооруженной борьбы.

Итакъ, въ мирное время рѣшающій голосъ принадлежитъ государственной казнѣ; въ военное время—казнѣ армейской. Въ этомъ заключается первое психологическое соотношеніе двухъ сторонъ, на денежной почвѣ.

Получивши въ свое распоряженіе денежныя суммы, армія расходуетъ большую часть денегъ на хозяйственныя операціи, поручая исполненіе таковыхъ военно-хозяйственнымъ органамъ.

Отъ военнаго хозяйства казна требуетъ, чтобы казенное имущество пріобрѣтаемое, отданное на храненіе и расходуемое, отвѣчало своему назначенію, а денежныя расходы не превышали смѣтныхъ исчисленій и предѣльныхъ цѣнъ. Вотъ въ сущности все, что можно требовать отъ воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда.

Таково общее правило. Въ мирное время расходы свыше смѣты оправдываются чрезвычайными обстоятельствами. Въ военное же время деньги подчиняются правиламъ тактики, т. е. расходуются въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, въ зависимости отъ обстановки, хотя бы расходы превышали смѣтныя исчисленія. Во всякомъ однако случаѣ, казенныя суммы составляютъ только *средство* вооруженной борьбы, а не цѣль военной службы. Если тактика признаетъ возможнымъ, въ военное время, завалить тѣлами рвы и проволочныя загражденія, во имя боевого успѣха, то военная администрація имѣетъ право предъявить равновеликое требованіе—засыпать золотомъ препятствія, но такія уничтожить и добиться успѣха во что бы то ни стало. Только при такой постановкѣ вопроса возможна побѣда.

Дабы установить вполнѣ опредѣленныя отношенія воинскихъ чиновъ къ казеннымъ суммамъ, необходимо принять слѣдующее основное правило: если исполнитель не вышелъ за предѣлы смѣтныхъ исчисленій, а тѣмъ болѣе если онъ выполнилъ хозяйственную операцію и далъ экономію противъ предѣльныхъ цѣнъ, то операція считается выгодною для казны, а хозяйственный чинъ свободенъ отъ нареканий. Общія благопріятные результаты исключаютъ возможность какихъ либо начетовъ или служебныхъ недоразумѣній. Только при указанныхъ условіяхъ требованіе казны будетъ вполнѣ понятно, а воинскій чинъ будетъ знать, къ какой именно цѣли надо стремиться—къ *общимъ* благопріятнымъ результатамъ хозяйственныхъ операцій. Ясная цѣль и сознаніе послѣдствій, если цѣль эта будетъ достигнута, въ сильнѣйшей степени поднимутъ энергію, инициативу и работоспособность хозяйственнаго чина.

VII. *Кассовыя правила*—предрѣшаютъ движеніе каждой копѣйки.

Продолжительный миръ и общее стремленіе къ обезпеченной жизни выдвинули на первое мѣсто деньги. Въ срединѣ прошлаго столѣтія шумно пролетѣлъ надъ Европой

возгласъ: „деньги—все“. Подобные взгляды проникли также и въ Европейскія арміи. Въ военномъ дѣлѣ, деньги заняли неподобающее мѣсто: изъ средства борьбы превратились въ цѣль службы. При такихъ условіяхъ, казенныя суммы получили на столько исключительное значеніе, что вокругъ нихъ начали возводить своего рода проволочныя загражденія, съ цѣлью предохранить цѣлость казеннаго рубля. Для военно-хозяйственныхъ операцій постепенно создавались особые, очень сложные законы, которые дополнялись правилами, инструкціями, условіями, договорами, контрактами, кондиціями, кассовыми правилами, разъясненіями и дополненіями. Всѣ означенныя мѣропріятія были направлены къ тому, чтобы совершенно точно установить движеніе каждой копѣйки; установить готовые рецепты для прихода и расхода, не считаясь съ условіями дѣйствительной жизни. Хозяйственныя операціи построены на недовѣрїи, забывая, что недовѣрїе рождаетъ скрытность, отъ которой одинъ шагъ къ преступленію.

Справедливость обязываетъ заявить, что стратегія и тактика тоже пережили свои періоды вожденія за рукавъ исполнителей.

Было время, когда въ области стратегіи господствовали теоретическіе планы кампаній на всякій случай, независимо отъ театра военныхъ дѣйствій и обстановки. Такіе планы предрѣшали всѣ передвиженія арміи, подобно кассовымъ правиламъ, предрѣшающимъ движеніе казенныхъ суммъ въ области хозяйственной.

Въ тактикѣ тоже извѣстны изумительныя диспозиціи, напр., диспозиція союзныхъ армій для боя подъ Аустерлицемъ, въ 1805 году,—въ коихъ заблаговременно и совершенно точно указывалась работа каждой воинской части на полѣ сраженія, внѣ всякой зависимости отъ обстановки.

Исторія однако убѣждаетъ, что вожденіе за рукавъ исполнителей всегда заканчивалось жестокимъ пораженіемъ.

Наученныя горькимъ опытомъ, стратегія и тактика отказались отъ готовыхъ рецептовъ и предоставили исполнителямъ полную свободу, въ предѣлахъ данной задачи и данныхъ средствъ. Только одна военная администрація сохранила устарѣвшіе приемы и держитъ хозяйственныя операціи въ тискахъ, изъ очень сложныхъ кассовыхъ и другихъ правилъ.

Такова исторія означенныхъ правилъ.

Съ точки зрѣнія военной психологіи, вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Главнѣйшее требованіе военнаго искусства и военной службы заключается въ томъ, чтобы цѣль была достигнута, не взирая на гибель людей и утрату имущества. Такая постановка вопроса нисколько не противорѣчитъ самой строгой морали, ибо армія на то и существуетъ, чтобы кровью и желѣзомъ рѣшать историческія задачи. Въ вооруженной борьбѣ двухъ свободныхъ силъ, деньги неизбежно подвергаются совершенно такимъ же случайностямъ, какъ и всѣ остальные средства борьбы. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія ставить казенныя суммы въ исключительное положеніе. Суммы эти необходимо подчинить общимъ законамъ военнаго искусства.

Сущность означенныхъ законовъ слѣдующая: исполнителю точно указывается задача и даются необходимыя средства, расходовать которыя онъ можетъ по своему личному усмотрѣнію, въ зависимости отъ обстановки. При такихъ условіяхъ получается обширное поле для творчества, знанія, энергии, частной инициативы.

Въ военномъ хозяйствѣ осуществляются означенныя законы въ такой формѣ: въ зависимости отъ данной потребности войскъ, опредѣляется родъ, размѣры и характеръ хозяйственной операціи; исчисляются и затѣмъ отпускаются необходимыя денежныя суммы; утверждаются предѣльныя цѣны. Означенными тремя пунктами устанавливается хозяйственная задача и ограничивается кругъ дѣятельности

воинскаго чина хозяйственнаго разряда. Далѣе сего указанія свыше не должны простираться.

Только при такой постановкѣ вопроса, исполнитель проникается убѣжденіемъ, что главная цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться, заключается въ томъ, чтобы обезпечить войска средствами борьбы, не взирая на всѣ хозяйственныя затрудненія. Такъ какъ другихъ постороннихъ обстоятельствъ, затемяющихъ главную цѣль, не будетъ, то исполнители естественно обратятъ всѣ душевныя силы къ намѣченной цѣли, къ этой путеводной звѣздѣ хозяйственной дѣятельности, къ общимъ благоприятнымъ результатамъ хозяйственной операціи.

Совсѣмъ иное получится, если въ указаномъ выше кругѣ будутъ расписаны всѣ частныя пути, по коимъ исполнитель обязанъ слѣдовать; если предрѣшить каждый шагъ, каждое движеніе хозяйственнаго чина, а за нарушеніе мельчайшей формальности—будетъ угрожать политическая смерть. Естественно, что наступитъ торжество кассовыхъ правилъ, господство бухгалтеріи, отчета, техники. Но человѣкъ такъ созданъ, что онъ стремится выполнить прежде всего то, что въ его сознаніи получаетъ первенствующее значеніе; стремится къ цѣли, которая ярче выдѣляется на общемъ фонѣ служебныхъ требованій. Невольно поэтому складывается міровоззрѣніе, что въ хозяйственной области важнѣе всего кассовыя правила и бумажная провѣрка дѣятельности, независимо обстановки и общихъ результатовъ хозяйственныхъ операцій. Столь вредное міровоззрѣніе укрѣпляется служебными послѣдствіями. Хозяйственный чинъ убѣждается, что хозяйственная операція даже невыполненная, но безупречная съ точки зрѣнія кассовыхъ правилъ, не вызываетъ дурныхъ послѣдствій; а прекрасные общіе результаты, своевременно дающіе войскамъ средства борьбы, даютъ контрольные начеты и даже судебное преслѣдованіе, если нарушены формальности. Поэтому взоры хозяйственнаго чина невольно обращаются въ сторону гос-

подствующихъ требованій; творчество, энергія, инициатива постепенно затихаютъ, уступая мѣсто шаблону, канцелярской техникѣ, осторожности, *трусости*! Страшный призракъ начета и даже политической смерти вяжетъ мертвой петлей всѣ благія начинанія, отъ которыхъ зависитъ иногда спасеніе многихъ тысячъ строевыхъ чиновъ и даже арміи. Постыдное соображеніе „своя рубашка—ближе къ тѣлу“ заглушаетъ совѣсть, и... создается хозяйственная катастрофа, которая весьма часто служитъ причиною катастрофы боевой. За то торжествуетъ бумажная непорочность хозяйственной операціи!

Современныя колоссальныя арміи отягчены колоссальными хозяйственными заботами. Безъ хлѣба, одежды, патроновъ, вывоза раненыхъ и безъ многихъ другихъ хозяйственныхъ работъ, дающихъ жизнь и силу человѣку, этому главному вершителю боевыхъ судебъ на театрѣ войны,—воевать невозможно. Поэтому безусловно необходимо освободить хозяйственныя операціи отъ мертвой петли, которая угнетаетъ и губитъ всѣ душевныя движенія. Достигнуть цѣли возможно слѣдующими средствами:

а) Отъ хозяйственныхъ операцій требовать, чтобы таковыя непременно удовлетворяли своему *главному* назначенію—своевременно давали войскамъ средства для жизни и боя, при всякой обстановкѣ.

б) Хозяйственныя операціи поставить на общихъ моральныхъ основаніяхъ, согласно коимъ воинская доблесть повелительно требуютъ—или погибнуть, или исполнить хозяйственныя распоряженія.

в) Всѣ хозяйственныя операціи подчинить правиламъ тактики, а именно—хозяйственному чину указывается задача, даются средства; исполненіе же предоставляется творчеству, личной инициативѣ, энергіи.

г) Совершенно уничтожить формальности, а таковыя замѣнить отчетомъ, въ коемъ должна быть выяснена прежде всего обстановка, а затѣмъ—совершенно правдиво опи-

сана вся хозяйственная работа и перечислены расходы, не утаивая убытковъ, происшедшихъ вслѣдствіе неудачныхъ или неумѣлыхъ дѣйствій хозяйственного чина.

Только при указанныхъ условіяхъ, хозяйственныя операціи дѣйствительно составляютъ отдѣлъ военного искусства, а не торговое предпріятіе, неудача въ коемъ карается политической смертью, даже въ томъ случаѣ, если воинскій чинъ украшенъ георгіевскимъ крестомъ. Торжество кассовыхъ правилъ и коммерческихъ соображеній надъ воинской доблестью—недопустимо, съ точки зрѣнія военной психологии.

VIII. *Военное время* вноситъ новыя, весьма существенныя данныя въ военное хозяйство. Прежде всего, потребности войскъ увеличиваются во много разъ, сравнительно съ требованіями мирнаго времени. Затѣмъ, всѣ хозяйственныя работы пріобрѣтаютъ необыкновенную срочность, ограничивая время исполненія нѣкоторыхъ требованій часами. Наконецъ, подъ давленіемъ противника и срочности, многія работы могутъ быть исполнены не иначе, какъ съ нарушеніемъ законнаго порядка и установленныхъ нормъ. На театрѣ военныхъ дѣйствій требуется удовлетворять хозяйственныя потребности войскъ *по существу*, забывая о формѣ. Такъ, напр., если не имѣется казенной теплой одежды, то выдаются даже мѣстные теплые халаты, лишь бы спасти воинскихъ чиновъ отъ холода и ненастья.

Психологическая особенность военного хозяйства въ военное время заключается въ томъ, что постоянно назрѣваютъ критическія минуты. Эти послѣднія вызываются исключительно потому, что душевное состояніе хозяйственнаго чина мирнаго времени, всѣ его привычки и приемы не отвѣчаютъ условіямъ военного времени. Въ мирное время колоссальное значеніе имѣютъ мелочи; въ военное—только сущность дѣла. Разстояніе между этими двумя полюсами настолько велико, что передвинуться отъ одной точки къ другой можно только скачками. А это и есть критическое положеніе.

Для хозяйственного чина означенное положеніе выражается въ слѣдующемъ.

Назрѣваетъ критическая минута; отдаются словесно спѣшныя приказанія, которыя всегда сопровождаются дружескими совѣтами: „дѣлайте, что хотите, только надо скорѣе исполнить такую то задачу“. Послѣ подобнаго напутствія, поднимающаго энергію на необычайную высоту, исполнитель ретиво принимается за дѣло. Производятся расходы, которые, какъ экстренные, всегда выше обыкновенныхъ; принимаются мѣры, непредусмотрѣнныя закономъ. Наконецъ дѣло сдѣлано; критическая минута прошла; необходимо свести счеты, утвердить документы. Но такъ какъ обстановка измѣнилась, то и мышленіе получаетъ иное направленіе, именно то, по коему оно двигается въ мирное время. Начинается оцѣнка работы по совершенно иному масштабу: то много матеріала израсходованно; то дорого уплочено; то лошади сильно загнаны, и проч. Всѣ эти упреки заканчиваются тѣмъ, что расходы не утверждаются, а на вопросъ—какъ же быть, получается отвѣтъ: „какъ хотите!“

Подобный отвѣтъ прикрываетъ заурядную трусость; столь обычную въ томъ случаѣ, когда приходится отвѣчать за казенное имущество и казенныя суммы. Съ точки зрѣнія военной психологіи, очерченное выше явленіе причиняетъ службѣ колоссальный вредъ, убивая всякое желаніе работать именно въ такое время, когда специальныя познанія, энергія, инициатива и взаимная выручка болѣе всего необходимы.

И дѣйствительно, исполнители съ нестойкимъ характеромъ, подъ разными предлогами уклоняются отъ отвѣтственной работы въ критическія минуты. Подобное отношеніе равновелико отказу идти въ атаку, а потому должно караться одинаковымъ наказаніемъ. Но, съ другой стороны, необходимо установить одно изъ двухъ: или всѣ распоряженія по хозяйственной части должны отдаваться письмен-

но; или послѣ рѣшенія задачи, немедленно должна быть выяснена обстановка работы чинами военно-ревизионной комиссіи.

Вторая психологическая особенность хозяйственной работы военнаго времени заключается въ томъ, что означенная работа послѣ войны, представляется въ совершенно иномъ видѣ.

На войнѣ противодѣйствіе противника, опасность, незнаніе очень многихъ данныхъ относительно положенія даже своихъ войскъ, преувеличенное представленіе о требованіяхъ данной минуты,—все это создаетъ неправильную оцѣнку обстановки, и какъ слѣдствіе сего,—неправильную, иногда весьма своеобразную постановку хозяйственныхъ операцій. Но вотъ заключается миръ; карты обѣихъ сторонъ открываются. Оказывается что многое, съ чѣмъ приходилось считаться во время военныхъ дѣйствій,—существовало только въ воображеніи исполнителей; другое, весьма благоприятное, ускользнуло отъ вниманія, подъ воздействием болѣе сильныхъ и срочныхъ впечатлѣній; иное, быть можетъ очень полезное въ данномъ мѣстѣ—отвергнуто, подъ давленіемъ экстренныхъ требованій выполнить такую же работу въ другомъ мѣстѣ, и проч. Но когда послѣ войны умъ человѣка освободится отъ тревожныхъ воздействій и невольно обратитъ вниманіе на обстоятельства, которыя не были извѣстны въ сосѣдствѣ съ противникомъ, тогда работа получаетъ совершенно иную окраску, иное освѣщеніе, и... совершенно иную оцѣнку. Расходы, которые казались спасительными на войнѣ, признаются излишними по оцѣнкѣ мирнаго времени. Мѣропріятія, которыя составляли гордость исполнителя на полѣ битвы, вызываютъ улыбку на лицѣ провѣряющаго, сидящаго въ уютномъ кабинетѣ. Словесныя приказанія, отданныя подъ жестокимъ огнемъ противника, теряютъ значеніе документа въ канцеляріи, гдѣ скрипятъ только перья и стучитъ пишущая машинка.

Словомъ, создаются два міровоззрѣнія, совершенно несоизмѣримыхъ: дѣятельность военнаго времени и оцѣнка этой дѣятельности послѣ войны. Означенное міровоззрѣніе, съ точки зрѣнія военной психологіи, дѣйствуетъ губительно на воинскую доблесть. Пусть хозяйственный чинъ ошибался; пусть онъ совершилъ много неправильностей, но оцѣнивать его работу надо непременно съ точки зрѣнія именно *той обстановки*, въ какой онъ работалъ, того міровоззрѣнія, которому онъ подчинялся. Иначе, при несоизмѣримости двухъ взглядовъ на работу, исполнитель невольно будетъ опасаться послѣдствій послѣ войны; невольно будетъ оглядываться назадъ на провѣряющихъ работу, и не станетъ смотрѣть впередъ на войска, коимъ призванъ служить.

Само собою разумѣется, что провѣрять хозяйственную работу военнаго времени могутъ только лица, понимающія *боевую обстановку*, т. е. воинскіе чины. Гражданскимъ лицамъ обстановка военнаго времени совершенно невѣдома, а потому душевное состояніе исполнителя и боевыя требованія непонятны. При такихъ условіяхъ, денежные счета, подъ коими скрывается иногда кровавая драма, напр., экстренная перевозка патроновъ на полѣ сраженія подъ перекрестнымъ огнемъ противника,—будутъ приравнены къ счетамъ базарной лавочки за колесную мазь.

Въ современную эпоху большая часть хозяйственныхъ операций на войнѣ имѣетъ значеніе *боевыхъ предпріятій*, а потому съ этой именно точки зрѣнія и надо оцѣнивать дѣятельность воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда въ военное время.

IX. *Провѣрка военнаго хозяйства* имѣетъ колоссальное значеніе, съ точки зрѣнія военной психологіи. Правильно поставленная и отлично знающая свое дѣло, провѣрка выясняетъ причины, размѣръ и значеніе ненормальностей; даетъ руководящія указанія на будущее время. Если провѣрка безпристрастна и лично въ провѣркѣ не заинтересована, то она правильно оцѣнитъ дѣятельность исполни-

телей, что укрѣпляетъ вѣру въ справедливость, довѣріе къ своимъ силамъ, частную инициативу. Но если провѣрка не удовлетворяетъ двумъ указаннымъ условіямъ, то получатся результаты прямо противоположные.

Такимъ образомъ, провѣрка составляетъ орудіе обоюдоострое: правильная провѣрка — укрѣпляетъ воинскую доблесть, даетъ практическія указанія и устраняетъ беззаконія. Провѣрка неправильная — совершенно разрушаетъ воинскую доблесть; уничтожаетъ моральное основаніе хозяйственной операции; еще болѣе запутываетъ познанія и вноситъ несправедливость въ оцѣнку дѣятельности исполнителей.

Таковы психологическія основы провѣрки.

Необходимо твердо помнить еще слѣдующую психологическую особенность: воинскій чинъ *обязанъ считаться съ указаніями провѣрки*, которая вѣнчаетъ дѣятельность хозяйственнаго чина. Какое указаніе даетъ провѣряющая инстанція, въ какомъ направленіи производится провѣрка, точно въ такомъ же направленіи складываются и крѣпнутъ всѣ душевныя побужденія воинскаго чина. Если, напр., провѣрка заявитъ, что казенный рубль надо ставить выше интересовъ службы, а потому разрѣшается не исполнять повелѣній даже главнокомандующаго или оставлять войска безъ продовольствія, лишь бы уменьшить расходы, то въ такомъ именно духѣ будутъ работать чины хозяйственнаго разряда. Означенная психическая особенность обязываетъ назначать провѣряющую инстанцію съ большой осторожностью и еще осторожнѣе относиться къ самой провѣркѣ. Иначе, неправильное міровоззрѣніе провѣряющей инстанціи проникнетъ въ войска и можетъ принести ужасающія послѣдствія.

Дабы укрѣпить полезныя и устранить вредныя стороны, провѣрка должна быть основана на слѣдующихъ указаніяхъ военной психологіи:

а) Провѣрка должна вполне отвѣчать психологіи арміи.

Поэтому, надлежитъ такимъ образомъ организовать провѣрку, чтобы не разрушать воинскую дисциплину и воин-

скую доблесть—этотъ фундаментъ арміи. Провѣрка не должна нарушать правоотношеній въ арміи, не должна имѣть въ войскахъ значенія инстанціи господствующей. Единство власти и авторитетъ военной іерархіи не должны подрываться ни при какихъ условіяхъ. Въ частности, доброе имя воинскаго чина хозяйственнаго разряда должно быть неприкосновенно до тѣхъ поръ, пока чинъ этотъ носить военный мундиръ. Пятнать мундиръ—это значить пятнать армію, одѣтую въ этотъ мундиръ.

б) Провѣряющая инстанція должна быть въ полной мѣрѣ компетентна въ той области, которая провѣряется. Такъ какъ военное хозяйство, составляя военное явленіе, всецѣло зависитъ отъ обстановки, то провѣряющія лица должны быть отлично знакомы съ военнымъ дѣломъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Безъ такого знакомства провѣрка сведется къ одностороннему выясненію только тѣхъ вопросовъ, которые знакомы лицу провѣряющему. Существенныя же военныя причины даннаго явленія не будутъ приняты во вниманіе, вслѣдствіе незнакомства съ даннымъ вопросомъ. Нельзя знать того, чего человекъ не знаетъ.

Въ общемъ, провѣрка безъ обстановки и внѣ обстановки приноситъ весьма существенный вредъ, такъ какъ совершенно измѣняетъ все міровоззрѣніе воинскихъ чиновъ, которые обязаны прежде всего считаться съ обстановкой. Провѣрка безъ обстановки—это область личныхъ усмотрѣній, область фантази.

в) Провѣряющая инстанція должна быть абсолютно свободна отъ личнаго интереса. Поэтому повѣряющія лица не должны получать за спеціальныя работы особыхъ наградъ, повышеній и денегъ. Все это, по несовершенству природы человека, заставляетъ сгущать краски въ дѣяніяхъ другихъ, дабы самому выдвинуться, составить личную карьеру, получить личное благо.

г) Провѣряющая инстанція должна имѣть въ виду только интересы службы. Съ этой цѣлью выясняются,

главнымъ образомъ, психологическія причины даннаго явленія; достоинство или недостатки данной организаціи, въ-дающей военнымъ хозяйствомъ; намѣчаются мѣропріятія для улучшеній. Въ общемъ, провѣрка должна открывать широкіе служебные горизонты, а не задаваться узкими полицейскими цѣлями—непремѣнно открыть злоупотребленія и найти преступниковъ. Если при провѣркѣ злоупотребленія дѣйствительно будутъ обнаружены, то конечно надлежитъ принять законныя мѣры, твердо однако помня общіе интересы арміи, а не частные интересы военнаго хозяйства.

д) Наконецъ, провѣряющія инстанціи должны дѣйствовать постоянно, дабы быть въ курсѣ дѣла и непрерывно *содействовать* войскамъ въ достиженіи хозяйственнаго благополучія.

Въ указанномъ отношеніи, военно-хозяйственныя операціи обладаютъ одной, весьма полезной психологической особенностью. Дѣло въ томъ, что хозяйственныя потребности войскъ установлены весьма опредѣленно; способы производства хозяйственныхъ операцій тоже хорошо извѣстны. Въ виду сего, возможные безпорядки, ущербы казнѣ и даже злоупотребленія легко *предвидѣть*, а слѣдовательно, легко остановить распространеніе зла, при первыхъ же тревожныхъ признакахъ. Для достиженія цѣли, необходимо быть въ курсѣ дѣла и своевременно провѣрять документы данной операціи.

Такимъ образомъ, въ интересахъ службы и казны, выгоднѣе перенести центръ тяжести провѣрки на предупрежденіе зла, чѣмъ на раскрытіе его, долго спустя послѣ совершенія. Установить соответственную организацію и дѣятельность провѣрочныхъ инстанцій очень легко, зная природу военно-хозяйственныхъ операцій.

Временныя провѣрки даютъ много шума и мало пользы. Вотъ требованія военной психологіи.

На страницѣ 209 выяснено, что въ настоящее время признается возможнымъ обсуждать военные вопросы въ комиссіяхъ изъ гражданскихъ лицъ. Болѣе всего подобные взгляды коснулись военного хозяйства.

Въ виду изложеннаго, необходимо сопоставить военно-провѣрочныя и гражданско-провѣрочныя инстанціи.

Военно-провѣрочныя комиссіи, изъ воинскихъ чиновъ разныхъ специальностей, составляютъ нормальные и весьма желательные органы въ составѣ арміи. Органы эти сами проникнуты воинской дисциплиной и воинскою доблестью, а потому въ отношеніи душевнаго состоянія не нарушаютъ психологіи арміи. Постигая въ совершенствѣ всѣ отдѣлы военного искусства, указанная комиссія въ полной мѣрѣ можетъ понять обстановку данной хозяйственной операціи. Вполнѣ компетентная по своей специальности и лично не заинтересованная, военно-провѣрочная комиссія можетъ давать очень цѣнныя указанія и заключенія, благодаря которымъ хозяйственныя операціи будутъ совершаться въ духѣ общей пользы, а хозяйственные чины могутъ лично совершенствоваться въ своихъ познаніяхъ и опытѣ. Наконецъ, работая непрерывно, комиссія можетъ содѣйствовать войскамъ и хозяйственнымъ органамъ въ достиженіи возможно лучшихъ результатовъ по хозяйственной части.

Въ иномъ видѣ представляется гражданско-повѣрочная инстанція. Прежде всего необходимо принять во вниманіе, что вся безъ исключенія служебная дѣятельность воинскихъ чиновъ, а въ томъ числѣ и хозяйственныя операціи, связаны воинской дисциплиной. Эта послѣдняя прививается только благодаря служебному режиму. Даже величайшій мудрецъ, не прошедшій школы военного воспитанія, не можетъ умозрительно понять дисциплинарныхъ правоотношеній, каковыя устанавливаются, главнымъ образомъ, практически. Отсюда ясно, что штатское лицо не можетъ постигнуть духа воинской дисциплины, а потому свою спе-

ціальную задачу по провѣркѣ хозяйственной дѣятельности будетъ всегда ставить выше дисциплинарныхъ интересовъ арміи. Но въ такомъ случаѣ пострадаетъ самая существенная часть военного дѣла—*воинская дисциплина*, а во вторыхъ, работа будетъ оцѣнена по штатскому масштабу, совершенно непригодному для оцѣнки дѣятельности воинскихъ чиновъ. Такъ напр. подчиненный, измѣнившій приказаніе начальника ради интересовъ казны, заслуживаетъ самаго серьезнаго наказанія, если таковое дѣяніе вызвало серьезныя послѣдствія въ боевомъ отношеніи. Но боевыя послѣдствія не входятъ въ область хозяйственной провѣрки, а потому остается одна только сторона и при томъ благопріятная—соблюденіе интересовъ казны. Однако подобные благопріятные результаты весьма преступны, съ точки зрѣнія воинской дисциплины.

Кромѣ того, штатскимъ лицамъ совершенно непонятна *обстановка*, т. е. совокупность тѣхъ условій и обстоятельствъ, при коихъ разрѣшаются вопросы военного дѣла, а въ томъ числѣ и вопросы хозяйственные. Дабы понять и разобраться въ обстановкѣ, необходимо обладать специальными познаніями по военной части, что недоступно гражданскимъ лицамъ. Но безъ обстановки всякое заключеніе будетъ одностороннимъ, а слѣдовательно не отвѣчающимъ общимъ интересамъ арміи.

Затѣмъ, провѣрка работы воинскихъ чиновъ штатскими лицами вызываетъ сознаніе, что значить военная іерархія не можетъ справиться съ вопросами собственными силами, что подрываетъ авторитетъ военныхъ начальниковъ.

Наконецъ, вмѣшательство гражданскихъ лицъ въ дѣла арміи пріучаетъ войска подчиняться штатскимъ лицамъ, что разрушаетъ представленіе объ единствѣ арміи и вноситъ весьма нежелательное разномысліе.

Сопоставленіе приводитъ къ убѣжденію, что съ точки зрѣнія военной психологіи, гражданско-провѣрочныя инстанціи нежелательны.

X. Проверка средств борьбы внѣ арміи. Насколько проверка военного хозяйства гражданскими лицами нежелательна, настолько содѣйствіе этихъ же лицъ внѣ арміи необходимо.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Выше выяснено, что арміи требуется колоссальное имущество, на миллиарды рублей. Имущество это военно-хозяйственные органы сами не производятъ, а только принимаютъ, за нѣкоторыми исключеніями. Большая же часть имущества собирается и изготовляется внѣ арміи, частью по даннымъ образцамъ, частью же на общемъ торговомъ основаніи.

Такимъ образомъ, военно-хозяйственные органы составляютъ единственную инстанцію, на которую возлагается колоссальная работа — опредѣлять достоинство имущества и срочно принимать его. Для дѣла гораздо выгоднѣе установить двѣ проверяющихъ инстанціи: одну — внѣ арміи, вторую — въ самой арміи.

Первая проверяющая инстанція, изъ земскихъ агрономовъ и чиновъ фабричной и заводской инспекціи, обязана давать совѣты подрядчикамъ и поставщикамъ, а также слѣдить за изготовленіемъ имущества, подлежащаго сдачѣ въ войска. Слѣдовательно, первая инстанція можетъ имѣть точныя свѣдѣнія о зарожденіи имущества и дальнѣйшемъ его движеніи. Поэтому, проверка будетъ весьма дѣйствительной по существу.

Наблюденіе за изготовленіемъ средствъ борьбы необходимо еще потому, что въ наше время фальсификація достигла очень большого совершенства. Нынѣ опредѣлить качество матеріала можетъ только хорошій специалистъ. Дабы устранить подмѣну, необходимо изслѣдовать сырой матеріалъ и затѣмъ наблюдать послѣдовательную обработку этого матеріала.

Подрядчики и поставщики, ведущіе свои дѣла честно, найдутъ въ лицѣ гражданскихъ комиссій помощь, благо-

даря которой уменьшится бракъ и увеличится барышъ. Тѣ же лица, которыя склонны къ фальсификаціи, будутъ вынуждены прекратить обманные приемы изготовленія средствъ борьбы.

По общему закону, всѣ безъ исключенія подданные обязаны помогать арміи въ осуществленіи боевыхъ задачъ. Помощь со стороны гражданскихъ лицъ, въ указанной выше формѣ, чрезвычайно облегчитъ работу военно-хозяйственныхъ органовъ, но главное — изготовленіе средствъ, необходимыхъ войскамъ для жизни и вооруженной борьбы, будетъ поставлено на прочное основаніе.

Въ военное же время, тѣ же гражданскія лица явятся наиболѣе полезными посредниками между населеніемъ и арміей, что совершенно устранить хозяйственные кризисы на театрѣ военныхъ дѣйствій.

XI. Слѣдующую данную военно-хозяйственной обстановки составляетъ *юридическая оцѣнка* дѣятельности воинскихъ чиновъ хозяйственного разряда въ томъ случаѣ, когда дѣятельность эта имѣетъ преступное отношеніе къ казенному имуществу и деньгамъ. Юридическая оцѣнка слагается изъ двухъ отдѣловъ. Къ первому относится выясненіе обстоятельствъ дѣла и собираніе документовъ, ко второму — установленныя наказанія. Съ точки зрѣнія военной психологіи, оба отдѣла должны быть такъ организованы, чтобы во первыхъ — ни въ какой формѣ не разрушать воинскую доблесть и не унижать достоинства военного мундира, а во вторыхъ — прежде всего выяснять *обстановку* даннаго дѣянія. Только при этихъ условіяхъ правосудіе будетъ служить средствомъ оздоровить армію, удаляя изъ войскъ всѣ порочные элементы. Но лучше сотню преступленій разрѣшить въ дисциплинарномъ порядкѣ, не предавая гласности, чѣмъ одинъ разъ принять такія мѣры, благодаря которымъ подрывается уваженіе къ войскамъ, а военный мундиръ становится посмѣшищемъ толпы.

Преступныя дѣянiя составляютъ исключенiя, и при томъ весьма незначительныя, въ общей колоссальной суммѣ положительныхъ достоинствъ арміи и личныхъ заслугъ отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ. Поэтому рѣшительно нѣтъ никакой психологической надобности воинскія преступленія возводить на степень чрезвычайныхъ событiй и создавать такія условія, при коихъ ненормальность захватываетъ умы, приобрѣтаетъ значеніе необычайнаго явленія, которымъ многіе пользуются для личныхъ цѣлей.

Современная печать свѣдѣніями о воинскихъ преступленіяхъ пользуется какъ темою для весьма шумныхъ выступленій, съ цѣлью показать, что она, печать, — весьма нравственна; въ частности же — для увеличенія доходовъ газеты и гонорара сотрудниковъ. Отдѣльныя служебныя лица сообщаютъ въ печать свѣдѣнія объ извѣстныхъ имъ воинскихъ правонарушеніяхъ, съ цѣлью показать свою ретивость и составить личную карьеру. Противогосударственные элементы, сгущая краски и подтасовывая свѣдѣнія, пользуются таковыми съ цѣлью подорвать довѣріе къ войскамъ со стороны народа. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія общихъ законовъ, даже въ стихійной жизни нашей планеты бываютъ ненормальности, въ формѣ землетрясеній, наводненій, урагановъ и проч. Слѣдовательно, извѣстный процентъ ненормальностей составляетъ неизбѣжное зло, съ которымъ, конечно, надлежитъ бороться, но бороться разумными способами, и прежде всего не преувеличивая и не эксплуатируя отрицательныхъ явленій. Иначе правонарушения легко использовать для цѣли неизмѣримо болѣе преступной, чѣмъ само дѣянiе въ войскахъ, напр., для преступной противогосударственной агитаціи.

Военная психологія рѣшительно заявляетъ, что на позорѣ военного мундира нельзя строить личнаго благополучія. Безъ военного мундира никакое благополучіе немислимо, а потому мундиръ этотъ необходимо очищать, но не рвать его только потому, что появились микроскопическія пятна.

На возраженіе, что передъ закономъ всѣ равны, военная психологія отвѣчаетъ, что это не совсѣмъ такъ. Напр., по *общимъ* законамъ за простую кражу налагается сравнительно небольшое наказаніе, безъ праволишеній. По *военнымъ* законамъ за кражу въ караулѣ — налагается самое тяжкое изъ существующихъ наказаній, сопровождаемое огромными праволишеніями. Отсюда ясно, что во имя огражденія интересовъ караульной службы признается необходимымъ сдѣлать громадное исключеніе изъ общихъ законовъ. Но воинская дисциплина и воинская доблесть составляютъ достояніе неизмѣримо болѣе цѣнное, чѣмъ интересы караульной службы. Поэтому, безусловно необходимо сдѣлать такія изъятія, установить такіе законы, коими указанное выше достояніе *всей арміи* оберегалось бы въ полной мѣрѣ.

Въ области перваго отдѣла юридической оцѣнки, а именно — во время выясненія обстоятельствъ дѣла и собиранія документовъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія ненормальности, съ точки зрѣнія военной психологіи. Во первыхъ, право военнаго слѣдователя *капитана* подвергать аресту *генерала*, а также право *гражданскихъ лицъ* подвергать аресту *воинскихъ чиновъ*, дабы не позволить уклониться отъ слѣдствія и суда. Подобныя мѣропріятія недопустимы съ точки зрѣнія воинской дисциплины и совершенно не вызываются необходимостью. Отъ слѣдствія и суда воинскій чинъ можетъ скрыться физически, но не можетъ скрыться юридически. Всякое позорное бѣгство доказываетъ, что воинскій чинъ признаетъ себя виновнымъ въ совершеніи преступныхъ дѣянiй, а это даетъ законное основаніе постановить заочное рѣшеніе и лишить виновнаго самаго дорогого для военнослужащаго, лишить его воинской чести, выслуженныхъ правъ, преимуществъ и пенсіи. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности вызывать въ умахъ разномысліе, какимъ это образомъ капитанъ или гражданскій чинъ арестуетъ генерала? Подобное разномысліе вноситъ колоссаль-

ный расколъ въ понятія о воинской дисциплинѣ, что неизмѣримо страшнѣе для арміи, чѣмъ трусливое бѣгство отъ слѣдствія и суда отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ.

Далѣе, въ числѣ мѣропріятій найти документы, доказывающіе виновность, значитъ обыскъ, каковой производится въ отношеніи воинскихъ чиновъ совершенно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ производится въ отношеніи лицъ, посягающихъ на цѣлость государства. Но воинскіе чины *создаютъ и охраняютъ* государство, а не разрушаютъ его. Поэтому принимать одинаковыя мѣры въ отношеніи лицъ, стоящихъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ, съ государственной точки зрѣнія,—несправедливо и невыгодно. Несправедливо потому, что правонарушенія въ области хозяйственной никоимъ образомъ не могутъ быть приравнены къ преступленіямъ государственнымъ; невыгодно потому, что публичный позоръ военного мундира разрушаетъ фундаментъ, на коемъ построено само государство.

Въ области установленія наказаній за содѣянные преступныя дѣянія, необходимо имѣть въ виду *реальные интересы арміи*, т. е. дѣйствительныя потребности войскъ, воинскую дисциплину и воинскую доблесть, а не отвлеченныя понятія объ идеальномъ равенствѣ передъ общими законами. Прежде всего, военная психологія обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы военное правосудіе рѣшительно отдѣляло интересы службы отъ интересовъ казны и интересовъ частныхъ лицъ. Цѣль такой специализаціи заключается въ томъ, чтобы укоренить сознаніе, что интересы службы, единственно отъ коихъ зависитъ побѣда или пораженіе, должны занимать *господствующее* положеніе въ дѣятельности воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда, во всякой обстановкѣ. Для достиженія цѣли, всѣ виды нарушенія интересовъ *службы* въ области военного хозяйства должны быть собраны въ особый сборникъ карающихъ законовъ, дабы выдѣлить, такъ сказать, механически отдѣлъ служебныхъ правонарушеній, отъ нарушеній интересовъ

казны. Тогда только каждый хозяйственный чинъ получитъ совершенно ясное представленіе о томъ, съ чѣмъ онъ долженъ считаться прежде всего, и болѣе всего. Такъ, напр., доставить войскамъ гнилые сухари составляетъ преступное дѣяніе независимо побужденій, а характеръ этого дѣянія опредѣляется возможными послѣдствіями въ мирное или военное время. Если гнилые сухари пріобрѣтены вполнѣ честно, но ради экономіи, то подобная хозяйственная работа все таки относится къ разряду преступныхъ дѣяній, несмотря на честность и соблюденіе интересовъ казны.

Нарушеніе интересовъ казны слагается изъ двухъ частей: нарушенія довѣрія къ воинскому чину, довѣрія къ его чести и матеріальныхъ убытковъ казны. Первая часть выясняется на почвѣ понятій о воинской чести, а потому и наказанія должны соотвѣтствовать означеннымъ понятіямъ. Въ виду сего, необходимо установить наказанія, которыя основаніемъ своимъ имѣли бы лишеніе довѣрія и чести, а не уголовныя наказанія по общему закону. И въ данномъ случаѣ надо преслѣдовать только интересы арміи въ томъ смыслѣ, чтобы вопросы чести, столь дорогіе войскамъ, получили совершенно опредѣленное и самостоятельное значеніе въ военномъ хозяйствѣ. Дать гнилые сухари войскамъ можно и честно, и безчестно. Если первое дѣяніе не вызываетъ лишенія чести, то второе непременно должно сопровождаться соотвѣтственными праволишеніями.

Что же касается убытковъ казны, то вопросъ этотъ относится къ коммерческой области, а потому, ради достоинства арміи, подобные вопросы должны разрѣшаться въ порядкѣ обычнаго денежнаго иска. Необходимо рѣзко указать, что армія не преслѣдуетъ коммерческихъ интересовъ, а заботится исключительно о средствахъ борьбы, т. е. исключительно о службѣ и чести, а не о деньгахъ. Поэтому, вопросы объ убыткахъ должны быть отнесены въ область интересовъ казны.

Область интересов казны должна быть поставлена исключительно на коммерческих началах, а потому нарушения этих интересов не должно вызывать уголовной ответственности для воинских чиновъ, а сопровождаться ответственностью только материальной. Безъ этого легко запятнать рыцарскій идеалъ военной службы, тотъ идеалъ, который весь сотканъ изъ моральныхъ побужденій и составляетъ основу душевной дѣятельности арміи.

Еще такъ недавно интересы казны имѣли второстепенное значеніе и совершенно не учитывались, при опредѣленіи воинской доблести данной воинской части. За то твердо господствовало моральное правило, что малѣйшее пятно на воинской чести, напр., утрата орудія въ бою, смывалось или геройскимъ подвигомъ, или гибелью виновника на полѣ битвы. Исторія убѣждаетъ, что благодаря столь могучему правилу, чуждому какихъ бы то ни было материальныхъ соображеній, воинское знамя побѣдно развѣвалось отъ полюса до экватора.

Кто же отвѣчаетъ *материально* за интересы казны? Правильный отвѣтъ получится, если сопоставить объ стороны чиновъ хозяйственнаго разряда и поставщиковъ. Первые только принимаютъ, вторые—доставляютъ имущество. Убытки казны происходятъ въ томъ только случаѣ, если поставщики *заблаговременно* готовятъ злоупотребленія, а имущество даютъ неудовлетворительное. Слѣдовательно, источникомъ убытковъ казны является дѣятельность *частныхъ лицъ*, выполняющихъ военно-хозяйственныя работы. Очевидно, эти лица и должны нести материальную ответственность за убытки казны. Подобная постановка вопроса уничтожитъ главную причину злоупотребленій, такъ какъ частнымъ лицамъ не будетъ *расчета* вести дѣла съ казной на почвѣ обмана. Полученныя обманымъ путемъ деньги должны быть взысканы съ частныхъ лицъ, по системѣ штрафа, и внесены на пополненіе того именно отдѣла военнаго хозяйства, который потерпѣлъ убытки. Подобный приемъ уничтожитъ *источникъ* злоупотребленій.

Нарушеніе интересовъ частныхъ лицъ выражается въ формѣ полученія отъ подрядчиковъ и поставщиковъ денежныхъ и другихъ материальныхъ выгодъ. Нарушенія эти извѣстны подъ именемъ мздоимства, лихоимства и вымогательства. Принимая во вниманіе, что подобные убытки частныхъ лицъ возможны только при безнравственности этихъ лицъ, такъ какъ честный человекъ въ безчестную сдѣлку никогда не вступитъ,—необходимо признать, что интересы частныхъ лицъ ни въ какой формѣ не должны быть предметомъ уголовного правосудія. Но такъ какъ полученіе отъ частныхъ лицъ выгоды, совершенно недопустимо, то подобныя дѣянія надлежитъ отнести исключительно къ вопросамъ чести, а не службы. Что же касается частныхъ лицъ, то они могутъ искать возмѣщеніе убытковъ въ обще-государственномъ порядкѣ, внѣ всякой связи съ военнымъ дѣломъ. Подобное правило имѣетъ то моральное основаніе, что частныя лица преслѣдуютъ исключительно денежные выгоды, а потому и всякіе личные убытки должны возмѣщаться безъ всякой помощи со стороны военнаго правосудія. Затрачивать огромныя казенныя средства и рабочую силу служащихъ на то, чтобы собрать доказательства убытковъ частныхъ лицъ,—не отвѣчаетъ даже обще-государственнымъ законамъ, согласно коимъ истецъ самъ обязанъ представить суду доказательства правильности своего иска. Законъ не обязываетъ общія судебныя установленія помогать истцу; надлежитъ и военное правосудіе освободить отъ подобной обязанности.

Каждое лицо, нарушившее законъ, должно отвѣчать, по закону. Вотъ общее неизмѣнное правило государственнаго, а въ томъ числѣ и военнаго порядка. Но наказанія должны соответствовать интересамъ государства и интересамъ арміи. Если же наказанія будутъ отвѣчать отвлеченнымъ понятіямъ объ идеальной справедливости, то они не принесутъ реальной пользы. Съ точки зрѣнія военной психологии, всѣ наказанія должны быть такъ соображены, чтобы

ни въ какой формѣ не разрушать въ народѣ идеальнаго, возвышеннаго представленія объ арміи. Поэтому немислимо воинскихъ чиновъ подвергать общегражданскимъ наказаніямъ, хотя бы съ лишеніемъ воинскаго званія. Лишенный этого званія долженъ пройти еще невоенный разрядъ, чтобы затѣмъ уже вступить въ число гражданскихъ лицъ. Но если прямо изъ арміи воинскіе чины будутъ передаваться въ мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства, то престижъ и обаяніе военнаго мундира пострадаютъ въ сильнѣйшей степени. Гражданскихъ лицъ и даже женщинъ подвергаютъ заключенію *въ крѣпости*, что совершенно не отвѣчаетъ идеѣ о крѣпостяхъ; казалось бы, что заключеніе въ крѣпости должно составлять единственную форму лишенія свободы только военно-служащихъ, совершившихъ преступное дѣяніе во время ношенія военнаго мундира, только при такомъ условіи званіе военнаго, — хотя бы даже лишеннаго этого званія, не будетъ служить обширной темой для униженія арміи и для преступной агитаціи.

Наконецъ, *обстановка* правонарушенія должна быть выяснена совершенно точно. Если по общимъ законамъ не каждый убійца — преступникъ, то въ военномъ дѣлѣ обстоятельства даннаго дѣянія имѣютъ еще большее значеніе. Такъ, напр., воинскій чинъ, всею душой желавшій пріобрѣсти подлинную диспозицію противника для предстоящаго боя и неудачно истратившій на это казенныя деньги, не можетъ быть признанъ виновнымъ въ нарушеніи законовъ военнаго хозяйства.

Кромѣ того, самое рѣшительное требованіе военнаго правосудія — выяснять первоначально обстановку, имѣетъ огромное воспитательное значеніе. Всякое пораженіе есть результатъ прежде всего незнанія обстановки. Военная психологія говоритъ, что первоначально умъ обязанъ выяснитъ и понять фундаментъ, на которомъ работаетъ воля, чувство и совѣсть. Только тогда душевная дѣятельность можетъ быть продуктивной. Если же не знать дѣйствительныхъ

условій, съ коими необходимо считаться, то невольно все дѣло будетъ поставлено на „авось“, что всегда даетъ печальныя послѣдствія. Въ виду изложеннаго, каждая инстанція, а въ томъ числѣ и военно-судебная, провѣряющая дѣятельность хозяйственныхъ чиновъ, обязана прежде всего выяснитъ обстановку, безъ коей нѣтъ основанія для провѣрки, въ какомъ угодно отношеніи.

Настойчивое требованіе выяснитъ обстановку несомнѣнно пріучитъ воинскихъ чиновъ относиться къ таковой въ полной мѣрѣ серьезно, и этимъ будетъ устранена пагубная привычка дѣйствовать „на авось“.

Военная психологія разсматриваетъ еще вопросъ о психологической природѣ беспорядковъ въ военномъ хозяйствѣ.

Въ военно-хозяйственной операціи участвуютъ многія лица; слѣдовательно, преступленія въ означенныхъ операціяхъ коллективны, т. е. совершаются скопомъ, обществомъ. Душою этого общества являются именно тѣ лица, которыя матеріально болѣе всего заинтересованы въ обманномъ дѣлѣ; которыя задумали совершить преступное дѣяніе и которыя непосредственно его совершаютъ, представляя для сдачи въ казну негодное имущество. Слѣдовательно, душа заговора противъ казны гнѣздится въ душѣ подрядчиковъ и поставщиковъ, которые поэтому являются главными виновниками военно-хозяйственныхъ неурядковъ. Безъ указанной „души“ преступныя дѣянія невозможны, неосуществимы.

Затѣмъ, подрядчики и поставщики, ведущіе дѣло съ казною честно, т. е. доставляющіе вполнѣ удовлетворительное имущество, совершенно *не зависятъ* отъ военно-хозяйственныхъ органовъ. Напротивъ, хозяйственное благополучіе арміи во многомъ зависитъ отъ честныхъ поставщиковъ. Поэтому, въ случаѣ какихъ либо незаконныхъ требованій со стороны воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда — честные поставщики всегда могутъ остановить неурядки,

заявивши о преступныхъ стремленіяхъ хозяйственныхъ чиновъ. Такъ какъ всѣ безъ исключенія воинскіе чины подчинены начальникамъ въ іерархической постепенности, то честный поставщикъ имѣетъ возможность искать правды и справедливости въ очень многихъ инстанціяхъ, до военнаго министра и главнокомандующаго включительно. Совершенно невѣроятно допустить, чтобы справедливое требованіе честнаго поставщика было бы отклонено во всѣхъ инстанціяхъ.

Иное дѣло, когда хозяйственная операція построена на обманномъ основаніи. Въ этомъ случаѣ поставщикъ конечно соглашается на меньшіе убытки, неся расходы по сокрытію своихъ личныхъ преступныхъ дѣяній, чѣмъ обращаться къ военной іерархіи съ просьбою выяснить положеніе вопроса.

Указанное психологическое соотношеніе двухъ сторонъ еще разъ подтверждаетъ, что источникомъ хозяйственныхъ беспорядковъ служатъ обманная дѣйствія частныхъ лицъ, исполняющихъ военно-хозяйственныя работы.

Наконецъ, подрядчики и поставщики, съ ногъ до головы заинтересованные въ хозяйственныхъ операціяхъ, никоимъ образомъ не могутъ быть „свидѣтелями“ по дѣлу о незаконныхъ дѣяніяхъ воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда. Основное условіе свидѣтельскихъ показаній,—это *безпристрастіе*. Но въ душѣ и сердцѣ свидѣтеля, на совѣсти коего лежитъ сознаніе своей личной, очень большой ответственности, безпристрастіе совершенно отсутствуетъ. Напротивъ, имѣется много побужденій быть весьма пристрастнымъ. Если воинскій чинъ содѣйствовалъ обману и этимъ умножалъ барыши поставщика, то этотъ послѣдній постарается скрыть дѣянія своего сообщника. Если же хозяйственный чинъ строго предъявлялъ законныя требованія, то естественно ожидать мести, что совершенно уничтожаетъ цѣнность свидѣтельскихъ показаній.

Выйти изъ заколдованнаго круга возможно только установленіемъ такого порядка, при коимъ современное основаніе уголовного права, а именно—принципъ личной отвѣтственности, получилъ бы полное осуществленіе. Достигнуть цѣли можно въ слѣдующей формѣ:

а) *воинскіе чины* хозяйственнаго разряда отвѣчаютъ за интересы службы и за дѣянія противъ чести;

б) *подрядчики и поставщики*—за интересы казны, въ увеличенномъ размѣрѣ противъ понесенныхъ казною убытковъ;

в) *начальники* хозяйственныхъ чиновъ отвѣчаютъ за беспорядки, допущенные въ командѣ, среди подчиненныхъ.

При такихъ условіяхъ прежде всего устраняется источникъ злоупотребленій, а въ работѣ хозяйственнаго органа господствующее значеніе получить внутренней, самый дѣйствительный контроль. Поэтому, всякое преступное стремленіе съ обѣихъ сторонъ будетъ остановлено въ зародышѣ.

XII. *Общественное мнѣніе* въ лицѣ газетъ стремится провѣрять каждый шагъ воинскаго чина хозяйственнаго разряда. Но дабы провѣрка была правильна и справедлива, необходимо точно выяснитъ обстановку и изучить *всю* документы, относящіеся къ данной хозяйственной операціи. Конечно, надо быть также самому специалистомъ, дабы понимать дѣло не хуже хозяйственныхъ чиновъ. Очевидно, указанная работа непосильна частнымъ сотрудникамъ, которые не располагаютъ надлежащими познаніями, временемъ и матеріаломъ для всесторонняго изученія вопроса. Но такъ какъ заполнить газету и заработать гонораръ все таки надо, то сотрудники пользуются случайными свѣдѣніями, а въ томъ числѣ и непомнящими родства, т. е. базарными сплетнями. Очевидно, что провѣрка на столь шаткихъ основаніяхъ не можетъ принести пользы. Напротивъ, создавая газетную шумиху вокругъ хозяйственныхъ вопросовъ, сотрудники играютъ въ руку тѣмъ противогосударственнымъ элементамъ, которые стремятся подорвать довѣріе къ арміи и разрушить воинскую доблесть.

Однако, въ настоящее время невозможно запретить газетамъ высказывать свои сужденія по вопросамъ военного характера. Да въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Напротивъ, печать можетъ принести очень большую пользу военному дѣлу, но только при одномъ условіи: *если къ печатному слову будетъ относиться честно.*

Сущность газетной чести заключается въ томъ, чтобы, во первыхъ, не только разоблачать недостатки, но и давать практическіе совѣты для лучшаго рѣшенія данного вопроса; а во вторыхъ,—точно указывать на источникъ свѣдѣній и документа, на коихъ основано разоблаченіе. Только тогда будетъ ясно, въ какой мѣрѣ можно довѣрять тому, что такъ хлестко пишутъ сотрудники, для коихъ почасовая плата неизмѣримо выше чести военного мундира.

XIII. *Частныя лица*—подрядчики, поставщики, возчики грузовъ и др., выполняющія хозяйственныя работы, преслѣдуютъ одну единственную цѣль, а именно—личное обогащеніе. Дабы выяснитъ отношеніе частныхъ лицъ къ военному дѣлу, необходимо первоначально выяснитъ психологическую почву, на коей совершается работа частныхъ лицъ.

Въ нашу эпоху главнѣйшій мотивъ дѣятельности человѣка—борьба за существованіе чрезвычайно усложнилась. Какъ слѣдствіе сего, обострилась война капитала съ трудомъ; повысилась классовая вражда; разгорѣлись страсти политическихъ партій. Одновременно съ этимъ, религія и нравственность сильно пошатнулись; пресловутая культура разожгла аппетиты, но не указала легальныхъ путей для удовлетворенія повышенныхъ желаній современнаго нервнаго человѣка. Потребности прогресса значительно превзошли нормальный заработокъ отдѣльнаго работника. Въ военное же время, прибавляется еще страсть разбогатѣть въ кратчайшій срокъ, не считаясь съ элементарными правилами морали.

Частныя лица, затрачивая силы и время, расходуя свой оборотный капиталъ,—стремятся получить возможно

большій торговый процентъ, что, конечно, вполне естественно и законно. Но указанная выше неблагоприятная почва привела къ тому, что законныя желанія перешли въ страсть наживы, а легальные пути къ обогащенію замѣнились принципомъ „цѣль оправдываетъ средства“. Въ результатѣ образовались двѣ враждебныхъ стороны: казна и частныя лица. Обѣ стороны ведутъ борьбу, сущность коей заключается въ томъ, что казна стремится выполнить военно-хозяйственныя операціи съ возможно большей для себя выгодой; другая же сторона прилагаетъ всѣ усилія, дабы получить возможно большій барышъ, хотя бы незаконными путями. Съ этой цѣлью, поставщики и исполнители заказовъ казны вступаютъ между собою въ тайныя соглашенія, образуютъ союзы-синдикаты. Они годами подкарауливаютъ ассигнованія на большія хозяйственныя операціи; своевременно привлекаютъ къ участию крупныхъ конкурентовъ, устраняя болѣе слабыхъ; прочно и широко организуютъ шпіонажъ, дабы заблаговременно получить необходимыя свѣдѣнія; расходуютъ колоссальныя суммы на подкупъ печати и нужныхъ лицъ. Въ общемъ тщательно подготавливается, а затѣмъ энергично ведется ожесточенная война, по всѣмъ правиламъ коммерческаго и банковаго искусства.

Союзы и соглашенія поставщиковъ привели къ тому, что исполнителями заказовъ казны является нѣсколько лицъ, другъ другу чуждыхъ. И вотъ, на почвѣ общаго стремленія къ наживѣ союза-синдиката, созрѣваетъ еще частное желаніе каждаго порознь исполнителя разбогатѣть самостоятельно. Для этого увеличиваются расходы подъ разными предлогами, между прочимъ выводятся въ расходъ хозяйскія деньги подъ видомъ выдачи взятокъ воинскимъ чинамъ, вѣдающимъ данной хозяйственной операціей.

Вотъ характеръ дѣятельности частныхъ лицъ. Бываютъ, конечно, исключенія, которыя только доказываютъ общее правило.

XIV. *Воинскіе чины хозяйственнаго разряда.* Въ центрѣ указанной выше, чрезвычайно сложной и тяжелой обстановки стоятъ воинскіе чины, въ качествѣ главныхъ исполнителей хозяйственныхъ операций. Въ то же время означенные чины находятся въ центрѣ пяти прямо противоположныхъ давленій, а именно: со стороны войскъ—предъявляются требованія своевременно дать средства для жизни и боя; со стороны казны—расходовать возможно меньше денегъ; со стороны провѣряющихъ инстанцій—выполнять всѣ правила прихода-расходнаго учета и своевременно представлять оправдательные документы; со стороны частныхъ лицъ—дать заработокъ, возможно большій; наконецъ со стороны общественнаго мнѣнія,—осуждающаго дѣятельность воинскихъ чиновъ, на почвѣ свѣдѣній, непомнящихъ родства.

Вотъ тотъ духовный міръ, въ коемъ сосредоточены всѣ помыслы хозяйственнаго чина и работаютъ всѣ его душевные силы. Не трудно замѣтить, что міръ этотъ слагается изъ моральныхъ величинъ совершенно несоизмѣримыхъ. Съ одной стороны, требуется очень большая активность, безъ которой потребности войскъ не могутъ быть удовлетворены. Съ другой же стороны, требуется абсолютная пассивность, безъ коей интересы казны не могутъ быть соблюдены. Затѣмъ, требуется движеніе впередъ, къ сторонѣ общаго боевого успѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оглядываться назадъ,—что скажутъ провѣряющія инстанціи. Наконецъ, духовныя силы хозяйственный чинъ обязанъ черпать исключительно въ самомъ себѣ, такъ какъ въ трудныя минуты никто его не поддержитъ; мало того—всѣ отъ него отвернутся, при первыхъ же признакахъ недоразумѣній, созданныхъ хотя бы нечестивымъ языкомъ копѣчной газеты.

Самое же главное то, что военное хозяйство *не въ почетѣ.* Вотъ, гдѣ корень зла, съ точки зрѣнія военной психологіи. Столь тягостное сознаніе не можетъ быть источникомъ положительныхъ движеній души, не можетъ укрѣ-

пить моральныхъ силъ, не можетъ служить основаніемъ воинской доблести. Если воинскій чинъ, не желающій уронить себя въ глазахъ товарищей и общества, обязанъ скрывать родъ своей службы, то значитъ военное хозяйство теряетъ характеръ почетной отрасли военнаго искусства. Гдѣ же тогда найти источникъ полезныхъ душевныхъ движеній?

Кромѣ того, военная психологія отличаетъ еще одну въ высокой степени своеобразную особенность. Въ то время, какъ воинскіе чины хозяйственнаго разряда испытываютъ на себѣ пренебрежительное отношеніе окружающей среды,—гражданскія лица, косвенно причастныя къ военному хозяйству, занимаютъ весьма привилегированное положеніе. Уполномоченнымъ, довѣреннымъ, посредникамъ и тому подобнымъ лицамъ предоставляется первое мѣсто и повышенное вниманіе, далеко не по заслугамъ и значенію въ военномъ дѣлѣ того учрежденія, представителемъ котораго состоитъ данное гражданское лицо. Но преувеличенное вниманіе создаетъ преувеличенное довѣріе. Таковъ законъ психологіи. Довѣріе же тянетъ за собою преувеличенное вліяніе, которое незамѣтно передаетъ въ руки гражданскихъ лицъ судьбу воинскаго чина хозяйственнаго разряда. Естественно поэтому, что хозяйственный чинъ теряетъ подъ ногами почву и быстро поглощается житейскимъ водоротомъ.

Вотъ общее психологическое положеніе; въ частности, необходимо отмѣтить слѣдующее.

Въ военномъ хозяйствѣ возможны геній и таланты, какъ и во всякой вообще специальной области. Но военное хозяйственное творчество до такой степени опутано кассовыми и другими правилами, что воинскій чинъ обязывается прежде всего механически и буквально исполнять мертвящія нормы. Отступленіе отъ этого правила вызываетъ колоссальныя непріятности, въ видѣ начета и даже судебного преслѣдованія.

Какъ общее правило, на работоспособнаго хозяйственнаго чина возлагаются сверхштатныя порученія и не даются достаточныя средства для выполненія задачи. Но если и при столь неблагоприятныхъ условіяхъ, обязанности исполнены въ зависимости отъ обстановки, все-таки чинъ не избавленъ отъ несправедливой оцѣнки его дѣятельности, за нарушение мелочныхъ формальностей. Происходитъ это потому, что главная задача провѣряющихъ инстанцій заключается именно въ томъ, чтобы найти возможно больше неправильностей, хотя бы мелочныхъ. Понятно, что въ душѣ хозяйственнаго чина поднимается горькое чувство обиды, когда вмѣсто заслуженной награды онъ получаетъ упреки. Означенное чувство бьетъ по самому чувствительному нерву человѣка, по его служебному самолюбію.

Что же касается подрядчиковъ и поставщиковъ, среди коихъ поневолѣ приходится работать, что лица эти создаютъ какую то *зачумленную* среду, которая зорко стережетъ каждый промахъ, каждое слово, каждую шутку и неосторожный шагъ хозяйственнаго чина, дабы немедленно накинуть на него петлю, съ угрозой затянуть на смерть, при первомъ же противодѣйствіи корыстнымъ желаніямъ частныхъ лицъ.

Въ результатѣ создается слѣдующая психологическая обстановка: *умъ*,—порабощенный слишкомъ точными указаніями и требованіями, не находитъ простора для знаній, опыта, размышленій; *воля*,—связанная кассовыми правилами, всецѣло направляется въ сторону этихъ правилъ, забывая потребности войскъ; *чувства*,—на почвѣ гнета и трусости за личную судьбу, не даютъ воодушевленія, а напротивъ, ослабляютъ энергію; *совѣсть*,—находясь подъ очень сильнымъ давленіемъ, подвергается весьма тяжелымъ испытаніямъ.

Въ общемъ, получается могильная плита, которая разрушаетъ таланты, самосознаніе и самое лучшее желаніе отдать всю душу на общую пользу войскъ, не опасаясь начетовъ и доносовъ подрядчиковъ.

Этотъ страшный кошмаръ можно уничтожить однимъ только средствомъ: воспитывать активныхъ хозяйственныхъ чиновъ, коимъ указывать только одну опредѣленную цѣль, а именно—*интересы службы*. Цѣль эта, какъ спасительный маякъ, рѣшительно повернетъ всѣ помыслы, всѣ душевныя силы хозяйственнаго чина туда, куда они должны быть всегда обращены: въ сторону хозяйственнаго благополучія арміи.

Для полноты картины необходимо сопоставить обѣ стороны, отъ коихъ во многомъ зависитъ благополучіе военнаго хозяйства.

Воинскіе чины.

На указанной выше очень зыбкой и предательской почвѣ, въ центрѣ страстныхъ, доходящихъ до стихійной силы, столкновеній—стоитъ воинскій чинъ хозяйственнаго разряда. Чинъ этотъ обязанъ работать умѣло, срочно, хорошо и дешево. Какъ общее правило, хозяйственный чинъ мало опытенъ въ хозяйственномъ дѣлѣ и располагаетъ недостаточными средствами для разрѣшенія данной задачи. Страхъ потерять казенную копѣйку создаетъ необычайно сложныя правила расходованія денежныхъ суммъ, провѣрки и отчета. Поэтому творчество, инициатива и всѣ прочія моральные двигатели стянуты мертвой петлей кассовыхъ и счетныхъ правилъ. Надъ головой исполнителя виситъ угроза политической смерти за неосторожное дѣяніе, ошибку и даже за неудачную фразу, сказанную подрядчику въ минуту раздраженія, столь понятнаго въ очень тревожной обстановкѣ, особенно въ военное время.

Въ своей средѣ воинскій чинъ встрѣчаетъ подозрѣніе уже потому, что онъ—чинъ хозяйственнаго разряда; окружающія служебныя лица начинаютъ сторониться, изъ опасенія быть запутанными въ какое нибудь нечистое дѣло.

Частныя лица.

Съ другой стороны, противъ обезсиленнаго, запуганнаго, одинокаго хозяйственнаго чина выдвигается фаланга опытныхъ дѣльцовъ; призываются на помощь протекція, угрозы, сильныя вліянія, обѣщанія, соблазны. Частныя лица, — подрядчики и поставщики работаютъ дружно, умѣло, безпощадно и безнравственно. Устраиваютъ всевозможныя ловушки запутать воинскаго чина, создать условія для шантажа, подчинить себѣ волю воинскаго чина, угрожая ему судомъ за неосторожно выпитую вмѣстѣ чашку чая. Если же дѣло дойдетъ до суда, то что значитъ дать показанія въ какомъ угодно духѣ, тѣмъ болѣе, что частныя лица за подкупъ и совращеніе чиновъ съ пути истины вовсе не отвѣчаютъ по закону и рѣшительно ничѣмъ не рискуютъ. Означенное сопоставленіе на почвѣ психологіи убѣждаетъ, что борьба за интересы службы и казны ведется слишкомъ неравными силами. Всѣ безъ исключенія условія побѣды находятся на сторонѣ частныхъ лицъ. Неудивительно поэтому, что въ хозяйственномъ дѣлѣ бывають очень большіе изъяны. Военная психологія рѣшительно заявляетъ — необходимо прежде всего освободить моральныя силы воинскихъ чиновъ хозяйственнаго разряда отъ всевозможныхъ стѣсненій и ненужныхъ формальностей; надо очистить поле для творчества, инициативы и энергіи, а тогда результаты получатся совершенно иные.

XIV. *Заключеніе.* Дабы ясно представить себѣ психологію военнаго хозяйства, необходимо суммировать изложенное выше.

1) Сущность военнаго хозяйства заключается въ томъ, чтобы своевременно доставить войскамъ всѣ матеріальныя средства, необходимыя для жизни и вооруженной борьбы. Для достиженія цѣли организуются разнообразныя хозяйственные органы, которые выполняютъ задачи при содѣй-

ствіи частныхъ лицъ. Общимъ матеріальнымъ фундаментомъ военно-хозяйственной работы служатъ денежныя суммы. Общее духовное основаніе составляютъ долгъ и воинская доблесть, одинаковые для войскъ всѣхъ родовъ оружія и назначеній, а въ томъ числѣ и для чиновъ хозяйственнаго разряда.

2) Военное хозяйство — есть творчество, а не ремесло. Въ хозяйственной области возможны геніи и таланты столь же великіе, какъ и въ области стратегіи или тактики. Во всякомъ однако случаѣ, геній и талантъ боевые обязательно должны обладать геніемъ и талантомъ хозяйственнымъ, иначе войска не получаютъ матеріальныхъ средствъ борьбы. При этихъ условіяхъ, геніальный стратегическій или тактический планъ обратится въ фантастическое измышленіе, лишенное реальной почвы.

3) Дѣятельность военно-хозяйственная непременно должна быть основана на общихъ положеніяхъ военной психологіи. Поэтому надлежитъ принимать всѣ мѣры освободить моральныя силы хозяйственныхъ чиновъ отъ гнета, страха и трусости, и твердо поставить одну единственную цѣль — интересы службы. Цѣль эта должна быть увѣнчана мудрымъ изреченіемъ: „побѣдителя не судятъ“. Это значитъ, что если хозяйственный чинъ въ полной мѣрѣ удовлетворилъ потребности войскъ, то этимъ самымъ устраняются абсолютно всѣ нареканія на неправильности, буде таковыя оказались бы съ точки зрѣнія проверяющихъ инстанцій. Если же господствующее положеніе займутъ интересы казны, съ угрозой политической смерти за нарушеніе этихъ интересовъ, а проверяющія гражданскія инстанціи будутъ рѣшать судьбу воинскихъ чиновъ, то въ результатѣ получится могильная плита, которая раздавитъ долгъ и воинскую доблесть, мѣсто коихъ займетъ — трусость.

4) Дабы достигнуть благопріятныхъ результатовъ въ военномъ хозяйствѣ, необходимо предоставить чинамъ хозяйственнаго разряда такую же свободу дѣйствій и само-

стоятельность, какая предоставлена въ области стратегіи и тактики. А именно—хозяйственному чину дается опредѣленная задача и даются необходимыя средства; приемы же и способы рѣшенія задачи предоставляются личной инициативѣ и таланту исполнителя, не связывая его никакими правилами, предрѣшающими каждый шагъ, каждое движеніе. Въ устраненіе недоразумѣній, хозяйственныя задачи должны излагаться въ *хозяйственной диспозиціи*, по формѣ, установленной для боя. Въ такой диспозиціи точно указывается задача, средства и время исполненія. Хозяйственная диспозиція обяжетъ первоначально выяснитъ обстановку, подсчитать необходимыя средства и не давать задачъ „на авось“.

Исполнитель же получить документальное доказательство—какими средствами онъ располагалъ, а слѣдовательно будетъ ясно, что можно было требовать отъ хозяйственнаго чина. Къ хозяйственной диспозиціи прилагаются акты, подписанные только строевымъ начальствомъ; въ актахъ излагается, въ какой мѣрѣ данная хозяйственная операція выполнена. Хозяйственная диспозиція и хозяйственные акты замѣняютъ абсолютно всѣ отчетные документы, въ полной мѣрѣ и во всѣхъ отношеніяхъ исчерпываютъ хозяйственный вопросъ, если таковой разрѣшенъ удовлетворительно. Указанная связь и зависимость хозяйственныхъ приемовъ отъ строевыхъ частей установить весьма полезное міровоззрѣніе обѣихъ сторонъ—хозяйственные чины получаютъ ясное представленіе, въ чемъ заключается сущность ихъ работы; строевые чины, несомнѣнно, будутъ оказывать полное содѣйствіе лицамъ, которыя неудержимо стремятся къ результатамъ, полезнымъ для войскъ. Установится круговая работа, въ коей долгъ и воинская доблесть получаютъ господствующее значеніе, а безнравственныя побужденія, несомнѣнно, будутъ остановлены благотворнымъ вліяніемъ строевыхъ чиновъ, столь же близко стоящихъ къ дѣлу, какъ и чины хозяйственные.

5) Но такъ какъ дѣятельность многихъ лицъ требуетъ общаго руководства и общаго контроля, то для сей цѣли необходимо организовать *Военно-ревизіонныя комиссіи*, непременно изъ военныхъ чиновъ разныхъ специальностей. Означенная комиссія обязана руководить, ревизовать и разрѣшать недоразумѣнія въ хозяйственной области. Въ составъ комиссіи надлежитъ включить чиновъ Государственного контроля, въ качествѣ финансовыхъ совѣтниковъ, съ правомъ голоса, но безъ распорядительной власти. Отчеты совѣтниковъ своему непосредственному начальству свяжутъ Военно-ревизіонныя комиссіи съ Государственнымъ контролемъ.

Въ мирное время должны быть: одна Главная Военно-ревизіонная комиссія и Окружныя Военно-ревизіонныя комиссіи, по числу военныхъ округовъ. Въ военное время, въ каждой арміи формируется Армейская Военно-ревизіонная комиссія и Корпусныя или Тыловыя Военно-ревизіонныя комиссіи. Всѣ означенныя комиссіи должны работать на почвѣ *содѣйствія*, военной солидарности и взаимной помощи, стремясь къ одной единственной цѣли: своевременно дать войскамъ вполнѣ удовлетворительныя матеріальныя средства, необходимыя для жизни и вооруженной борьбы.

Всѣ недоразумѣнія въ области военно-хозяйственной разрѣшаются властью военнаго министра или главнокомандующаго, по принадлежности. Разрѣшаются *окончательно*.

Надо полагать, что организованныя на указанныхъ началахъ Военно-ревизіонныя комиссіи дадутъ *внутренній*, т. е. самый дѣйствительный контроль дѣятельности чиновъ хозяйственнаго разряда: затѣмъ, отлично понимая обстановку, комиссіи будутъ рѣшать вопросы на почвѣ жизненныхъ потребностей войскъ; неизбѣжныя въ практической дѣятельности недоразумѣнія будутъ разрѣшаться въ духѣ

интересовъ службы; преступныя побужденія будутъ остановлены на первыхъ же шагахъ, благодаря тому, что коммисія можетъ всегда находиться въ курсѣ дѣла.

Въ общемъ, предлагаемая Военно-ревизионная коммисія прочно свяжутъ строй и хозяйство на общей почвѣ воинскаго долга и воинской доблести и составятъ то ревизионное учрежденіе, которое можетъ руководить хозяйственными операціями въ зависимости отъ обстановки и условій дѣйствительной жизни, на общую пользу арміи.

Чины же хозяйственнаго разряда могутъ использовать весь свой талантъ, всю свою энергію, отлично сознавая, что дѣятельность ихъ будетъ оцѣнена вполне свѣдущими лицами, а невольныя погрѣшности будутъ отдѣлены отъ преступныхъ посягательствъ. Словомъ, хозяйственные чины могутъ спокойно довѣрить свою судьбу Военно-ревизионной коммисіи, что дастъ уравновѣшенность духа и полезное соревнованіе. На такой психологической почвѣ талантъ, энергія, служебное усердіе получаютъ самое широкое и полезное примѣненіе.

Въ современныхъ миллионныхъ арміяхъ хозяйственныя потребности разрослись до ужасающихъ размѣровъ. Выполнить современныя колоссальныя требованія можетъ только прочная организація, всецѣло основанная на *активныхъ* началахъ, дающая широкій просторъ личной инициативѣ. Безъ этого, несовершенства военнаго хозяйства въ военное время могутъ дать боевыя катастрофы. Многотысячнымъ арміямъ нужны средства вооруженной борьбы, а не ревизія и контроль десять лѣтъ спустя послѣ войны. Чинамъ же хозяйственнаго разряда нужна разумная свобода дѣйствій, безъ всякой опеки со стороны кассовыхъ правилъ и гражданскихъ лицъ.

Надо, непременно надо скорѣе снять тотъ моральный гнетъ, который служитъ единственнымъ источникомъ всѣхъ ненормальностей въ военномъ хозяйствѣ. Тогда

только хозяйственныя операціи будутъ идти къ дѣйствительной, а не бумажной цѣли; идти твердо, честно и талантливо.

Въ настоящее время, по многимъ причинамъ, армію необходимо превратить въ *Рыцарскій Военный Орденъ*, замкнутый въ своей специальности, съ очень прочной дисциплиной и повышенной воинской доблестью. Дабы въ Орденъ не проникло штатское мировоззрѣніе, руки гражданскихъ лицъ не должны прикасаться къ арміи. Только при такихъ условіяхъ воинскіе чины будутъ воинами и по званію, и по складу души своей.

30

ИИ

Изданія УХАЧЪ-ОГОРОВИЧА.

- 1) Масштабы, дробный, графическіе, заложеній
и высоты — р. 60 к.
- 2) Войсковой хлѣбъ 1 „ — „
- 3) Войсковые консервы — „ 50 „
- 4) Продовольственные продукты — „ 50 „
- 5) Мясо — „ 50 „
- 6) Къ вопросу о продовольствіи войскъ . . . — „ 10 „
- 7) Въ океанѣ, два путевыхъ очерка — „ 35 „
- 8) Отчетъ управленія транспортовъ Штаба
Главкомандующаго, 3 тома, съ планами
и фототипіями 15 „ — „
- 9) Набѣгъ на Инкоу 1 „ 50 „
- 10) Вьючныя носилки, съ планами и фототи-
піями 1 „ 50 „
- 11) Къ вопросу о транспортахъ Маньчжур-
скихъ армій 1 „ — „
- 12) Маньчжурскій театръ военныхъ дѣйствій . 1 „ — „
- 13) Стратегія терпѣнія—печатается.
- 14) Военная психологія 2 „ — „

Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, С.-Петербургъ, Колокольная 14.
